E43
228

Е43 228

1 МАЙ

ПЕРВОМАЙСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

ГОСУДАРСТВ. ИЗД-ВО
ЛЕНИНГРАД
1924

МАРК КИРНАРСКИЙ

БИБЛИОТЕКА

43
228
1-й экз

ПЕРВОМАЙСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

СОСТАВИЛИ
С. Н. ВАЛК и А. А. ШИЛОВ

23455
374.4
В 15
К

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

БИБЛИОТЕКА
СОЮЗА С. С. Р.

Государственное
Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Ленинград

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 436

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ
№ 32977-89

32977-89

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Гиз. № 6981. Ленинградский Гублит № 4941. Отп. 5.000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ

Тридцать пять лет прошло с тех пор, как Первое Мая стало праздником всех трудящихся. От скромных кружковых маевок начала 1890-х годов через майские собрания, демонстрации, забастовки первомайский праздник принял характер грандиозных манифестаций, поражающих своим размахом и грозных для всего буржуазного мира. Этот праздник в наше время тем грандиознее и значительнее, что вот уж скоро семь лет, как он нашел себе новое отечество в великом и могучем государстве трудящихся — Союзе Советских Социалистических Республик. Естественно, что этот день должен быть особо отмечен в Советских школах, клубах и т. п. Для них и предназначается, главным образом, «Первомайская хрестоматия».

Стихотворения и рассказы, отражающие разные моменты из истории до-революционного и после-революционного Первого Мая и характеризующие отношение различных писателей к пролетарскому празднику, собранные в первой (литературной) части хрестоматии, могут служить материалом для чтения на школьных и клубных первомайских празднествах.

Вторая часть хрестоматии — историческая. В ней в хронологическом порядке собраны исторические материалы, дающие цельную картину основных моментов «празднования Первого Мая» в России за тридцатипятилетний период. Воспоминания участников различных маевок, первомайские речи, майские партийные воззвания, описания демонстраций, статьи, характеризующие разные моменты празднования Первого Мая,—все это может служить материалом для различных бесед, лекций, сообщений в школах, кружках и рабочих клубах. Этот же материал

может быть использован для классных и кружковых занятий по русской истории конца XIX — начала XX веков, тем более, что история Первого Мая теснейше связана с текущей политической жизнью, с ростом рабочего движения, историей партийных организаций. Для последней цели указано несколько примерных тем, которые могли бы быть разработаны на основе собранного материала, равно как указана и важнейшая первомайская библиография.

Есть одно обстоятельство, о котором теперь приходится упомянуть на первой же странице «Первомайской хрестоматии»,—

НЕТ ЛЕНИНА

Это не может не накладывать своего отпечатка на выступления рабочего класса в день Первого Мая.

Победоносная армия труда, как и раньше, будет демонстрировать свою мощь во всех уголках мира; как и раньше, она будет иметь за собой крепкий штаб — Коммунистический Интернационал и Коммунистическую Партию. Но ныне знамена ее будут склонены над могилой вождя. Сознание потери железного полководца и гениального стратега рабочего движения будет жить в каждом пролетарском бойце.

То же настроение, те же мысли должны неотступно сопутствовать читателю «Первомайской хрестоматии». Каждую букву, каждое слово в этой книге ему нетрудно будет сочетать с именем великого Ленина и с делом всей его жизни.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТРАН.

Предисловие III
Содержание V
Передовые бойцы. (Из *Уотта Уитмэна*) 1

Первое Мая в художественной литературе . . . . . 7—77

Первомайская поэзия. *А. В.* 7
Первое Мая в пролетарских стихотворениях. *Вас. С—кин* 9

До-революционное Первое Мая в художественных произведениях . . . . . 12—37

Призыв 12
Рабочая песня 13
«Мы сошлись в лесу густом...» *Е. Тарасов* 14
Первое Мая (Марш). *Ф. Волховской.* 16
Первое мая 17
Первомайская песня. *И. П. Каляев* 19
Красный мак (Из воспоминаний). *Лев Нелюбин* . . . 20
Демонстрация. *Рядовой* 22
Товарищ Адриан (Из прошлого). *Сергей Гарин* . . . 23
После расправы. *А. Бибик* 30
Первое Мая 31
Кошмар (1 Мая 1905 г.). *Вл. Ленский* 32
Май. *Демьян Бедный* 36

После-революционное Первое Мая в художественных произведениях . 38—77

Первомайский гимн. *В. Кириллов* 38
Красный Май. *Я. Бердников* 39
Красное знамя. *Ф. Шкулев* 39

СТРАН.

Первое Мая. *Вас. Сорокин* 40
Первомайская песнь. *И. Ионов* 40
«Верю я, — мы грядущее выняньчим...». *В. Александровский* 41
Первое Мая. *Маширов* 42
Праздник Мая. *Пав. Арский* 43
«Пылайте, алые зарницы!..» *Я. Бердников* 43
«Сегодня — наш праздник...» *А. Славатинский* 43
Мы. *Гр. Ямской* 44
Красный Май. *Ив. Кузнецов* 45
Май. *Я. Бердников* 45
Алое знамя. *Марг. П.* 48
Господская тень. *Демьян Бедный* 51
Первомайский салют. *Г. Санников* 52
Первое Мая. *Мих. Герасимов* 53
Мы не боимся работы. *Ив. Логинов* 54
Мы идем. *Илья Садофьев* 55
«Не румянами — зарею зарумянилися лица...» *А. Крайский* 56
Первое Мая. *Самобытник* 56
Интернационал. *И. Ионов* 57
Весенний праздник. *И. Садофьев* 58
Красная пролетарская пасха. *Демьян Бедный* 59
Наша пасха — Первое Мая. *Ив. Логинов* 59
День Первого Мая. *В. Князев* 61
Весна красная. *В. Князев* 62
Первомайские частушки. *С. Городецкий* 63
«Здравствуй, кудрявый Май!..» *В. Кириллов* 64
Первое Мая. *Н. Кубанский* 65
Мужицкий Май. *П. Орешин* 66
«Токарь счастья всех рабочих...» *С. Городецкий* . . . 67
Первомайская диалектика. *А. Соленик* 68
Первомайский сон (Отрывок из фантастической повести). *Вл. Кириллов* 69

Празднование Первого Мая . . . . . 79—217
Начало празднования Первого Мая (1889). 81
Постановление Международного Социалистического Конгресса в Париже 1889 г. 81
Первое Мая в рабочих кружках (1891—1895). 82—98
Первые маевки в Петербурге в 1891—1892 г.г. . . . . 82—85
Четыре речи, произнесенные в 1891 г. рабочими на первой маевке в Петербурге . . . . . 86—96
Первая рабочая маевка в Москве 1895 г. *С. Мицкевич* . 97

СТРАН.

Первое Мая в годы подъема рабочего движения . . . . . 99—144

Петербургская первомайская прокламация 1896 г., написанная *Н. Лениным* 99
Правительственный циркуляр о борьбе с празднованием Первого Мая 102
Наш светлый праздник. *Г. Плеханов* 103
Первая общепартийная первомайская прокламация 1898 г. 107
Майские дни 1901 г. на Обуховском заводе. *Обуховец* . 110
Первомайская демонстрация в Вильно 1902 г. *Г. Ботвиник* 118
Первое Мая в Сормове в 1902 г. 121
Речь рабочего Петра Заломова 122
Поймет ли нас грядущий человек? (Из воспоминаний). *П. Куделли* 127
Первомайская прокламация 1903 г., изданная Организационным Комитетом 131
«Искра» разбудила. *Обуховец Дмитриев* 133
Майская демонстрация 1903 г. в Тифлисе 134
Первомайская прокламация 1905 г. 137
Маевка в подполье. *Н. Семашко* 142

Первое Мая в годы реакции (1907—1911) . . . 145—156

Первое Мая за полярным кругом. *Д. Сверчков* 145
Прокламация Центрального Комитета 1909 г. 146
Первое Мая (Воспоминание). *Абаш* 152

Первое Мая в эпоху «Звезды» и «Правды» (1911—1914) . . . . . 157—161

Первомайская прокламация 1914 г. 157
Первомайский номер газеты «Путь Правды». *М. Ольминский* 159

Первое Мая в годы войны и зарождения III Интернационала (1915—1916) . . . . . 162—168

Первомайский праздник буржуазии. *Г. Зиновьев* . . . 162
Первомайская прокламация 1916 г. 165

Первое Мая после Февральской революции (1917 г.) . . . . . 169—180

Первое Мая 169
Первое Мая 1917 г. *Г. Сафаров* 170
В борьбе за братство народов. *А. Сергеев* 172

СТРАН.

Первое Мая после Октябрьской революции (1918—1923) . . . . . 181—217

Воззвание В. Ц. И. К. 1918 г. 181
Первый Октябрьский Май. *Молодцов-Вечерний* 183
Первомайское воззвание Коминтерна 1919 г. пролетариату всего мира 186
Первое Мая под белой пятой. *Ал. Деднов* 195
Первое Трудовое Мая 197
Работа первомайских субботников. *Н. Ленин* 197
Путь к счастью. *М. Горький* 199
Труд и война. *Л. Троцкий* 201
Новое в нашем первомайском празднике. *Г. Зиновьев* . 202
Прежде и теперь 206
Солнечный поток. *Оскар* 207
Грандиозно и радостно. *В. Чадаев* 212
Первое Мая у «нас» и у «них» 216

Примерные темы и библиография . . . . . 218—219

Передовые бойцы.

(Из Уотт Уитмэна.)

Загорелые, любимые,
Дружно, в ногу, ряд за рядом, приготовьте ваши ружья,
Приготовьте пистолеты, где же ваши топоры?
Вы — бойцы передовые!

Нам нельзя остановиться,
Молодые, мускулистые, мы должны идти в огонь,
Мы надежда, мы — защита для идущих вслед за нами,
Мы — бойцы передовые!

О, родная молодежь!
И горячая, и гордая, и пылающая дружбой,
Вижу вас, мои родные, вы идете впереди,
О, бойцы передовые!

Что же старые народы?
Утомились, ослабели там, за дальними морями?
*Их работу **мы** поднимем, **мы** их ношу понесем,*
Мы, бойцы передовые!

Что прошло, то позади!
Молодые, мы хватаем новый мир, богаче, ярче,
Мы врываемся в могучий мир похода и труда,
Мы, бойцы передовые!

Мы отряды разбросали
По горам и по лощинам, по дорогам неизвестным!
Побеждая, мы хватаем, не боимся никого,
Мы, бойцы передовые!

Мы переплываем реки,
Мы деревья сокрушаем, мы копаем рудники,
Мерим дикие просторы и взрыхляем целину,
Мы, бойцы передовые!

Неустанно, непрестанно,
О любимые, о милые, вы идете без конца,
Я до слез, до слез люблю вас всех, от любви я обезумел,
грудь от нежности болит,
О, бойцы передовые!

С нами знамя, наше знамя,
Поднимите наше знамя многозвездное повыше, это
наша мать родная,
Боевая наша матерь, преклонитесь перед нею, перед
нашей госпожою,
Вы, бойцы передовые!

Оглянитесь, мои милые,
Что за рати, что за толпы! Ради этих миллионов, уходя-
щих вглубь столетий,
Нам нельзя остановиться, мы не смеем отступать,
Мы — бойцы передовые!

Дальше сжатыми рядами!
Кто упал, того живые заменяют по дороге,
Мы идем без остановки, чрез огонь и пораженья, мы
воюем на ходу,
Мы, бойцы передовые!

Все влюбленные страдальцы,
Все сидящие по тюрьмам, все неправые и правые,
Все веселые и грустные, все живые, умирающие,
Все — бойцы передовые!

Вон земля летит, вертится,
А кругом — планеты-сестры, гроздья солнц и планет.
Все таинственные ночи, все сверкающие дни,
Все — бойцы передовые!

Наши — дни и ночи — наши,
Это чорная работа, расчищаем мы дорогу, ради тех, кто не родился,
Для зародышей во чреве, для идущих вслед за нами,
О, бойцы передовые!

Наши дочери и жены!
Старые и молодые, наши матери и сестры!
Вы идете вслед за нами нераздельными рядами,
Вы, бойцы передовые!

Вы, грядущие поэты,
Затаившиеся в прериях, скоро, скоро я услышу вашу радостную песню в наших сомкнутых рядах
(А былые златоусты пусть уснут в своих могилах, их работа свершена),
Вы, бойцы передовые!

Нам не нужно сладких рифм!
Нам не нужно мирных песен, ни подушек, ни туфлей,
Ни уютных удовольствий, наше ложе — на земле,
Мы — бойцы передовые!

Что? Спустилась ночь над нами?
Мы устали? Приуныли? Нам дорога не под силу?
Только час, не больше, дети, я даю вам подремать, ляжте тут же на дороге,
Вы — бойцы передовые!

Вот и трубы затрубили,
Это утренние трубы, это нас они зовут, как отчетливо и звонко!
Подымайтесь же скорее — и в передние ряды!
Вы, бойцы передовые!

ПЕРВОЕ МАЯ

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Первомайская поэзия.

Первое Мая — один из старейших праздников международного пролетариата, и неудивительно, что в пролетарской поэзии он занимает такое большое место.

Первое Мая — праздник освобождения труда. В прошлом это был день протеста против эксплоатации капитала. Как просто говорит об этом первое первомайское стихотворение безызвестного автора:

Наш хозяин, тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняет нас приплатой,
Посулив нам лишний грош . . .
На посул его лукавый
Мы дадим один ответ:
Славься, праздник величавый,
В этот день работы нет.

Над дерзающими рабочими тяжело опускается кулак хозяина, на демонстрирующий пролетариат дерзко заносится казачья нагайка, но рабочие, неуклонные на своем революционном пути

Идут все. И праздник вокруг.
Идут из казарм, из подвалов,
С мансард, из убогих лачуг,
Забитых рабочих кварталов.

(Б. В.)

Борьба закончилась победой, — великой победой российского пролетариата над капиталом. И по-новому звучит перво-

майская песнь: нет гнева, нет скорби, есть одна великая радость,— радость победы:

Сестры, наденьте венчальные платья,
Путь разукрасьте гирляндами роз;
Братья, раскройте друг другу объятья, —
Пройдены годы страданья и слез.

(В. Кириллов)

Вспоминают старое, ушедшее, ушедшее навсегда, безвозвратно, время тяжелого рабства:

Красное знамя, заветное знамя,
Символ свободы святой,
Все ты омочено кровью народа,
Потом, горячей слезой.

И оттого только радостнее бьется в груди и рвется к солнцу новая первомайская рабочая песня:

Время умчалось, пора миновала,
Рухнул палач вековой,
Красное знамя, как символ свободы,
Вьется над нашей страной.

(В. Шкулев)

И чувствуется, что великий порыв, охвативший в первомайский день широкие массы российского пролетариата, не может не отозваться эхом в Европе, не может не зажечь революционный огонь в сердцах зарубежных братьев.

С каждым часом стремление крепнет,
Разве может кровь полинять?
Завтра старая Европа ослепнет
От мятежного разлива огня.

(В. Александровский)

Первое Мая не только праздник песен, но и праздник труда — праздник великого дела во имя мировой революции.

Балка к балке. Кирпич к кирпичу.
И строить, крепить, шлифовать
Сегодня дается приказ трубачу.
Пора начинать.

Даже деревня стала совсем другой:

А перед печью,
Где уголечков пыжики,
Ребятишки,
Словно чижики,

Про коммуну щебечут.
Даже Васька - кот —
И тот,
Золотистую разрыв солому,
Улыбнулся
Утру голубому.
Здравствуй, утро,
Здравствуй, май,
Здравствуй, зелень вешняя!

(Иван Доронин)

От первой робкой маевки 1891 г. до бурных манифестаций 1917 г., до субботников 1920 г., до великого объединенного первомайского праздника города и деревни в 1923 г.—все эти этапы ярко отразились в нашей первомайской поэзии.

А. В.

„Известия", 1 мая 1923 г., № 95.

Первое Мая в пролетарских стихотворениях.

Среди тем, наиболее любимых пролетарскими поэтами, «тема» о первомайском празднике занимает одно из первых и особо выдержанных мест в небольшой пока, но вполне самобытной и — мы бы сказали — обособленной рабочей поэзии.

Да иначе не может и быть.

Тема о пролетарском «двунадесятом» празднике, единственном р а б о ч е м празднике в году, эта тема естественно и по праву преобладает в пролетарской поэзии....

По имеющимся в нашем распоряжении некоторым стихотворениям, мы попытаемся здесь — в наиболее ярких отрывках— ознакомить читателя с сущностью произведений пролетарской поэзии, посвященных первому мая...

Знакомясь с этими произведениями, вы замечаете в них прежде всего особое, неизменно повторяющееся подчеркивание чисто к л а с с о в о г о значения первомайского праздника, как его отличия от всех других имеющихся у нас праздников...

Не вдаваясь в излишние рассуждения, отсылаем читателя к нижеприводимым извлечениям, из которых первое же стихо-

творение в художественной форме дает исчерпывающее (насколько это возможно в стихотворении) и полное объяснение смысла и значения Первого Мая для рабочего класса.

Приводим это стихотворение:

Братья-рабочие! В мире труда,
В этом стихийном горниле кипучем,
Грозно-великом, победно-могучем,
Где раскаляется медь и руда,
Где не смолкают станки никогда,
Есть годовщина для нас трудовая:
Это рабочее Первое Мая!

Первое Мая — паденье оков,
Гимн вдохновенный труду и свободе,
Песня о светлой заре, о восходе,
Радостный пир пролетарских рядов,
Дерзостный вызов насилью врагов . . .
Праздник труда — наша воля святая:
Празднуйте Первое Мая!

В день этот, точно по знаку руки,
Смолкнут в заводах везде без изъятья
Стоны и ропот, мольбы и проклятья,
Смолкнут фабричные звуки-гудки,
Домны, машины, котлы и станки,
Дрогнет вся сила врагов роковая . . .
Празднуйте Первое Мая!

(Ал. Белозеров)

И рабочий класс достойно справляет свой великий годовой праздник — праздник Первого Мая.

В день Первого Мая вожди
К знаменам зовут батальоны,
Как буря, шумят впереди,
Алея на солнце, знамена . . .

И знакомая волнующая картина первомайского праздника, когда верные заветам Интернационала, сквозь рогатки и препоны капиталистического строя, пролетарии стекались под зовущие красные знамена и давали торжественные клятвы на дальнейшую борьбу за полное свое освобождение, эта картина в различных вариациях находит себе изображение во многих талантливых стихотворениях, одно из которых мы здесь и воспроизводим:

Солнцем благостным залиты, полны вечного движенья,
Шумных улиц ленты всюду обезлюдели в мгновенье.

Бег стальной локомотивов, натиск их неукротимый,
Кто-то мощный, кто-то властный удержал рукой незримой.
И вонзившиеся в небо трубы фабрики могучей
Не выплевывают с ревом в тихий воздух дым ползучий . . .
В длинной цепи дней обычных разомкнулись как-то звенья,
Перешло, переместилось жизни вечное движенье . . .
И гудки зовут напрасно люд рабочий на работу.
Лишь на площади центральной — словно море — толп без счету.
Здесь знамен пурпурных пламя, здесь великие призывы,
И могучий гимн Свободы, и могучие порывы . . .
Все, что в мире есть святого, в кличе огненно-прекрасным
Начертал народ рабочий на своем штандарте красном!
Братья, братья! грянем дружно на твердыни угнетенья,
Чтоб в бою, бою последнем их смести без сожаленья;
Чтоб на месте их воздвигнуть, освятив своею кровью,
Царство Равенства, Свободы, осиянное Любовью» . . .

Так рисует нам один из поэтов первомайский праздник.

Каждая строка этого стихотворения захватывает читателя солнечным настроением, и он невольно приобщается к общему праздничному движению...

Мощной организованной силой показывает нам автор рабочий класс, призванный смести твердыни угнетения и рабства

Смести для того, чтобы

«. . . На месте их воздвигнуть, освятив своею кровью,
Царство Равенства, Свободы, осиянное Любовью. . .

И эта основная мысль — коренного переустройства жизненных условий — видна почти в каждом первомайском стихотворении.

Против гнета капиталистического порабощения к международному братству в царство свободного труда — таков общий смысл празднования Первого Мая.

И смысл этот всесторонне и полно освещен пролетарскими поэтами в первомайских стихотворениях...

Вас. С-кин.

«Правда», 1 мая 1918 г., № 88.

ДО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПЕРВОЕ МАЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ.

Призыв.

Ударило и прокатилося громом по небу! Растреснулся во все стороны свинцовый купол, и сквозь трещины зигзагами проглянула раскаленным серебром молния!

Вихрем, грозою несусь я от края до края родимой страны и зову вас, друзья! Я — месть за всех угнетенных нуждою! Я — свободная, гордая мысль, что не хочет уж больше мириться с освященным веками несправедливым порядком! Я — братство народов, которым не нужны ни войны — забавы царям, королям, полководцам, ни на границах заставы, налоги! Я — счастье людское, которое больше не может ужиться с безумною роскошью знатных, богатых и с горькой нуждою трудящихся классов.

В буре и громе не слышите ль, братья, призыв мой? Вы верите, братья, в победу мою? Если да, то чтите же день мой, мой праздник — Первое Мая. Уже все народы признали его, и на всех языках и наречьях в этот день несется клич борьбы по всем странам от моря до моря, и вторят ему заокеанские земли. Клич этот будет что ни год то грозней и могучей, покуда порывом народного гнева и страсти не будет разрушен до самых основ теперешний строй угнетенья, и слез, и нужды!

Тогда я построю новый храм свободы и счастья, прекрасный, как тихая лунная ночь в полуденных странах! В нем все будет мощь, красота! В нем всем будет радость, довольство, мирный труд и любовь!

Теперь же боритесь за лучшую долю.

Там, где вас мало, и вы лишь начали служить всенародному делу, — сойдитесь в этот день, как в первый век христианства, в лесу иль в овраге, под сению ночи, пропойте гимн свободе и пообещайте друг другу бороться за общее счастье!

Там, где вас больше, — бросьте работу, оденьтесь в лучшую вашу одежду, как в праздник, идите к друзьям вашим и расскажите о том, как велик этот день — Первое Мая!

А там, где вас много, идите на шумные улицы города, на площади людные, и пусть знаменосец поднимет пред вами красное знамя — символ борьбы социализма со старым порядком, символ грядущей победы!...

«Первое мая 1901 г.». Женева. 1901.

Рабочая песня.

Кто кормит всех и поит?
Кто обречен труду?
Кто плугом землю роет?
Кто достает руду?

Кто одевает всех господ,
А сам — и наг, и бос живет?

Все наш же брат-рабочий!
Нужда нам спину гнет,
Нужда слепит нам очи,
Нужда и в гроб ведет!

Кто в тягостной работе
Томится день-денской,
Трудясь в слезах и поте
Для прихоти чужой?

На ком покоится весь свет?
Кому ни прав, ни воли нет?

Все наш же брат-рабочий!
Удел наш — рабства гнет,
Нужда слепит нам очи,
Ленивый нас не бьет...

Кто долго тирании
Опорой верной был,
И за царей России
Кто кровь, как воду, лил?
Кто цепи сам себе ковал?
Кто сам себя закрепощал?

Очнемся, брат-рабочий,
Стряхнем незнанья гнет,
Развеем сумрак ночи,
В ряды — смелей вперед!

Добьемся лучшей доли
На жизненном пиру,
И светлой, вольной воли,
И торжества добру!
Мы в плуги меч перекуем,
И новой жизнью заживем!

Вставай же, брат-рабочий,
Гляди — заря встает,
Редеет сумрак ночи,
То светлый день идет!

Возьмем же наше знамя
Свободы красный стяг.
Оно горит, как пламя,
Его трепещет враг!
Зари предутренней алей,
То знамя — ужас для царей!

Вперед же, брат-рабочий!
Низвергнем царский гнет!
Раскрылись наши очи —
Вперед! вперед! вперед!

Сборн. «Перед рассветом». Женева, 1905 г.

* * *

Мы сошлись в лесу густом
Встретить майский праздник света,
Повторить слова обета
В нашем сердце молодом—

Мы, не знавшие просвета
В жизни, полной лишь трудом.

Средь деревьев, по кустам
Пробежал невнятный шорох.
Тихий свет горел во взорах,
Шопот реял здесь и там.

Каждый миг был странно-дорог,
Был немой угрозой нам.

День спокойно догорел,
Свет неясный, свет вечерний
Становился все неверней,
Кто-то где-то песню пел.

Где-то, глуше, равномерней,
Город скованный шумел.

Мы замолкли. Кто-то встал,
Поднял руки перед нами,
Кто-то бледными словами
Нам о празднике сказал.

Нерассказанными снами
Сумрак душу нам объял.

В пряном воздухе весны
Было сыро, было душно.
Ночь глядела равнодушно
С недоступной вышины.

«В город жадный и бездушный!
Там зажгутся наши сны!

Там блеснет для нас просвет!
Там, знамена поднимая,
Благодарно вспоминая
Тех, кого уж с нами нет,—

Встретим светлый праздник Мая,
Праздник воли и побед!»

Е. Тарасов [1]).

Сборн. «Перед рассветом». Женева, 1905.

---

[1]) Тарасов, Евгений Михайлович, поэт (род. 1882 г.).

Первое Мая.

(Марш)

Первое Мая! Первое Мая!
Праздник труда и весны!
Праздник, в который свобода святая
Шлет нам отрадные сны!

Будут те сны нам звездой путеводною
В битве священной со злом!
Жизнью счастливою, жизнью свободною
Скоро мы все заживем!

Первое Мая! Первое Мая!
Солнца весеннего луч
В окнах фабричных, маня и играя,
Шлет нам надежду из туч.

Время придет... Эти мрачные здания
Общими станут тогда
И обратятся из места страдания
В братские храмы труда.

Первое Мая! Первое Мая!
Снова природа цветет;
С светлой улыбкой плоды обещая,
К дружной работе зовет.

Нашей работой оплодотворенные,
Зазеленеют поля,
И перестанут стонать обделенные:
Общею будет земля!

Первое Мая! Первое Мая!
Сломаны цепи зимы!
Братья, природы завет соблюдая,
Освободимся и мы!

Прочь ты, терпение вьючной скотины,
Глянем, как люди, кругом...
Дружно! Расправим могучие спины,
Полною грудью вздохнем!

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 436

Первое Мая! Первое Мая!
Праздник весны и труда!
Ради себя и родимого края
Сбросим ярмо навсегда!

Братья, нас много; их—горсть лишь ничтожная,
И перед нами весь мир!
Правда за нас! Наша сила — надежная!..
В бой, как на праздничный пир!

Ф. Волховской [1]).

Сборн. «Красное Знамя». Женева, 1905.

Первое Мая.

Праздник светлый и свободный!
Славься, первый майский день!
Наш союз международный
Новым блеском ты одень.

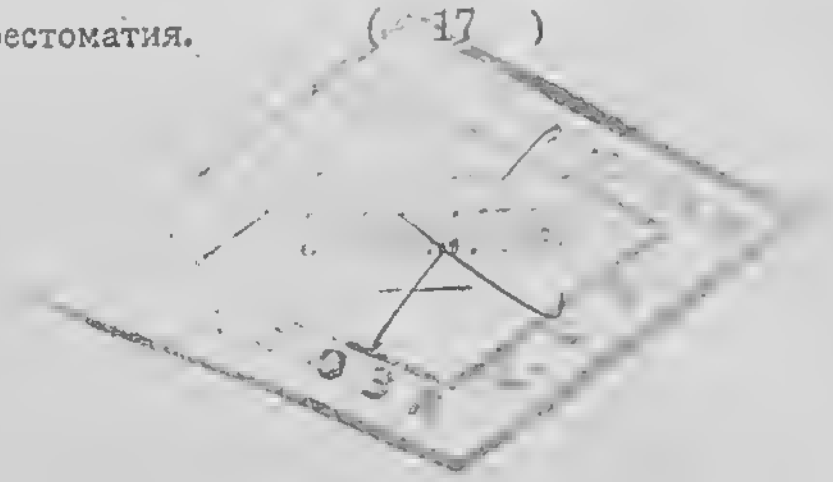
Уж прошел и год десятый
С той поры, как целый свет
Облетел призыв крылатый:
В этот день работы нет!

Пусть же мчится в общем хоре
Мировому гимну вслед
Через горы, через море
Наш торжественный ответ!

Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш отклик грянет разом,
Как весенний первый гром!

---

[1]) Волховской, Феликс Вадимович, революционер (род. ок. 1846 г. — умер в Лондоне 21 июля 1914 г.). В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу, а по процессу 193-х был присужден к ссылке в Сибирь, оттуда бежал в 1890 г. Проживая в Лондоне, редактировал журнал «Free Russia» и Листки «Фонда Вольной Русской Прессы».



Наша жизнь идет в неволе,
Наша родина — тюрьма,
Нет позорней нашей доли,
Нет ужаснее ярма.

Встаньте, встаньте ратью смелой!
Силу дал нам бодрый труд.
Словно лен перегорелый,
Наши цепи упадут.

Разве даром так упорно
Напрягается рука
У пылающего горна
И жужжащего станка?

Пусть из горна это пламя
Хлынет вон живым ключом,
И осветит, словно знамя,
Целый мир своим лучом.

Наш хозяин, тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняет нас приплатой,
Посулив нам лишний грош....

На посул его лукавый
Мы дадим один ответ:
Славься, праздник величавый!
В этот день работы нет!

За хозяином жандармы
Торопливо бьют в набат
И выводят из казармы
Против нас ряды солдат.

Нас угроза не принудит,
Наш ответ готов давно:
В этот день труда не будет,
Мы решили заодно.

Встаньте, братья, бодрой ратью!
Все в ряды.... Плечо с плечом!..
Только дружно встать нам нужно:
Каждый враг нам нипочем.

Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш голос грянет разом
Как весенний первый гром!

Первомайская песня.

(Мотив «Смело, товарищи, в ногу...»)

Выступим сомкнутым строем,
Грудью врагов отразим!
К счастию путь всем откроем,
Праздник борьбы освятим!

Всем возвещая свободу,
Бодро вперед мы идем;
Мы возрожденье — народу,
Гибель — тиранам несем.

Солнце — наш факел победный,
Правда — наш лозунг святой,
Рухнет пред нами бесследно
Дряхлый насилия строй.

Сгибнут цари - кровопийцы,
Скоро их троны падут.
Всех вас, тираны-убийцы,
Мести народной ждет суд!

Ваш, кулаки-мироеды,
Тоже настанет черед,
В гордом сияньи победы
С вами сочтется народ.

Барщины цепи, налоги,
Фабрики гнет крепостной,
Замки, казармы, остроги,
Дружно снесем мы долой!

Слава великим идеям,
Слава бесстрашным борцам!
Разве и мы не сумеем
Двинуться ратью к дворцам?

Равенства, братства, свободы
Знаменем всех осеня,
Бросим мы в мрачные своды
Свет первомайского дня.

Грянем мы сомкнутым строем,
Царство насилья снесем,
Все на земле перестроим,
Все на свой лад заведем!

И. П. Каляев [1]).

Красный мак.

(Из воспоминаний)

Помню, весна стояла теплая, дружная. Деревья уже были в полном цвету. Несколько человек нас, подростков, решили воспользоваться хорошей безветреной погодой и устроить маевку.

По предварительному уговору мы в школу не пошли, а собрались в городском саду.

Из дому каждый из нас захватил с собой кое-какие продукты, а в «буфете» (так называли мы один из киосков в саду) купили пирожков, конфект и халвы.

После непродолжительных споров решили отправиться в лодках на «камни» и, пристав к «Баилову мысу», вернуться в город.

Катанье на лодках было нашим любимым развлечением, а потому весь путь до мыса мы пели песни хором и в одиночку, шутили, острили, хохотали.

Высадившись на берег, мы пошли полем. Здесь затеяли игры в лапту и горелки.

Наконец, изрядно утомившись, сели на склоне горы отдохнуть и подкрепиться пирожками и бутербродами.

---

[1]) К а л я е в, Иван Платонович (род. 1877 г.), член боевой организации партии социалистов-революционеров; 4 февраля 1905 г. убил московского генерал-губернатора в. кн. Сергея Александровича. 10 мая 1905 г. Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости.

Привал был непродолжительный, так как уже вечером мы спешили домой. По дороге нарвали полевых цветов, преимущественно красный мак.

Возвращались с таким же весельем, как и начали свое путешествие, и до такой степени увлеклись, находясь под впечатлением проведенного дня, что не заметили, как очутились в городе.

Но тут-то нас ожидала неприятность.

Шли мы рядами под пение «Дубинушки».

Вдруг полицейские нас задерживают. Увидя толпу учащихся, идущих по мостовой, с красным маком в петлицах и на фуражках (а девицы были даже с букетами), они приняли нас за демонстрантов и, несмотря на наши протесты, доставили в участок.

Здесь «господин пристав», высокий широкоплечий брюнет, с обрюзгшей физиономией, подробно расспросил всех и, переписав, девочек отпустил, а «дрянь-мальчишек», как он нас выругал, приказал запереть особо. Что значило «особо» мы узнали, когда нас повели по длинному темному коридору и заперли в пустой маленькой комнате об одном окне с решоткой.

От темноты и неожиданности некоторое время мы находились как бы в оцепенении и стояли кучей, тесно прижавшись друг к другу.

Вдруг щелкнул дверной замок, и вошел городовой или сторож, не знаю, помню только, что он был сильно пьян; чуть было не опрокинул маленькую жестяную лампу, которую принес нам, и отборно ругался.

При тусклом свете принесенной лампочки я начал разглядывать нашу «особую квартиру».

От сырости стены были покрыты плесенью; с потолка сыпалась штукатурка; пол был деревянный, но настолько грязный, что мы долго не решались спуститься на него. Прогулка как-никак нас утомила и волей-неволей пришлось нам сесть на пол, ибо больше не на что было.

Мысли мои путались. Я не понимал, за какое преступление попали мы сюда.

Часа через полтора-два к нам пришел инспектор гимназии в сопровождении классного наставника и, выяснив подробности, после хорошей нотации отпустил по домам.

Потом мы узнали, что в этот день была забастовка рабочих, и арестовавшие нас «фараоны» решили на нас отыграться.

На следующий год некоторые из нас действительно приняли участие в первомайской демонстрации бакинских рабочих, но уже в гости к толстому приставу не попали — на этот раз обошлось благополучно.

Благодаря красному маку, мы поняли, что 1-е Мая не только календарный весенний день, но и праздник рабочих, запрещенный в то время в России.

Лев Нелюбин.

«Красный Командир». 1921, май.

Демонстрация.

Знамя красное уж вьется,
Выше, братцы, поднимайте!
Клич призывный раздается:
Эй, тесней ряды смыкайте!

И по улицам широким,
Как волна могучих вод,
Мы пройдем живым потоком
Все смелее, все вперед!

Возвестим всему народу
Песней звонкою своею
Мы грядущую свободу,
Зорю новых, светлых дней.

Дней без слез и без страданий,
Без господ и без рабов;
Дней, когда, взамен терзаний,
Будет братство и любовь.

Гряньте ж, братцы, удалую
Песню громче, веселей,
Чтоб она всю Русь святую
Взбудоражила скорей! . .

Чтоб народ весь угнетенный,
Сбросив гнет своих оков,

Вдруг явился возбужденный
На горячий братский зов.

И исполнен сил кипучих,
Словно сказочный герой,
Он тряхнет своей могучей
Богатырскою главой.

Он тряхнет — и разом грохнет
Трон державного царя,
И над Русью ярко вспыхнет
Славной волюшки заря!

Рядовой.

Сборник «Перед рассветом». Женева, 1905.

Товарищ Адриан.

(Из прошлого)

I.

Гудят паровые котлы в кочегарном отделении. Приземистые и мрачные блестят они вспотевшими кожухами, как заморские чудовища, только что прилетевшие из неведомых стран. Лениво раскрывают свои квадратные пасти — топки, зевают раскаленным зевом и смачно чмокают дверцами, глотнув дозу черной, угольной пыли.

Кипит внутри радость их, в виде белого, молочного пара. И когда обмотанный облезлыми тряпками винтиль паропроводной трубы повернется налево — стремится по трубе пар в соседнее отделение, где стоит трехэтажное мудреное чудовище, называемое динамой. Крутится маховик ее с такой быстротой, что не уловить число оборотов.

А дальше, по всему заводу, по корпусам и каменным сараям, неведомая сила вертит трансмиссии с приводными ремнями. И от них вертится, гудит, смеется, а другой раз и визгом визжит тысяча механизмов самого замысловатого вида. Стоят они рядами, как солдаты на плацу. И, как солдаты, по-военному, точно выполняют то, что положено.

Степенно и важно, как отвечающий за свои действия, ухает по солидной наковальне паровой молот. И когда опускается он

на болванку, белую от жара, пригибается так к наковальне последним поцелуем, разбрасывая огненные слезы.

Копотью чернит огненная печь. Выплевывает иногда в жолоб бесцветную слюну, краснеющую и темнеющую на пути своего бега. А когда вольется в формы металл, блеснет последней гримасой и наденет навсегда холодную маску стального спокойствия.

В литейном отделении стоит у прокопченного окна группа рабочих. Обнаженные до пояса, тоже прокопченные и покрытые потом, при свете дуговых фонарей и на фоне весенней ночи, что царит за окном, они кажутся подземными духами. На лицах — внимание. Сумрачный рабочий, одетый в сетку мускулов, держит в неуклюжих пальцах напечатанный листок. Читает медленно, изредка вытирая ладонью правой руки сбегающий со лба пот:

— «14-го июля 1889 года французская буржуазия праздновала столетний юбилей своей революции блестящей всемирной выставкой. В противовес буржуазному торжеству, европейский и американский пролетариат порешил назначит там же, в Париже, международный социалистический съезд, на котором был основан 2-й Интернационал...

— Абросимов . . . не так скоро . . . не слышно, — крикнул кто-то из задних рядов.

— Не мешай! чего мешаешь?! — огрызнулось сразу несколько человек . . .

— Да непонятно! — уже робко послышалось издали.

— То не слышно, то непонятно! . . . Вот чучело, прости, господи! . . Читай дальше, Абросимов!

— «2-й Интернационал — международное объединение рабочих-социалистов. Парижский съезд постановил ежегодно, 1-го мая, праздновать рабочий праздник, какого не было записано ни в одном буржуазном календаре».

Из дальнего угла послышался резкий свист рабочего, поставленного на «стрему». Абросимов скомкал листок, сунул его в карман и отошел к своему месту. Отошли от окна и остальные рабочие, и, когда старший мастер «Иван Федорович» вошел в литейную, — там работа шла обычным ходом.

II.

Адриану было двадцать пять лет. Пришел он на завод месяц назад, и в работе неутомимый, в спорах упрямый и резкий, он нравился рабочим. Рабочие знали, что Адриан — партийный, что у него всегда можно достать листовку или прокламацию. Чувствовали за его спиной что-то еще неведомое, но уже грозящее издалека своим единством и готовностью пойти в бой.

Администрация Адриана ценила, как работника, но побаивалась. Нюхом чувствовала, что он не с ней. Но улик не было, и придраться было не к чему.

Вторая смена вышла с завода перед самым рассветом. Толкались люди в узкой калитке; подшучивали над осмотрщиком:

— Ты что по спине-то гладишь! Ты в рот ко мне загляни — там три пуда стали!

— А я вагранку в сапог спрятал, и она мне мозоль давит!

— Эх ты, — фараон семипалатинский!

— Ну, ладно, ладно, не шучь! — огрызался осмотрщик. — Не по своей охоте! На этом поставлен!

Выплевывала калитка десятками, а по улице растекались сотни. Шли — кто бегом, кто шагом. Группами и в одиночку. Ночь тускнела, и с неба бежали последние лохматые обрывки облаков. Дома пригородного района еще молчали, но в окнах бегали блестки зажигаемых огоньков. Трудовой день начинался.

Адриан шел в середине десятка рабочих.

Говорил:

— Через два дня — Первое Мая! Это — наш рабочий, пролетарский праздник. Это — манифестация протеста против капиталистического строя, против эксплоатации и угнетения. Все выходите на улицу! Не озорно, без скандала! Стройно пройдитесь по улицам! Спойте нашу рабочую, международную песню! Покажите нашему классовому врагу, что вы тоже спаяны единством, что вы — сила, с которой они должны считаться!

Розовело небо над крышами. Кричали петухи в глубине деревянных дворов, мычали одиноко коровы. Рабочие шли к заставе, навстречу большим улицам и каменным домам. И жались друг к другу каменные дома и палаты, наполненные

тунеядцами и дряблостью. Пугались они идущей с низин творящей мощности.

III.

Пристав Севрюгин чувствовал себя неспокойно. Были последние дни апреля, и приставу не хотелось, чтобы начинался следующий месяц. Проклятое первое мая не только могло испортить карьеру Севрюгину . . . Если рабочие выйдут на улицу, придется выставить вооруженную силу. Хорошо, если обойдется только манифестациями, а вдруг . . .

Полицейская служба богата надеждами. Раньше, в полку, где Севрюгин был уже подполковником, тоже жилось недурно, но лишняя карта из рукава в игре в «макашку», в офицерском собрании, испортила все дело. Теперь же начинается новая жизнь; прошлое обещали забыть. Если все будет благополучно — через годик-два исправником, а там, гляди, и в полицеймейстеры залезешь.

Иногда Севрюгину снятся удивительные сны. Видит он себя градоначальником с орденами и лентами и свитским вензелем на погонах. Едет на паре с пристяжкой; кучер с бородой лопатой. Просыпается Севрюгин со слезою умиления. Жмурит глаза. Хочет восстановить дивную сказку.

Сидит пристав в кабинете и тускло смотрит на улицу. Весна радуется на тротуарах: смеется из раскрытых окон. Но на душе пристава — осень. Не будь этого первого мая — выпил бы он теперь кофе со сливками и пышками, а теперь — в нутро не лезет. Позвонил. Сказал вошедшему городовому:

— Барсук! Позови Афанасия Петровича!

Городовой вильнул шашкой и растаял за дверью. А через пять минут вошел околоточный, рябой, с носом, по которому разветвлялись синие жилки.

Замер в почтительной позе перед приставом.

— Ну как: первое мая? — спросил пристав.

Надежда побежала по лицу его и скрылась в усах и бакенбардах.

— Будут манифестации!

— Ну — у?!

Пара с пристяжкой и свитские погоны показались насмешкой. Выползли на лоб и легли складками мрачные мысли.

— Так точно! Имею самые проверенные сведения! Будут манифестировать более трех тысяч.

— Гм! . . М-да! . . Ну, а того . . . Начальнику гарнизона сообщено?

— Так точно! Вышлет сотню казаков!

Замолчал околоточный. Смотрел на озабоченного пристава. Улыбнулся.

— Осмелюсь доложить вашему выск-родию.

Очнулся пристав. Посмотрел на Афанасия Петровича удивленными глазами. Будто видит его первый раз в жизни. Тоже улыбнулся.

— Говорите!

— Есть здесь на одном заводе рабочий! Кажется — партийный!

— Эсер?

— Никак нет — большевик! Так его и кличут: «товарищ Адриан»!

— Ну, и что же?

— Так вот от него все эти манифестации исходят! Мне это доподлинно известно! Арестовать бы его не мешало!

— Гм! Вы думаете? А имеются доказательства, что он партийный?

— Никак нет! Официально неизвестно. Но так все складывается, что он — партийный! Уж поверьте моему опыту!

Севрюгин опять задумался. Думал так долго, что застывший в выжидательной позе Афанасий Петрович чувствовал в подошвах горение.

Вдруг пристав заговорил. И прояснилось лицо его, и складки убежали с покатого лба. И бакенбарды как-то сразу стали пышнее.

— Нет, арестовать так без улик нельзя! Впутается прокурорский надзор. Он ведь демократничает! И вооруженную силу предписано применять только в самом крайнем случае! А мы иначе. Я поговорю с командиром казачьей сотни. А вы того . . . узнайте мне доподлинно приметы этого, как его . . .

— Адриана?

— Да! Адриана. М-да. Мы это сделаем иначе! . . Вызовем его на сопротивление, и в схватке того . . . Ну, вы понимаете . . . Ступайте!

Улица, на которую посмотрел пристав, теперь уже показалась весенней. И стеклянный подъезд противоположного дома подмигнул ему зайчиками, поощряюще. Севрюгин прошел в столовую, где на столе скучали по нем кофе с пышками.

IV.

Небо было удивительно сине. И по нему плыл раскаленный блин, кладя резкие тени на лица и предметы.

По улице шли люди. Пестрели рубахи всех цветов; колыхались красные знамена. Катились валы человеческих голов, расплывались по лицам улыбки, и небо еще казалось синее, и раскаленный блин ослеплял радостью.

Рабочие шли в ногу, стройно, как заправские солдаты. Дышали полной грудью, и сквозь ситцевые рубахи и нанковые пиджаки выпирали мощью упругие мышцы.

И вдруг дрогнуло небо, и прислушались камни. Из тысячи грудей вылетел единый крик, завоевал воздух и расплылся могучей песнью:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь, и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой!

Адриан шел в первых рядах. За ним шла живая река. И мысли у всех были радостные. Весело было при мысли, что сегодня всюду, где только дымят фабрики и заводы, так же вот шествуют рабочие. И не только в России, но и заграницей, по всему миру. Хотелось унестись в синюю вышину. Хотелось еще выше поднять красный стяг и погрозить им каменным домам и палатам.

Но если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей!

И вдруг там, где пересекаются улицы, манифестация остановилась. Десятка два городовых, с приставом во главе, изобразили живую преграду и не пускали.

Севрюгин уговаривал:

— Прошу разойтись! Манифестации без разрешения властей запрещены законом! Прошу разойтись! Слышите?! Господа!

— Чего там, разойтись . . . — заревела толпа. — По чему нас не пускают! Что это за насилие?! Мы мирно . . .

— Прошу, господа, разойтись! . . — резко потребовал Севрюгин.

— Какие мы тебе господа!

— Да что его слушать! Вали, ребята!

Живая стена двинулась. Разомкнулись, сомкнулись ряды ее, и в пучине голов потонул пристав с городовыми.

А песня гремела:

Это будет последний и решительный бой!
С Интернационалом воспрянет род людской.

Но вот случилось что-то, что сразу заволновало толпу. Загудела мостовая от сотни крепких лошадиных копыт. Вихрем налетел звериный ураган со свистом и матерной бранью, замелькали в воздухе нагайки . . .

Увидел Адриана казацкий офицер. Крепко держал он в памяти приметы «бунтаря». И готовил для него дамасскую сталь, на которой мигал раскаленный блин с синего неба. Но приметили это рабочие: плотным кольцом окружили Адриана. Десяток мозолистых рук повис на поводьях, и конь сел задом на мостовую. Казак мячиком вылетел из седла, а кругом гудел рабочий смех, потрясая воздух. Адриан сидел на плечах товарищей и кричал напиравшей толпе:

— Расходитесь по боковым улицам! Несите знамена и стройно, не трогая никого, возвращайтесь на свои заводы!

Целый день метались казаки по городу, разгоняя то тут, то там манифестацию. А живая змея вползла в улицы и переулки. Лизал кровавый язык стяга пахнувший почками воздух, и гремела могучая песня, стремясь в даль, к солнцу:

Лишь мы, работники всемирной,
Великой армии труда!

Плохо спал в эту ночь пристав Севрюгин.

А весенняя ночь была и мягка, и прекрасна. Мигали светлые точки в вышине; пухли почки и несло из садов жасмином. Кованый месяц одним глазом оглядывал сверху фабрики и заводы.

Молчали они праздничной тишиной, но уже в котельном отделении гудели черные, приземистые котлы. И кипящая внутри их радость, в виде белого молочного пара, ждала разрешения ворваться в узкий, медный свисток, чтобы созвать с рассветом творящую мощность в каменные корпуса и сараи.

Сергей Гарин.

«Правда». 1922, № от 1 Мая.

После расправы.

(Отрывок)

... После одной из маевок Артем вышел на середину токарной и крикнул:

— Эй, вы! Слесаря, токаря!

Бешено постучал по щиту соседнего станка и опять позвал.

Один за другим бросали рабочие начатую уже работу и, недоумевая, подходили к нему.

— Что случилось? В чем дело?

Когда вокруг него собралось человек сорок, он резким движением сбросил с себя блузу, стал снимать сорочку, — она пристала к свежим ранам. Было страшно больно, однако, стиснув зубы, он сорвал и ее.

— Вот, смотрите!

Глазам собравшихся представилось мускулистое тело, почти сплошь покрытое кроваво-синими полосами; во многих местах, где пристала сорочка, выступила яркая кровь и ползла вниз.

Пронесся изумленный ропот.

— Видели? — спросил Артем, вздрагивая от возбуждения.— Хорошо? Это наша программа! По всем пунктам.

— Да где это? За что? За что?

— Где? — Артем засмеялся. — Это на нашей православной родине. А за то, что мы хотим знать: кто мы такие и кто наши грабители. Поняли?

Голос его дрогнул, он туго сжал губы.

— Заплачет, — подумал Игнат.

Но Артем не заплакал. Сдвинув брови, тяжелым и гневным взглядом обвел толпу и произнес:

— Видели? Ну, а теперь можете расходиться.

И, уходя во двор с презрительной улыбкой, стал надевать рубашку.

— Братцы, что ж это такое?! — воскликнул кто-то в толпе.

— Вот так про-кла-ма-ация, — протянул другой ошеломленный.

Старики расходились в угрюмом молчании, а молодежь собралась в «клубе» и долго, до самого обеда, изливала свой бессильный пока гнев и делилась впечатлениями. А еще дольше стояли в глазах кровавые полосы прямого и близкого им Артема.

Один только старый Костычев не утерпел и язвительно процедил:

— Дочитались.

Игнат вспыхнул и едва не ударил его. Но удержался и только сказал, скорее с болью, чем со злобой:

— Это вас, чертей старых, били, с правдой вашей гнилой!

А. Бибик.

Первое Мая [1]).

(На мотив «Вихри враждебные...»)

Братья-товарищи! Праздник весны,
Светлый наш праздник свободы
Празднуем здесь, и веселья полны
Эти тюремные своды!
Братья-товарищи! В этих стенах
Мы поневоле собрались, —
Только бессилен над нами наш враг...
Братья на воле остались!
И, что ни год, все растет наша рать,
Крепнут и множатся силы...
Сладко за правое дело стоять,
Знамя нести до могилы!
Братья, вот знамя святое труда,

[1]) Прочтено в первый раз в тюрьме, в общей камере.

Красное знамя свободы!
Близок уж час долгожданный, когда
Встанут под ним все народы!
С гнетом-бесправием наша борьба
Кровью не раз отмечалась.
Наших героев-страдальцев судьба
Всем нам примером осталась.
Братья-товарищи! Каждый из нас
Пусть в этот час вспоминает
Всех, в ком огонь боевой не погас,
Всех, кто за правду страдает,
Всех, кто в бесстрашной и славной борьбе,
С пламенем мщенья в груди,
Не поддаваясь жестокой судьбе,
Волю прозрел впереди!
Душно, нам душно в тюремных стенах,
Хочется радостной доли!
Пусть эти стены разрушатся в прах:
Воли нам! Воли нам! Воли!

Сборник «Перед рассветом». Женева, 1905.

Кошмар.

(1-е Мая 1905 года)

Собрались у Казанского собора. Подходили по-одиночке и группами по пять-шесть человек. Толпа у главной лестницы быстро росла, внушая страх благонамеренным обывателям, фланировавшим по Невскому проспекту.

Кто-то из толпы поднялся на несколько ступеней и стал говорить. Знакомые и в то же время жутко-новые слова заставили всех притихнуть, затаить дыхание. А трусливые обыватели спешили уйти, скрыться, словно их это вовсе не касалось. И медленно, в молчании, подходили со всех сторон небольшими отрядами городовые, окружая площадь непрерывной цепью...

Оратор кончил. Толпа загудела, заколыхалась... Еще кто-то начал говорить...

Вдруг все шарахнулись в сторону, и Афоня, вместе с другими, очутился на панели. Кто-то быстро и сильно схватил его сзади за плечо, а еще кто-то взял за руки и стал выкручивать их ему назад. Он рванулся вперед, вырвался и прыгнул на мостовую. Околоточный надзиратель и городовой снова набросились на него, но сильным взмахом руки он отбросил от себя городового, а околоточному попал кулаком прямо в переносицу, отчего тот на мгновение потерял способность видеть и действовать. К ним подоспели еще двое городовых, и все четверо повисли на Афоне, хрипя ругательства, стараясь скрутить ему руки...

Полицейские, повидимому, сочли его одним из главных зачинщиков и руководителей, заметив, что красное знамя развернулось по сделанному им рукой знаку.

— Наших бьют!.. закричал кто-то из товарищей, окружавших знамя.

Но этот крик внезапно покрыл звонкий топот лошадей и другие крики — страха, боли, злобы...

Напрягшись изо всех сил, Афоня вырвал руки, тряхнул своими широкими плечами и, сбросив с себя противников, снова прыгнул вперед. И вдруг целый град ударов казацких нагаек посыпался ему на голову, плечи, спину. Вытянув руки перед собой, он нащупал брюхо лошади и нырнул под нее. На мгновение удары прекратились, но лошадь повернулась—и нагайки снова со свистом захлестали по голове и спине.

Вначале каждый удар отзывался страшной болью, как будто тяжелые концы плетей врезывались в тело и раздирали его. Скоро он перестал чувствовать боль в теле, только в сердце с каждым ударом как будто врезалось что-то острое, и оно больно сжималось, а в глазах темнело и мелькали огненные пятна...

Раз десять бросался он под лошадей и опять попадал под град хлещущих нагаек. Низко нагнувшись и инстинктивно закрывая голову уже окровавленными руками, он вертелся и нырял между лошадей, как затравленный зверь, и отовсюду, со всех сторон, куда бы он ни повернулся — на него сыпались удары все чаще и сильнее.

Выхода не было, и, в конце концов, покорившись своей участи, но остановился и, согнув спину и почти уйдя головой

в плечи, молча принимал удары, стиснув зубы и сжав кулаки. Силы его оставляли, и он был рад, когда на него снова набросились околоточный и городовые и свист нагаек прекратился.

Городовые сильно скрутили ему за спину руки, так что кости хрустнули, а околоточный, красный от злости, подскочил к нему и со всего размаху ударил его кулаком по лицу. У Афони искры посыпались из глаз, и, казалось, все зубы с треском выскочили из челюстей. Но он не издал ни звука, выплюнул изо рта выбитый зуб и кровь, и, глядя на околоточного, криво усмехнулся, как будто хотел сказать: «Ну что ж, бей, я знал, что иду на это... от вашего брата только и добра, что кулаки да нагайки, кровь да стоны»...

Его вели трое городовых, истерзанного, окровавленного, и все трое, по-очереди, тыкали его кулаками в бока, в грудь, в спину, приговаривая с злобным смехом...

— Вот тебе свобода!.. Получай свободу...

— Чувствуй ее, анафема!..

Афоня только встряхивал головой и стискивал зубы. К ударам он как будто уже притерпелся и почти не чувствовал их. Только от ударов в лицо в нем бурно закипала злость и кровь бросалась в голову. Но бороться с тремя дюжими городовыми было уже не под силу, и он все силы напрягал лишь к тому, чтобы не застонать и тем не увеличить их удовольствие.

Волосы у него на голове слиплись от крови и свешивались на лоб мокрыми, красными прядями. Все лицо, шея и раскрытая грудь были в крови. Рассеченная на спине нагайками рубаха открывала бесчисленные кровавые полосы-раны с висевшими на них клочьями рубахи и мяса. Прохожие останавливались и с ужасом смотрели на него, и ему отчего-то было стыдно перед ними, словно он чувствовал себя виноватым в том, что вот есть у нас такие люди, которые могут так зверски избивать человека...

Уже недалеко от участка он увидел впереди себя, шагах в десяти, двух городовых, тащивших за руки девушку, одетую в черное платье, с рассыпавшимися из-под шляпки по плечам и спине золотистыми волосами. «Это — Настя!» — вспомнил Афоня и похолодел от ужаса при мысли о том, что ее, наверно, так же били, как и его. Видно было, что силы оставляют ее,

она шла медленно, спотыкаясь на каждом шагу; ее хрупкая тонкая фигурка то сгибалась, как стебель под ветром, то выпрямлялась, а городовые нарочно ускоряли шаги и сильно, грубо тащили и дергали ее за руки, заставляя скорее итти. Она два раза чуть не упала вперед, лицом на камни, но они пинком в грудь отталкивали ее назад и снова тащили и дергали за руки...

Смотреть на это было совершенно невыносимо. Афоня сжал кулаки и заскрежетал зубами. Он рванулся было, чтобы броситься девушке на помощь, — но результатом этой попытки были только два лишних удара по лицу, с обеих сторон, и площадная брань городовых...

Девушку втащили в какие-то ворота, в которые ввели затем и его. Осмотревшись, он в первую минуту не мог понять — что это блестит так ярко вдоль всего двора и отчего здесь такая глубокая, тяжелая, зловещая тишина. И вдруг понял — и невольно от ужаса попятился назад. У стены соседнего дома, от ворот до конца двора, стояли солдаты, выстроившись в ряд, и над их головами сверкали на солнце штыки ровной, острой щетиной. Они как будто насторожились и ждали команды, чтобы приложить ружья к плечу и дать залп...

Мысль о расстреле, как молния, вонзилась Афоне в мозг, и едва он подумал об этом, как в другой части двора, за выступом дома, раздался пронзительный крик ужаса и боли, в котором он узнал голос Насти. Ему вдруг представилось, что ее подняли на штыки, и она бьется на них, пронзенная ими в грудь, в спину, в бедра, и кричит последним криком смертельной боли...

У Афони волосы зашевелились на голове, и он весь окаменел и замер... Городовые потащили его вдоль ряда солдат, на расстоянии полуаршина от них, и на него посыпались удары солдатских кулаков в голову, в лицо, в грудь; некоторые еще били сапогами по ногам, другие пускали в ход ружейные приклады. На середине этого строя он вдруг увидел Настю — между двух городовых, которые уводили ее куда-то со двора. То, что она была жива, так обрадовало его, что он уже почти не замечал следующих ударов и пинков солдат и, как во сне, дошел до конца двора. Потом его повели к флигелю, стоявшему в другом конце двора, и шесть здоровых кулаков ударили по израненной спине, втолкнули его в маленькую, темную, без окон, каморку. Он

упал грудью на пол и так и остался лежать без движения. Дверь закрылась, засов с грохотом задвинулся. Стало темно и тихо, как в могиле...

И сразу начали болеть все раны, все тело. Голова, грудь, лицо, плечи, спина горели, как в огне. В горле пересохло, легкие с болью вбирали воздух. Нельзя было пошевельнуть ни рукой, ни ногой, чтобы не вызвать острой, режущей боли, от которой тошнило и делалось дурно. А сердце падало и все чаще и дольше замирало. Руки и ноги холодели, и среди туманных, тяжелых, рвущих мозг представлений он вдруг ясно подумал: «умираю»... Ему было больно и страшно, что он умирает— и никого около него нет, и никто об этом не знает. Он хотел кричать, звать кого-нибудь — Настю, мать, товарищей — и не мог издать ни одного звука...

Скоро ему стало как будто легче, и он впал в забытье. Казалось, кто-то сидел около него и гладил его холодной рукой по лбу и волосам. От этого боль во всем теле словно утихала, и проходил страх. Становилось легко, прохладно, и было приятно то, что сердце перестало биться, и грудь не дышала...

Он еще слышал, как загремел засов, кто-то открыл дверь и вошел. Наклонился к нему, потрогал его за голову и громко сказал:

— Никак, помер...

Говорил ли неизвестный еще что-нибудь — Афоня уже не слышал.

Он лежал лицом вниз в луже крови, почерневшей и застывшей на каменном полу, и его неподвижное, истерзанное тело уже не протестовало и никому ничем не угрожало. Его сделали безопасным...

Вл. Ленский.

«Петроград»—1923, № 1.

Май.

Подмяв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку—
Батрак Лука дремал на солнцепеке.
— Лука, — будил его хозяин: а, Лука!
Ты что ж? Всерьез? Аль так валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебоке.
Ну, полежал и будет. Ась?
Молчишь? Оглох ты что ли?
Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не поглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку.
Опять из города... Опять про забастовку...
Все голь фабричная... У, распроклятый сброд...
Деревня им нужна... Мутить простой народ...
Ма-ев-ка. Знаем мы маевку.
За что я к Пасхе-то купил тебе поддевку?
За что?.. Эх, брат Лука.
Эх, милый, не дури... Одумайся... пока...
Добром прошу... Потом уже не жди поблажки,
Попробуешь, скотина, каталажки:
До стражника подать рукой...
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил. Побагровел. Глаза горят, как свечи.
— Хозяин, — вымолвил, — запомни... этот... май...
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: — Слышь! Лучше не замай!

Демьян Бедный.

1914 г.

ПО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ КРАСНОЕ ПЕРВОЕ МАЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ.

Первомайский гимн.

(На мотив «Вихри враждебные...»)

Славьте Великое Первое Мая,—
Праздник труда и паденья оков,
Славьте Великое Первое Мая,—
Праздник Свободы, весны и цветов!

Сестры, наденьте венчальные платья,
Путь разукрасьте гирляндами роз,
Братья, раскройте друг другу объятья,—
Пройдены годы страданий и слез!

С фабрик, заводов и дымных окраин
Все выходите наш праздник встречать...
Шествуй, земли полновластный хозяин,
Ты, пролетарская честная рать!

Громче — оркестры, выше — знамена!
Славьте Великий Рабочий Союз!
Славьте всемирных борцов легионы,—
Армию синих замасленных блуз!

Славьте Великое Первое Мая,—
Праздник труда и паденье оков,
Славьте Великое Первое Мая,—
Праздник Свободы, весны и цветов!

В. Кириллов.

Красный Май.

Мы ждем тебя — ждем вольный край,
Приди, свободный Красный Май!
Приди, приди ты к нам скорей,
Уже тюремных нет дверей...
Разбиты цепи... Рухнул свод...
Но все ж еще вражда живет.
Приди! Уж встал рабочий люд
За светлый мир, за вольный труд...
Приди... Спаяй в семью народы
Под красным знаменем свободы
И бодро всех к любви сзывай...
Свободный, светлый Красный Май!..

Я. Бердников.

1917 г.

Красное Знамя.

Красное знамя, заветное знамя,
Символ свободы святой,
Все ты омочено кровью народа,
Потом, горячей слезой.
Ткали тебя исхудалые пальцы
Шила в мозолях рука,
Древко твое вырастало в неволе,
В жалком лесу бедняка.
Гвозди, что в тощее древко впились,
Вбиты рукой кузнеца.
Кто поднимал тебя гордо, высоко,
Тех трепетали сердца.

Время умчалось, пора миновала,
Рухнул палач вековой,
Красное знамя, как символ свободы,
Вьется над нашей страной.

Ф. Шкулев.

Первое Мая.

В этот праздник — единственный праздник рабочий,
В праздник равенства, братства, любви и труда,
Пусть огнем загорятся усталые очи,
И забудутся долгие скорби года . . .

В этот день позабудьте былые страданья:
С новой верой в груди продвигайтесь вперед
И, готовя пожар мирового восстанья,
Разбивайте последний томительный гнет.

Лишь усилье одно. И победа за нами . . .
Лишь усилье одно. И преклонится враг . . .
Наша цель впереди . . . Трудовыми руками
Выше, тверже вздымайте алеющий стяг.

Мы развеем кошмар угнетающей ночи
И, разрушив преграды, к победе придем . . .
В этот праздник труда, в этот праздник рабочих,
В мощный призыв свои голоса мы сольем!

1918 г. *Вас. Сорокин.*

Первомайская песнь.

Пусть майское солнце заблещет над нами,
Пусть плещут на солнце полотна знамен! . .
Добыли мы волю своими руками . . .
Так пусть же победно гудит над рядами
Наш вольный труда перезвон!

Недаром наш молот стучал в наковальни,
Недаром точили мы острую сталь . . .
Внимайте! Как отзвук напева хрустальный,
Призыв к нам ответный доносится дальний,
И заревом красится даль.

В едином порыве сомкнутся, мы знаем,
Сольются, как братья, народы земли . . .
Мы в день первомайский привет им бросаем
И наши знамена над теми склоняем,
В чью память мы славу вплели.

В наш праздник народный нет места печали,
Греми марсельеза над гулом людским!
Мы звонкие песни железа и стали
На плитах скрижалей навеки вписали
Трудом и упорством своим! . .

1918 г. *Илья Ионов.*

* * *

Верю я, — мы грядущее выняньчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

Не беда, что на сердце ссадины,
Что расшиблено много лбов,
Скоро к чорту слетят перекладины
Под напором с последних столбов.

Да, еще очень много старого,
Еще голод трясет за плечо,
Но не наше ли вспыхнуло зарево
Над Европой кровавым мечом?

Что ж бояться, что зубы оскалены
Побежденною ночью на нас?
Перед нами сияют проталины,
Перед нами смеется весна.

Напрягайте же разум и мускулы,
Закаляйтесь огнем трудовым,
Чтоб могло Воскресение русское
Воскресением стать мировым!

Мы возьмемся за труд не со стонами, —
В каждом есть сокровенное масс;
Будут звезды веселыми звонами
Перед утром приветствовать нас.

И когда перед нами открытая
Заалеет дорога к весне,
Будет каждым достаточно выпито
Солнцепесенной радости дней . . .

Верю я, — мы грядущее выняньчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

В. Александровский.

Первое Мая.

Первое Мая, это — праздник мировой солидарности рабочего класса; праздник труда и разума раскованной жизни трудящихся; это — день весенних надежд и солнечных восторгов.

Но Первое Мая мы все-таки встретим на сторожевых постах, на передовых траншеях мировой революции.

Пусть над нами развеваются красные боевые знамена, — враг еще не сломлен; пусть звучат боевые призывы, — борьба еще не закончена.

Мировой капитализм собирает последние силы, предстоит еще удар разлагающегося старого мира.

Но мы победим, ибо жизнь и история за нас!

В недрах человеческого общества она организовала новые творческие силы. Она положила мозолистую рабочую руку на орудия производства, и труд сделался господином жизни.

История за нас!

Но она победит в борьбе, в которой главными героями являемся мы — рабочие массы! Только мы, организованные в железные батальоны, возьмем крепости пролетарского счастья.

И праздник Первого Мая будет грузовым подсчетом наших сил, очередной братской перекличкой на революционных постах.

Пусть же сильнее грянет буря пролетарской мировой революции, загораются зори коммунистической жизни, в которой раз навсегда будет покончено с порабощением человека человеком!

Крепче же сжимайте дымящиеся винтовки, товарищи! Выковывайте железную мощь в тылу, бросайте же революционную силу на красный фронт!

Солнечный Май уже близок . . . К победе, вперед!

«Правда». 1919, № 95. *Маширов.*

Праздник Мая.

Море красных знамен . . .
Гул железных колонн . . .
Гром оркестров поет переливно,
И звенит, как хрусталь,

Синегранная даль
Перекатами чудного гимна . . .
Ярко вспыхнули сны
Пролетарской весны . . .

Праздник солнца, любви и привета,
Город Красный поет,
Город Красный цветет,
Как лучистая солнце-комета.

1919 г. *Павел Арский.*

* * *

Пылайте, алые зарницы!
Бурливей пой, звенящий стих!
О днях весенних пойте, птицы,
О днях весенних золотых!

Сияет свет зари багряной —
Предвестник солнца и огня.
Замолкнет голос мести рьяной,
Призывной радостью маня.

Как бури гром, утихнут взрывы
Стальных шрапнелей и гранат.
И зеленеющие нивы
Под солнцем вольно зашумят . . .

1919 г. *Я. Бердников.*

Сегодня — наш праздник.

Сегодня—наш праздник! . . Под знаменем алым
Мы выйдем на улицы шумной толпой
И скажем измученным, слабым, усталым:
— Смотрите, порывом каким небывалым
Полны мы, готовясь на бой!

Сегодня—наш праздник!.. Сквозь злые буруны,
Сквозь бури и грозы мы к солнцу весны
Идем, закаленные дети Коммуны,
И наши сердца вдохновенны и юны,
И видим мы светлые сны!

Сегодня—наш праздник!.. Мы много страдали,
Мы кровью окрасили крестный свой путь,
Но, верится, кончатся наши печали:
Уже перед нами заветные дали,
Где можно душой отдохнуть.

Сегодня—наш праздник!.. Товарищи, братья,
Забудем, что завтра нас встретит война!
Да будут забыты сегодня проклятья,
Пускай пролетарской семье без изъятья
Сегодня приснится весна!..

Пусть завтра по шумным рабочим кварталам
Раздастся тревожный призыв боевой,
Пусть завтра перо заменю я кинжалом,—
Сегодня я выйду под знаменем алым
На улицы с шумной толпой!

1919 г. *Александр Славатинский.*

Мы.

Мы — дети сырого, глухого подполья,
Мы выросли в рабстве, как в стенах тюрьмы,
Не знали привета, не знали приволья —
Мы!..
Лелеяли в сердце отмщения чашу
И песен восстанья чеканили звук, —
Мечи мы ковали в горнилище наших
Мук!
Изрублены скользкие щупальцы спрута,
Последний удар нам осталось нанесть!..
Великого гнева назрела минута —
Месть!..

Рассеяны по ветру клочья тумана,
Разодраны петли паучьих тенет,
И падает, рушась на-веки, тиранов
Гнет!

Эй, выше знамена и шире дорогу!..
В чертогах свободы исчадиям тьмы
Нет места: на страже стоим у порога —
Мы!

1919 г. *Гр. Ямской.*

Красный Май.

Цепи насилия дружно ломая,
В пурпуре алых свобод,
Славит великое Первое Мая
Русский свободный народ!..
В вольном размахе крылатой Коммуны
Шествуй, глашатай любви!
Пышной душою, трепещуще юной
К братству народы зови!..
Нынче пора золотая настала:
Смело, товарищ, гуляй:
Плетки не свищут, как прежде бывало,
Наш завоеванный Май!..
Пусть зарубежные братья услышат
Песни могучих орлов,
Пусть и их груди, как бури, задышат
На озверелых врагов!..
Близок тот час, над Европой сверкая,
Солнце улыбки прольет;
И возвеличит Великое Мая,
Всех изнуренных сзовет!

1919 г. *Иван Кузнецов.*

Май.

I.

Грохочет шумно мир бунтарский
В пылу восстания и гроз,
Чтоб справить праздник пролетарский

И без печалей, и без слез.
Свободной мыслью озаряя
Простор морей, земную грудь,
От края света и до края
Он строит к солнцу вольный путь.
И смотрит Май, как жизнь повсюду
Кипит в домах и между стен,
Сжигая жизней старых груду,
Полна восторгов, перемен.
Вот у горна, как Прометей,
В дыму, в огне бунтарь-кузнец
Кует приволье для детей,
Величью солнечный венец.
Не луч рубиновый захвата
В борьбе с ненастием и мглой —
Художник смелою рукой
Дал в ярком пурпуре плаката
Свободы символ трудовой.
Свершая огнеликий сдвиг,
О, сколько завтра взвеет их,
Кумачных флагов и знамен,
На тротуарах, мостовых
И там, где был вампира трон!
И, вольной жизнью опьяненный,
Глядит улыбчиво наш Май
На мир, свободой озаренный,
Что строит коммунальный рай . . .

II.

Спустилась ночь . . . Замолкли звоны . . .
Все дремлет в ульях темноты.
Не спит лишь Май, завороженный
Свободой мысли и мечты.
— Восстаньте все передо мной,
Борьбы мятежной люди-тени,
Благословит вас в возрожденьи
Любви и братства светлый гений,
Создаст вам памятник — покой.

Вы обагрили мир — ступени
Своею кровью трудовой.
В восстанья мести, в грозном гуле,
Справляя черный карнавал,
Опричников шальные пули
Сразили вас, когда я звал
Невольников из душных нор
Под знамя воли,
К светлой доле,
Из тьмы и мрака на простор,
Ища приволья и свободы,
Питомцы горя, бедняки,
Вы шли за мной, враждой горели
К тиранам: дети, старики . . .
Смолкали фабрики, заводы,
Немели
Шахты, рудники . . .
О, не напрасно каждый миг
По всей вселенной
В жизни пленной
Свободы рупором я был.
Дышал я местью к тем, кто жил
Чужим трудом, слезами, потом
И предавался лишь заботам
О брюхе, кутежах лихих.
Разбиты злой неволи цепи,
Во прах повержены цари! . .
Ликуйте, села, нивы, степи
В лучах немеркнущей зари! . .

III.

Проснулся день с зарей багряной,
Взметнулись ветры-шалуны,
И скрылся, светом осиянный,
Плешивый лик седой луны.
Под синим сводом небосклона
В сияньи солнечного дня
Шумят пурпурные знамена,

Приветной радостью маня.
Как батальон бойцов свободный,
Бросая клич из края в край,
Под вольный гул толпы народной
Шагает гордо красный Май.
Он, окрыленный,
Угнетенный
Мир к жизни жизнью воскресил.
В его душе — восторг стозвонный,
В груди кипит избыток сил.
В очах детей он сеет радость . . .
И трубы медные на нем
Поют, сзывая к свету младость,
Играют золотым лучом . . .
Торжествуйте, старцы, дети,
Ширься жизни океан!
Рвут вражды кровавой сети
Пролетарии всех стран!
Мы — глашатаи-пророки,
Счастья мощные творцы,
Изничтожим зла пороки
И терновые венцы!
Пусть гремит бурун могучий
Вражьей силы, душной тьмы —
Мы громовей грозной тучи,
В днях грядущих солнце — мы! . .

1919 г. *Я. Бердников.*

Алое знамя.

Дверь в школу открывается и закрывается поминутно. Дети вбегают в школу, взволнованные, спешащие, щебечут, как стая ворбьев, спорят, но спорят по-хорошему, не бранясь, и наперебой предлагают учительнице разные придуманные ими планы. А с улицы доносится такой же веселый шум, и солнце, врываясь в распахнутое настежь окно, ложится на полу яркими пятнами. И в солнечном луче весело трепещут пылинки. Всюду жизнь и радость . . .

Сторожиха Трофимовна — в новой ситцевой, стоящей на ней колом, кофте и новом темном с горошинами старушечьем платочке. А Степка, ее внук, стоит у окна, прижался носом к подоконнику и думает о том, позволят ли ему влиться вместе с другими детьми в это море человеческих голов, что колышется там, за окном.

. . . И точно не позволят. Степке всего семь лет, и он хромой. Разве когда поступит в школу? Он озабоченно спрашивает:

— Бабка, а бабка, а на будущий год я пойду?

— Куда, кормилец?

— А с флагом!?

Бабка вздрагивает, молчит.

Вытирает глаза, точно ее ослепило солнце.

— Бабка, плачешь? Опять вспомнила?

И жадное детское ухо в сотый раз хочет слушать одну и ту же печальную историю своего сиротства.

— Про мамку с тятькой вспомнила? Расскажи . . .

Бабка все вытирает глаза.

— Расскажи . . .

— Что рассказать то? Как стану вспоминать, — дух спирает . . .

— Расска-а-жи! . .

— Экой неотвязный!

— Сейчас пойдут с флагами . . .

— Успеем. Учительница большое знамя починит, — и пойдут. А ты, родимый, школу стеречь останешься . . .

Он вздыхает.

— Со мной останешься, со мной?

— Ну, а как это было? — начинает Трофимовна. — Был у меня сын, вишь, отец твой — Алексей. Кудрявый, веселый и певун. Что соловей! И все пел такое . . . про народ, про слободу . . . А у меня душа, бывало, болит: предчувствие, знать, это было . . . Вот он раз и говорит: «Первый май заграницей и у всех рабочих». А в календаре еще стоял апрель . . . Помню — чуть светало. Между тем он с женою, мамушкою твоей, уж на ногах. Смотрю — за город сбираются. А она тоже, значит, была фабричная. Пришли это вдруг к нам товарищи ихние, с фабрики, ну и загудели: «Алеша, тебе речь держать. Ты уж попробуй-ка» . . . Я и говорю: «Мимо нашего подвала повадился сыщик ходить, —

в окно поглядывает, как бы худо не вышло». Ну — тут рукой на меня махнули. Плевать нам на сыщика. А Алешенька-свет речи любил говорить с товарищами про правительство да про рабочих, — и говорил справедливо, как сейчас говорят; только тогда за те речи уже сиживал в тюрьме наш Алешенька года три назад . . . Я ему и сказала: «Алешенька, полегче» . . . Где там. Он только засмеялся. И стал в путь сбираться . . .

Бабка указала рукою на окно:

— Солнышко светило так же, а шуму того не было: раньше красные флаги кто нес, украдкой — на груди: рабочий праздник не очень в чести был у владык-то наших . . .

Она перевела дух . . .

— Пошли они . . . А Настя, мать-то твоя, красный платочек взяла.

— А платочек — на шею? спросил Степка.

— На шею повязала. На шею . . ., ну и пошли.

— А я?

— А ты, на-грех, проснулся и давай плакать: — «Мама!» Тебе было всего два годочка. А Настя и скажи: «Возьмем сынка с собою». Я же, дура, не отговорила. Сижу, жду их. Обед сготовила, не идут. Ждать-пождать. Солнце садилось уже, как наконец вернулась одна Настя. Только на ей лица нету. А у тебя — ступня смята.

Бабка утерла слезу и продолжала:

— А Алешенька? — кричу. — Что с ним? — Едва добилась толку . . . Собрались, вишь, рабочие за городом. Знамена подняли, развернули, держат. Грянули свои песни. Ну, конечно, выставили своих наблюдать, полицию караулят, а на дерево стали влезать оратели. И отец твой, оратель первеющий, влез на дерево . . . У него был голос звонкий, чистый, что колокол . . . Говорил, конечно, о хорошем: о правде, и как жизнь справедливую наладить . . . Слушают его люди, толпа великая была! И сыщики всех заметили . . . Где уже тут уберечься . . . Окружили сердечных, казаки налетели с нагайками; врезались в самую гущу . . . Начали стрелять . . . И с тех пор ты и хроменький . . . Алексеюшку с дерева пулею сняли . . .

Она замолчала, не в силах продолжать.

Степка тихо спросил:

— А потом что?

— Убивалась Настя на работе. Тоска ей на фабрике все сердце съела,—ела, ела и печенки выела . . . Кашлять стала . . . Квартира сырая. Захирела и померла . . . А мы с тобою вдвоем остались. Э, да погляди: наши в пары строятся . . . И знамя готово . . . Только нынче, конечно, никого за красное знамя не застрелят, — заключила Трофимовна.

Степка смотрел во все глаза, и они горели. В руках старшего школьника, мускулистого Пети Сомова, алело знамя с золотою надписью «Да здравствует трудовая школа» и сияло ослепительным светом. И на груди детей маленькие алые бантики горели, как цветы, как кровь когда-то убитых рабочих.

Он сжал маленькие кулаки.

— Бабка, я пойду!

И решительно встал в ряды школьников. Учительница посмотрела на его курносое лицо, улыбнулась и ничего не сказала. И когда дети вышли в широко раскрытые двери, он двинулся за ними, звонко и ясно выводя слова хорошо известного гимна, который пел его отец:

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой!..

Марг. П.

«Пламя». 1920 г. № 8.

Господская тень.

На красной площади намедни три туза —
Помещик — без земли, заводчик — без завода
И хищник банковский, сидящий без дохода, —
Час битый пялили глаза
На торжество рабочего народа.
Им в первомайский день с утра
Спокойно дома не сиделось:
Глазком прикинуть захотелось,
Измерить силу рати той,
Что их теснит своей железною пятой.
Налюбовавшися, пошли домой все трое.
— Ну, как?

— Да так . . . Тоска.
— Казенный юбилей!
День этот проходил куда как веселей
При прежнем строе.
Ушла поэзия. Отпал волшебный фон.
Как живописен был разгон
Всей этой сволочи, сбирающейся в шайки,
Когда ее жандармский эскадрон
Возьмет, бывало, всю в нагайки.
Р-раз — шляпа на боку! Два — лопнуло пальто
Три — шайки всей как не бывало!
В участок волокут толпу. А нынче что? . .
Ушла поэзия. И красок ярких мало!—

Нетрудно угадать, как первомайский день
Расписан был потом в газетах буржуазных.
Буржуи с нами вкусов разных:
Там, где нам солнышко, для них — сплошная тень.

Демьян Бедный.

Первомайский салют.

Колонны, колонны, колонны...
Улиц бетонная поступь,
Радуга толп,
Топот ног тяжелых,
По площади топота бой...
О, майский день,
О, праздник трудовой —
Какая огневая россыпь
Твоих знамен багряных и веселых,
Колеблющихся над землей.

Колонны, колонны, колонны...
Красный Май,
Штыками вонзай
В пространство сигналы,

Фейерверк песен вскидывай
К небесам голубогрудым.
Алые гимны
Рейте
Гуд...
Оркестров громогласных.
Нерушимо грозные
Мы идем из гранитных груд.
Сегодня, векам оставляя следы,
Мы
Салютом громовым
Славим одухотворенный труд.
Солнце,
Стройся в колонны!
Будем дружно руками закаленными
Мир на земле ковать —
Звонкой радости золото.
Солнце, солнце,
Точи лучи —
Мы с тобою, как гимн рабочий,
Молоды!

Г. Санников.

Первое Мая.

Как могуч и как чудесен
Наш бунтующий разлив!
Вспышки гроз, весенних песен
В сердцах рабочих проросли.

В каждом взоре сколько молний,
Над грозной армией труда.
Толпы синеблузых волн
Прибоем хлещут в города.

Гудим певучим океаном,
Покинув фабрик корпуса.
Над вольным пролетарским станом
Знамен надулись паруса.

Железный, мощный, всемогущий,
Каких морей девятый вал,
Как пыль песков волной поющей,
Смываешь желтый капитал?

Единством спаянный, безбрежный
Бушующий ураган,
Гуди и бей прилив мятежный
В биржи зарубежных стран.

Единый фронт, порыв единый,
Единая горит звезда,
Солнце кованые льдины
Ломает в северных морях.

В день Мая солнечно-чудесен
Всемирно-боевой размах.
Как много музыки и песен
Журчит в разлившихся волнах!

Мих. Герасимов.

Мы не боимся работы!

В день Первомайской Субботы
Лейтесь могучие песни
От Петрограда до Пресни:
Мы не боимся работы!

Третий год стоя у власти,
Мы, рабочие, твердим:
И разруху, и напасти
Трудолюбьем победим!

Мы, победители стари,
Пустим динамо-машины!
Плугами вспашем равнины!
Пой же, творец-пролетарий!

Третий год стоя у власти,
Мы, рабочие, твердим:
И разруху, и напасти
Трудолюбьем победим!

На пепелище насилья
Выстроим новые зданья,
Каждый получит там знанья —
Жизненной радости крылья.

Третий год стоя у власти,
Мы, рабочие, твердим:
И разруху, и напасти
Трудолюбьем победим!

В праздник труда и победы
Миру поведайте струны:
В градах и весях Коммуны
Скоро исчезнут все беды!

Третий год стоя у власти,
Мы, рабочие, твердим:
И разруху, и напасти
Трудолюбьем победим!

Ив. Логинов.

1920 г.

Мы идем.

Разрушая все преграды,
Все препоны, мы идем . . .
Откровенья и наряды миру новые несем,
Миру новые несем.

Мощь призыва,
Битвы сладость,
Вихрь порыва,
Веру, сладость

Мы взлелеяли в груди . . .
В юной пламенной груди

Достиженье
Светлой Воли
Красной Доли . . .

Впереди:
Путь тернист, обрывы, скалы, —
Мы зажгли призывный свет . . .

Реют зори ярко-алы,
Тает смерти силуэт.
Полог ночи
Разрываем
И рабочих призываем,
Призываем
Встретить Утро, Солнце, День . . .
Властный, красный, ясный день . . .
Будут встречи,
Клятвы, речи . . .
Радость бедных
Деревень . . .
Только веру сохраните,
Души творчеством горят:
На железе и граните
Разобьем цветистый сад.

Илья Садофьев.

* * *

Не румянами — зарею зарумянилися лица,
Не невеста под фатою, — это красная столица
В море флагов утопает, в море флагов и знамен,
Не оркестр душ играет — гимн торжественных времен.
Это сердце, с сердцем слившись, песню новую творит,
Песня лентой огневою в синем воздухе горит,
Ввысь несется, к солнцу, к солнцу . . . и зовет его сюда,
К нам, на праздник наш великий счастья, воли и труда!

А. Крайский.

Первое Мая.

(Мотив песни «Оружьем на солнце сверкая...»)

Да здравствует Первое Мая—
Светлый гимн мирового труда,
Пусть солнце грядущего рая
Пылает над нами всегда.

Как вольные горные птицы,
Взовьемся в лазурную даль,
Сотрем все черты и границы
И долгого рабства печаль.

Погасим вражду вековую
И темную злобу племен,
Сольемся в семью мировую
Под сенью победных знамен.

Да внемлют угрюмые своды,
Утратив свой гнет навсегда,
Могучую песню свободы,
Великую песню труда.

Да здравствует Первое Мая—
Светлый праздник труда и машин!
Пусть братство, как солнце сверкая,
Нам блещет с безгранных вершин.

Самобытник.

Интернационал.

Ин-тер-на-ци-о-нал!
На улицы, на площади спешите!
Смотрите,
Ведь даже неба свод
От крика нашего в испуге задрожал . . .
Для тех, кто день за днем,
Из года в год,
Как раб, как вол,
Дорогой каторжною шел,
Сжигаемый огнем
Угроз, несчастий, бед, проклятий,
Для тех, кто изнывал у паровых котлов,
В колодцах шахт копался дни и ночи
И все же с твердостью, как ни был рок суров,
Носил святое звание — рабочий,
Взошла для тех заря!!!

Перешагнув через моря,
Минуя острова, леса и горы,
Идут, идут, идут,
Направив взоры
К России — Мекке наших дней,
Идут и новый свет несут.
Миллионов ног вы слышите удары?
То разных стран
Перекликаются народы,
Чтоб мир насилья старый
Во имя счастья и свободы
До основанья сжег последний ураган.
Глядите, блузники,
Вы, обделенные на жизненном пиру,
В ружье, товарищи!
На мировом смотру
Для тех, кто вечно жил в труде,
В нужде,
Нет рас и каст, девиз один
Теперь над нами властелин,
Он нам равно всем запылал:
Ин-тер-на-ци-о-нал!

Илья Ионов.

Весенний праздник.

Знамена — огненные птицы —
Парят над массами весенне,
Змеисто-длинной вереницей...
В знаменах роспись золотится, —
Эпоха пламенных стремлений
Раскрыла яркую страницу...
В аккордах мощных песнопений
Цветут восторженные лица
Узором сладких сновидений...

Узывны верхние ступени,
Где цель конечная лучится,
И явь умноженных свершений...

И стали глупой небылицей
Недостижимые ступени,
Непроходимые границы...

Илья Садофьев.

1921 г.

Красная пролетарская пасха.

Слепых, скорбящих душ слепое упованье,
Ты в муках создало скорбящий лик Христа,
Его предателя нечистые уста,
Его мучителей глухое завыванье,
И, пригвоздив к кресту распятую любовь,
Ты кровью жертвенной всех палачей омыла.
Так было.

Веками было так. Но так не будет вновь!
Религия рабов — не для бойцов свободных...
Мы — отомстители за пролитую кровь,
За миллионы жертв, за море слез народных,
И алым знаменем, карателн царей,
Мы заменили крест народного распятья
И, стоя у иных распахнутых дверей,
Мы пламенно зовем: «Прозрите же скорей,
Единокровные, слепые наши братья!»

Демьян Бедный.

1921 г.

Наша пасха — Первое Мая.

Стихира.

С фабрикантом и банкиром
Распростившись навсегда,
Славословьте, братья, миром
Воскресение труда.

Тропарь.

Рабочий класс воскресе,
Буржуев всех поправ
И кровной красной прессе
Свободу даровав.

Ирмос.

Ликуйте, села и города,
Ликуй, семья трудовая,
Сегодня праздник труда —
Первое Мая.

Песнь 1.

Миновав пути опасные,
Труд в России победил
И знамена ярко-красные
Повсеместно водрузил.

Ирмос.

Прочь с дороги, мир буржуазный,
Не мешайся дряхлое Рождество.
Нынче праздников праздник —
Первомайское торжество.

Песнь 2.

Идите, юноши и старики,
На площади городские,
А завтра снова за станки
В свои мастерские.

Стихира.

Пасха старая распалася,
Но другая показалася,
Пасха новая, живая —
Первое Мая.

Тропарь.

В этот день мировой
Просветимся торжеством
И тропарь трудовой
Коллективно споем:
Рабочий класс воскресе,
Буржуев всех поправ
И кровной красной прессе
Свободу даровав.

Ив. Логинов.

1923 г.

День Первого Мая.

Звездой благовестья он вспыхнул во тьме
Кромешных веков угнетенья,
Чтоб ведал томящийся в лютой тюрьме
Борьбы огневой зарожденье.

Мозольные руки всех стран и племен
Он слил во единое тело,
И море кроваво - вспененных знамен
У вражеских скал закипело.

Что год, то крушительней били они,
Стремления ярого полны,
В седые граниты платинной брони,
Высокие майские волны.

И пала плотина! В широкий проход
Русь хлынула мощной рекою,
Победно стремясь все вперед и вперед —
К последнему грозному бою.

К последнему штурму последних твердынь
Удава земли — капитала!
Довольно скитаться во мраке пустынь!
Борения время настало!

Все ближе и ближе торжественный час
Победы советского края —
Да здравствует солнце трудящихся масс,
Великое П е р в о е М а я!

В. Князев.

1921 г.

Весна Красная.

Из-за темных лесов, из-за сумрачных гор,
Мириады цветов рассыпая,
Выходила Весна на привольный простор,
Выходила молодка палить свой костер —
Солнце красное Первого Мая.

Ярко вспыхнул костер в безысходной ночи,
Освещая трущобы и гати...
«Ой, гори, мой костер! выше искры мечи! —
Зажигайте сердца, огневые лучи!
Собирайте рабочие рати!»

Ярко вспыхнул костер — дрогнул каменный мрак,
Всколыхнулся, тяжелый и сонный...
«Ой, гори, мой костер—путеводный маяк!
«Ой, веди, запаленный, сквозь бури и мрак,
Всеплеменных бойцов легионы!»

Долго шли легионы по рощам, лугам;
По болотам, каменьям и дюнам:
Было тяжко груди, было больно ногам;
Но привел нас маяк к золотым берегам—
К берегам пролетарской коммуны!

Чист, безоблачен яркого неба шатер...
И, несчетность цветов рассыпая,
Вновь выходит Весна из-за леса и гор
На простор — запалить свой победный костер,—
Солнце красное Первого Мая.

В. Князев.

1922 г.

Первомайские частушки.

1.

У богатых между денег
Стон звенит и стонет плач.
Первомайский день оденет
Всю вселенную в кумач.

2.

Из-за тучи, из-за леса
Стукнет солнышко в окно,
Первомай, всемирный слесарь,
Дверь в коммуну отомкнет.

3.

Пыль столбом идет с востока,
Русь и пилит, и сверлит,
Первомай, весенний токарь,
Точит счастье всей земли.

4.

Старый ткач знамен победных—
Первомай — идет к станкам
Платье счастья ткать для бедных,
Саван смерти — богачам.

5.

Долго ль няньчиться нам с ними?
Колба мира на парах!
Первомай, рабочий химик,
Превратит буржуев в прах.

6.

Под землею гул и топот,
Это первомай-горняк
Достает из недр Европы
Месть рабочего огня.

7.

Горе им, а нам потеха;
Замесил, скатал и спек
Первомай, горячий пекарь,
Из буржуев кренделек.

8.

Есть у нас наборщик хваткий —
Пролетарский первомай.
Старый мир долой с верстатки!
Новый мир в набор давай!

9.

В пять шестых одна шестая
Раскидает праздник наш.
Мир в коммуну заверстает
Первомай, наш метранпаж.

10.

Первомай-печатник тиснет
Красным пламенем в сердцах:
У рабочих — радость жизни,
У буржуев — смерть и страх.

Сергей Городецкий.

1923 г.

* * *

Здравствуй, кудрявый май!
Землю весной венчай,
Радость венчай борьбой,
Юность мятежная, пой!

Солнце, цветами вей!
Колос коммуны, зрей,
Зрей наших дум посев —
Честный рабочий гнев.

Был беспощаден враг,
Бился в овраге флаг,
Песен не смели петь,
Свистом врезалась плеть...

Шествуй, свободный май,
Крепни, рабочий край,
В небе, пропеллер, пой,
Пой, толп прибой!

Радио, радость вей!
Знамя родное, рдей,
В сердце рабочих всех стран
Бей борьбы барабан!

Труд мировой, восстань!
Солнцем единым глянь,
Громом весенним грянь!..

Здравствуй, зеленый май!
Землю весной венчай,
Радость венчай борьбой.
Юность мятежная, пой!

Владимир Кириллов.

1923 г.

Первое Мая.

День пылает первомайский,
Солнце жжет остатки туч.
Этот праздник пролетарский
Звучен, радостен, могуч.

Мы счастливы и свободны,
Наш тернистый путь пройден.
Мы идем шеренгой стройной
С роем огненных знамен.

Наша поступь — тверже стали,
Сила воли — крепче скал,
Старой жизни сгнили сваи,
Коммунизм — наш идеал.

Пой, греми, огромный город!
Первомайский день, пылай,
Стой на страже, серп и молот,
Торжествуй, свободный край!

Рабочий Н. Кубанский.

1923 г.

Мужичий Май.

(Мотив Марсельезы.)

На полях первомайская птица
С золотыми крылами во мгле
Точит клюв, чтобы с тучей сразиться,
И запеть на весенней земле.

В красном клюве не высохли песни,
Будет в песнях качаться засев.
Огнекрылые стяги развесит
Над полями наш огненный гнев.

Мы леса развернем на знамена,
Вспыхнет стягом загон полевой.
Бей, да крепче, земные поклоны
Звону красному, ворог лихой!

Запевай и лесами, и лугом
Песнь ржаную, родная земля,
Красной птице, хватающей клювом
На-лету голубые поля.

С каждым днем веселей и бесстрашней
Смотрим мы на преддверие в рай.
Вывози наши избы и пашни
Из болотин, воскреснувший Май!

Трельте в рощах березовых, птахи!
Пой в степи, чернозем и руда!
На полях казематту и плахе
И помосту не встать никогда!

Петр Орешин.

1923 г.

* * *

Токарь счастья всех рабочих,
Плотник красных кораблей,
Пахарь сельской черной ночи,
Спящих сеятель полей,
Революции тартальщик,—
Шире бурю подымай,
Разливайся глубже, дальше,
Первомай!

Спайщик сил соединенных,
Вешний вождь во всех боях,
Гром рабочих, тронов страх,
И надежда угнетенных,—
Выше крылья подымай
Над землею трудовой,
Всерабочий, мировой
Первомай!

Светел ты огнем свободы,
Кровью всех борцов румян,
И крепки тобою взводы
Пролетариев всех стран!
На смерть старое ломай!
К жизни новое вздымай!
Красный праздник трудовой,
Боевой
Первомай!

С. Городецкий.

1923 г.

Первомайская диалектика.

В прошлом.

Синие блузы и ленточки красные,
В лицах тревога, отвага в сердцах,—
Вышли на улицу люди несчастные...
Ропот, слова вырываются страстные...
Сжата рабочая песня в устах.
Гордо шагая, богато одетые
Щурятся...; сдвинув презрительно бровь.
Вырвалось где-то... и, жалуясь, сетуя,
Льется..., но рвутся слова недопетые...
Выстрелы, стоны, жандармы и... кровь.

В настоящем.

Реют красные полотна,
Песня звучно раздается,
Стройно музыка гремит,
Тяжкий молот сталь дробит—
Счастье общее куется...
Жарко, весело и потно!
За работой трудовая
Рать, оборванная в битвах,
Но довольная собой...
По углам же старый строй
Жмется, в ропотных молитвах,
С шипом гада умирая.

В будущем.

Льется праздничный шум, как алмазов река,
Первомайским огнем зажжены облака,
Утопает земля в ароматных цветах,
Всюду люди снуют на железных рабах;
Встречи радостны их, в лицах братский привет,
Из орлиных очей излучается свет;
Ни печали, ни слез, ни тревог на челе . . .
Разлита благодать по цветущей земле—

Люди счастья полны, жизнь полна красотой...
Льется праздничный шум, как алмазов река,
Первомайским огнем зажжены облака,
Пробудилась земля, словно юность пышна,
Обнялись Первый Май и царица Весна.

А. Соленик.

1921 г.

Первомайский сон.

(Отрывок из фантастической повести)

Поздним вечером из подвала соседнего дома я принес к себе, на четвертый этаж, ведро воды; на маленькой печке вскипятил чай и запил им полученные по карточке полфунта хлеба. Не раздеваясь, лег и стал думать о наступающем Первом Мае. Лицо праздника омрачалось тенями наших страданий, — нужды, холода и голода.

Завтра в клубе «Красная Звезда» мне предстояло выступить с речью о значении Первого Мая. Я обдумывал речь, вспоминая прошлые, до-революционные праздники Первого Мая: лес, полянка, пикеты и дозоры, условный пароль, взволнованная речь оратора, возбужденные лица. А дальше—полиция, матерная ругань, побои, плетки, следы которых долгие месяцы не сходили со спины.

Но усталость и изнеможение брали верх над разгоряченной мыслью; глаза смыкались, а мысли тонули и путались в туманной тени дремоты. И вот. . . . . .

Белый, ослепительно белый город, забрызганный золотом весеннего солнца, в гвоздиках и розах знамен и плакатов.

Волны музыки, радостней солнца и хмельней цветущих черемух, качали, потрясали и влекли меня вперед. Движенье тысяч радостных людей, биение единого сердца торжествующей массы опьяняли. Казалось, душа вот-вот вырвется из маленькой оболочки и сольется с ликующим миром, с цветами, знаменами и небом, где гудели и пели пропеллеры алюминиевых кораблей, горящих хрустальными стеклами кают.

У меня кружится голова, — где я и что со мной?

— Товарищи, товарищи, скажите, что все это значит?

Две карие звезды ласково и удивленно остановились на мне.

— Да, да, этот праздник так красив и чудесен. Он не уступит недавнему празднику Победы Всемирной Коммунистической Революции! — воскликнула девушка.

Такой я не встречал в своей жизни — ни в снах, ни на яву. Красота и разум соперничали в ней. Она была живым воплощением замыслов древних художников, что мечтали слить грезу о боге и правду о человеке. Все ветви души ее струили ароматы расцветшей личности. Все в ней до маленькой пряжки на ботинке, сделанной из удивительного голубого металла, являло образ прекрасного. В ней высшая утонченность была высшей простотой.

Я следовал за девушкой, стараясь не потерять ее в массе. Гигантские дома из белого камня и чистейшего стекла встречали и провожали наши колонны. Ровные мостовые пересекающих путь улиц, вымощенные квадратиками желто-шафранного цвета, убегали направо и налево бесконечными коридорами дворца. Не видно было ни столбов, ни рельс, ни мчащихся автомобилей и экипажей. Казалось, массы людей движутся по сказочно-мертвому городу.

Я хотел спросить девушку о дивном городе, о невиданном празднике, но раздались звуки музыки, и заколыхалось пение гимна. Пела многотысячная толпа. Я жадно ловил каждый звук, каждое слово песни и вдруг почувствовал: это—песня весны, радости и торжества. Восторг охватил меня, и я понял: я участвую в празднике Первого Мая. Я разбираю даже припев этой песни.

Первое мая!
Наш праздник всемирный,
День торжества и победы труда . . .

Моя крайняя растерянность, мой крик:

— Так это праздник Первого Мая!—удивили окружающих.

Девушка взглянула на меня, как на упавшего с луны, и обратилась к идущему рядом с ней юноше:

— Послушай, Алекс, этот товарищ положительно несносен в своем чудачестве. Нам следует поговорить с ним.

И немедленно взяла меня под руку. Тот, кого она называла Алексом, был строен (впрочем, все виденные мною люди казались необыкновенно красивыми). Одет он был в светло-коричневое трико простого, изящного покроя; черную шапочку украшал синий с золотом пропеллер (позже я узнал, что это знак школы воздухоплавания).

Уставив на меня свой веселый лучисто-детский взгляд, он произнес:

— Вы, товарищ, большой оригинал. Ваш странный вид и костюм положительно меня заинтересовали. Уж не с Марса ли вы прилетели? Хотя мне хорошо известно, что с последним у нас говорит только радио, но добраться до него еще никому не удавалось.

Раздавшиеся вблизи нас звуки «Интернационала» прервали беседу. Помню, я хотел пожать ему руку, как новому знакомому, но это вызвало большое изумление и смех спутников. Когда музыка стихла, разговор возобновился:

— Слушай, Алекс, я думаю, этот наш странный друг— член существующего где-то общества, которое настолько увлечено эпохой Великой Революции Семнадцатого года, что восстановило в своем кругу нравы, обычаи и даже костюмы того времени.

— А не обыскать ли нам его, Мери? Нет ли в карманах его пальто кусочков черного хлеба и сахара? Насколько я помню, это было обычным тогда явлением даже среди знаменитых деятелей революции.

Не помню, что я отвечал, но мои ответы вызывали смех и удивление. Кажется, в конце концов они убедили меня, что я являюсь одним из воскрешенных сегодня в морге имени знаменитого ученого Лукьянова (профессор Лукьянов работал в 1925—1950 годах в Москве в Медико-Экспериментальном институте; ему принадлежат блестящие опыты по замораживанию живых организмов и оживлению их через несколько лет. В 1941 году, по предварительному соглашению, он произвел свой эксперимент над десятком людей — очевидно, об этом говорили мои спутники).

Необычайное зрелище вновь прервало нашу веселую странную беседу. Высоко над нами, в безоблачном небе, словно на гигантском голубом плакате, появились лозунги Первого Мая.

Казалось, сверкали звезды среди ясного дня, образуя причудливое сочетание слов и букв. Как безумный, я смотрел на панораму небесных плакатов. Легкий и мелодичный шум пропеллеров заставил меня оглянуться назад, и я увидел приближающийся к нам огромный красный корабль. Он летел низко, плавно и медленно. Я прочитал надпись на его корпусе: «Первомай». Корабль осыпал цветами шествующие колонны.

Букеты алых, золотистых и голубых цветов падали с них и ловились налету идущими, вызывая взрыв восторга и веселья. Букеты были перевязаны ярко-оранжевыми лентами, с тиснеными золотыми словами: «Привет от Итальянской Коммунистической Республики».

В одной из улиц наша колонна остановилась, а идущие впереди продолжали движение. В образовавшийся интервал, словно из земли, влилась новая живописная колонна в шелке художественных знамен, цеховых эмблем и плакатов.

Мери, которая сама охотно объясняла чудеса техники, сообщила о нахождении рядом с нами станции подземной дороги, с молниеносной скоростью перебрасывающей поезда из Москвы на самые отдаленные окраины республики. Поезда пробегают тысячеверстные расстояния в безвоздушных каналах, напоминающих огромные трубы водопровода, без двигателей. Это последнее величайшее открытие в области сообщений основано на принципе движения предмета, предоставленного самому себе при отсутствии сопротивления воздуха. Все движение в городах, за исключением воздушного и пешеходного, также происходит под землей.

— О ваших экипажах и автомобилях, которые разъезжают по улицам, пугая людей, я знаю только из книг, — сказала Мери, вдыхая аромат цветов.

Мне было приятно узнать, что теперь я могу спокойно разгуливать по улице, отдаваясь мечтам и не рискуя быть раздавленным.

Приношу извинение перед слушателями за то, что не сообщил своевременно: этот чудесный город был не что иное, как наша Москва 1999 года.

Узнал я это так. Когда наша колонна свернула на одну из площадей, я увидел, а вернее — задрожал мучительно-сладост-

ной дрожью: из-за угла нетленным кораблем выплывал златоглавый Кремль. Вот они—зубчатые стены с высокими стрельчатыми башнями, вот они—дивные храмы средневековья. Сколько раз падала, сгорала и разрушалась до основания Москва, и только он, этот Кремль, поет нам о величавой и суровой истории. Где ты, Москва, окрашенная кровью Октябрьских дней? Где вы, дома, пронзенные пулями? Ряд церквей и несколько художественно-исторических зданий, потонувших среди небоскребов, — и только Кремль нерушимо хранит древние черты. Я бессилен передать переживания, которые потрясли меня. Многое вы сами почувствуете, поставив себя на мое место.

От Мери я узнал, что в Москве в 1999 году почти нет постоянных жителей, — роскошные стекло-каменные небоскребы есть фабрики, лаборатории и техникумы. На мой вопрос о задымленных фабричных трубах, Мери с улыбкой ответила, что о дыме, как и о мчащихся по улицам автомобилях, ей известно лишь по книгам. Вот уже несколько десятков лет найден способ бездымного сгорания веществ, и на большинстве фабрик можно работать в белоснежном платье. И, словно предупреждая мой следующий вопрос, она сказала:

— В Москве мы только работаем установленные 4—5 часов в сутки; наши дома и жилища, где происходит остальная жизнь, расположены за городом. Наше сообщение позволяет нам в 5—10 минут приезжать на работу из самых отдаленных пунктов наших цветущих селений.

— А теперь, дорогой друг, побольше внимания. Сейчас вы увидите нашу величайшую гордость — Пантеон Революции.

Шествие замедлилось, и, пользуясь этим, Мери спросила,— не хочу ли я есть? Я ответил утвердительно, и мы, свернув в сторону, вошли в дверь, над которой висел плакат с крупною надписью «Коммунальное Питание». Внутри все сияло чистотой; по длинным белым столам автоматически двигались стаканы горячего кофе, вставленные в алюминиевые гнезда. Мы взяли по стакану. Мери нажала одну из многочисленных кнопок, и автоматически выдвинувшийся лоток подал нам несколько бутербродов.

Закусив, мы вновь поспешили в ряды колонн. Миновали роскошную арку в честь Первомая из живых цветов, напоми-

павшую взлет гигантской волны, увенчанной диском солнца из золотисто-оранжевых цветов с вензелями Всемирного Совета Коммунистических Республик. Искусное сочетание цветов создавало местами слова и лозунги праздника и очертания великих деятелей Революции. Мы поднимались в гору. Мери сказала, что мы вступаем на Красную площадь (название сохранилось).

Бедный язык мой, убогая мечта, вашими ли средствами передам я всю величавость и красоту увиденного мною? Два мира, расторгнув грани веков, сошлись здесь вплотную. Направо был Кремль во всем очаровании средневекового зодчества, налево — новый мир, воплотивший всю мощь, всю величавость человеческого гения.

Многотысячный людской поток заливал площадь. Дрожала и переливалась солнечная зыбь цветочного моря, на нем как бы качался причудливый собор Василия Блаженного. А там, где когда-то сотнями торговых фирм выползал на площадь Китай-город, пел и кричал о победе пролетариата величественный Пантеон Революции. Ни колонн, ни статуй, ни мраморной облицовки. Стекло, гранит и сталь. То, о чем мечтали немногие в наши дни, здесь было воплощено в совершенстве. Инженер и художник сливались воедино. Что скажу я о дивных формах? Они не похожи ни на одну из знакомых вам. Кто чувствовал красоту колоссальных кранов и висячих американских мостов, тот, может быть, хоть в намеках ощутит эту величавую архитектуру. Белоснежный цемент, стекло и сталь причудливо переплетались между собою, уходили ввысь, образуя ярусы и площадки, переполненные торжествующим народом. В динамическом устремлении вверх тяжелых массивных форм постройки была легкость и грациозность, примирявшая стремление к космосу с любовью к земле. Здание венчала башня, сплетением стали и железа напоминавшая тысячи мускулистых рук, державших голубой вращающийся глобус—символ всемирного торжества труда . . .

Огромные ворота Пантеона в одну минуту поглотили нас с сотней товарищей. Мы шествовали в роскошных праздничноразукрашенных залах первого этажа. Люди группами стройно двигались в различных направлениях, но каждый чувствовал себя свободно. Не было ни давки, ни суеты. Иногда внутри

зала открывались автоматические двери, и десятки людей, подхватываемые лифтами, уплывали в верхние этажи.

— Через час начнется торжественное заседание в Белом зале, в присутствии представителей всех республик мира, — сказала Мери, — а пока я познакомлю вас с маленькой частицей тех сокровищ, которые хранятся здесь в первом этаже.

Только теперь я заметил отсутствие Алекса. Мери сообщила мне, что он уехал принять управление аэроноутом «Либкнехт», на котором он должен совершить сегодня несколько рейсов для доставки различных делегаций на торжество.

Мы вошли в светлый Голубой зал, где были собраны флаги, плакаты и знамена периода с 1917 по 1925 год. Большие стеклянные колпаки на бронзовых установках с барельефами, изображавшими различные эпизоды великой эпохи, были расставлены в хронологическом порядке. Близким и родным повеяло на меня от потускневших и обветшалых реликвий пережитых мною бурных дней. Вот большое шелковое знамя, — краски выцвели, и почти стерлись буквы огненных слов: «Вся власть Советам». Много других знакомых и дорогих знамен, что гордо развевались по ветру на праздниках, в битвах и восстаниях, смиренно покоились под стеклянными колпаками, напоминая новым поколениям о великих подвигах, бессмертных доблестях и страданиях их дедов и отцов. К глазам подступили слезы. Мне хотелось прикоснуться устами к этим кусочкам полуистлевшей материи, я не в силах был оторваться от них, но Мери, которой многое было непонятно в моих чувствах, торопила меня.

— Это вы успеете посмотреть и в другие дни, а теперь я хочу, чтобы вы видели нечто необычайное и для нас.

Мы прошли еще один зал, увешанный и уставленный портретами, бюстами и гравюрами известных деятелей Великой эпохи. Десятки знакомых лиц смотрели на меня со всех сторон, — то были герои, павшие на революционных постах, великие вожди революции, поэты, художники. Многих я видел в лицо, со многими был знаком, были близкие друзья, товарищи по борьбе и творчеству. Только теперь, на историческом фоне, выявилась их мощь и красота, которых часто не замечали современники. Их дела жили, сияли их бессмертные подвиги, и звучали их песни во славу человечества . . .

Мери опять пришлось взять меня под руку и почти насильно втолкнуть на широкую площадку лифта. Через несколько секунд мы были уже на верхней площадке Пантеона. Здесь было много народу, струились непринужденное веселье и смех. Когда успела вырасти и всколоситься эта могучая, яркая человеческая новь? Как непохожа она на наше поколение! Оригинальные и разнообразные костюмы, напоминающие спортсменский покрой, давали возможность видеть крепкие, загорелые груди и упругие, точно налитые, мускулы рук. О, как хороши и прекрасны эти люди! Я заметил несколько недоумевающих взглядов, брошенных на меня. Кто-то улыбнулся, кто-то о чем-то спросил. Но я был взволнован и растерян и молчаливо следовал за спутницей.

Мы подошли к массивной ограде, облегающей площадку, и моему взору открылась необъятность и красота панорамы. Глубоко внизу попрежнему колыхалась разноцветная человеческая зыбь, в воздухе реяли звуки волнующей солнечной музыки, а дальше, во всех направлениях, куда только достигал взор, цвела и сияла радужным светом белокаменная неузнаваемая Москва.

Ослепительно сверкали стеклянные крыши и окна небоскребов, бесконечно пересекались линии нарядных улиц, виднелись площади, украшенные новыми памятниками, арками и башнями. О, как все изменилось! И только по некоторым церквам, кресты которых едва достигали крыш небоскребов, я мог распознать знакомые мне места и улицы. Я не заметил, как ушла Мери. Она принесла мне чудесный бинокль, давший мне возможность с необыкновенной отчетливостью видеть самые отдаленные части Москвы.

Возделанные поля казались зелеными квадратиками среди пересекающихся золотистых шоссе. Парки, искусственные пруды, белоснежные кубики маленьких домов, утопающих в изумрудной весенней зелени, восхищали и ласкали взор.

А голос Мери, словно весенняя песнь, звучал и пел о красивой и полнозвучной жизни. Здесь, на чудесных фабриках, в труде и науке, и там, в роскошных садах и селениях, где легко дышать, где светлы дали и ароматны цветы.

В небе попрежнему гудели стальные птицы, ястребами взвиваясь и падая вниз, описывая петли. Плавно и торжественно

проплывали блестящие аэроноуты, и пестрели яркие аллегорические фигуры, поднятые в честь великого праздника. Сердце билось учащенней. Кружилась голова. Каждую минуту я готов был зарыдать.

— Если бы жившие в мое время, — произнес я с дрожью в голосе, — видели хоть бы частицу этой прекрасной и счастливой жизни, они удесятерили бы свою энергию в борьбе за будущее. Мы слишком мало работали.

Две карие звезды вспыхнули восторженно и гордо.

— Неправда, вы—титаны, вы—сказочные герои! Любуйтесь! Это взошли ваши семена! — И, взяв меня под руку, Мери тихо и ласково сказала: — А теперь пойдемте, торжественное заседание началось.

Владимир Кириллов.

1921 г.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОГО МАЯ

НАЧАЛО ПРАЗДНОВАНИЯ ПЕРВОГО МАЯ (1889).

Постановление международного социалистического конгресса в Париже 14—21 июля 1889 г.

. . . Назначается великая международная манифестация в раз-навсегда установленное число, таким образом, чтобы разом, во всех странах и во всех городах, в один условный день, трудящиеся предъявляли общественным властям требования ограничения законом рабочего дня до восьми часов, а также выполнения всех других постановлений международного конгресса в Париже.

Так как подобная манифестация уже назначена на 1-е мая (нового стиля) Американской Федерацией Труда (American Federation of Labour) на конгрессе этой федерации в Сан-Луи в декабре 1888 года, то это же число принято и для международной манифестации.

Трудящиеся различных наций организуют эту манифестацию так, как это им будет подсказано условиями их страны.

ПЕРВОЕ МАЯ В РАБОЧИХ КРУЖКАХ
(1891 — 1895).

Первые маевки в Петербурге в 1891 — 1892 г.г.

1891 г.

Первая маевка была очень удачною. В великолепный солнечный день — был «Троицын день», а не календарное первое мая — собралось около ста человек рабочих, входивших в брусневские кружки, в Екатерингофском парке (за Волынкою) на маевку. Собравшиеся разместились на самом конце парка, на небольшой лужайке, между развесистыми старыми деревьями.

Число пришедших со всех концов Петербурга лиц — несколько более ста человек — было ничтожно на наш теперешний масштаб, но нам тогда оно казалось внушительным. Собрание прошло чинно, организованно и солидно. Были произнесены речи [1]).

Собранием, по его открытии, руководил симпатичный рослый блондин, виленец, студент-технолог Вацлав Фаддеевич Цивинский, с виду похожий на рабочего, в поддевке и смазных сапогах, предложивший присутствовавшим высказаться. Пер-

[1]) Четыре речи, произнесенные на маевке 1891 г., напечатаны ниже. О них, а также о начале празднования Первого Мая в России см. статью С. Н. Валка, «Красная Летопись» 1922, № 4 (Материалы к истории 1 мая в России).

ным оратором выступил рабочий, токарь по металлу—Николай Дементьевич Богданов. Он был в те дни техником на бывшей «Императорской» Карточной фабрике, куда он поступил в 1890 году. Богданов всегда говорил горячо и красиво. Произнесенная с громадным подъемом речь излагала идеи западноевропейского движения и выясняла социальный смысл пролетарского первомайского праздника. Вторым говорил рабочий-ткач Федор Афанасьев. Он сожалел, что пришлось собраться не точно в день первого мая, как западно-европейские товарищи, а просто в первый воскресный день, напомнил о демонстративном участии рабочих в похоронах писателя Н. В. Шелгунова и призывал к борьбе и единению. Далее он говорил об экономическом гнете, довлеющем над рабочим классом при капитализме, и о необходимости создания организованного противодействия. С особым вниманием была прослушана третья речь общего любимца, казначея кружка, кузнеца Экспедиции заготовления государственных бумаг—Егора Афанасьева.

Небольшого роста, широкоплечий, коренастый, он начал ясно, четко, вразумительно, как будто бил своим тяжелым молотом по наковальне. «Мы начинаем пробуждаться от векового сна, из-под гнета барского, поповского, царского, — говорил оратор.—Мы все еще бесправные рабы русского царя с пятном возложенного на нас позора. Смоем же, товарищи, это рабское пятно позора!»

Афанасьев требовал союза рабочих с наукою, борьбы против деспотизма и организации сильной политической партии. Говоря, Егор разгорячился, вспыхнул. Волнение не позволило ему окончить. Речь оборвалась, оратор смутился. Все понимали его настроение, и когда он взволнованный умолк, его дружно обступили и жали ему руку. Затем участники оживленно заговорили на общественно-политические темы. Было хорошо и радостно . . . На дерево, под которым говорили, прибили деревянный щит с надписью яркою масляною краскою: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ей радовались и гордились.

Последним говорил рабочий Резиновой мануфактуры Владимир Илларионович Прошин. В начале, по записке, им составленной, Прошин привел ряд важных и любопытных сведений по статистике народного образования. Прошин сравнивал

убогие и печальные русские данные с богатыми европейскими сведениями о числе школ и учащихся заграницей. Затем проводил параллель с жизнью Европы, где жизнь была «горяча», с черными днями в России. Указывал на растущее сознание европейского пролетариата и на необходимость вызвать к жизни то же и у нас. Сообщавшиеся Прошиным сведения были обширны и обстоятельны. К сожалению, из последующих редакций первомайских речей они исчезли.

Пришедший на маевку литограф Алексей Егорович Карелин тут же вырезал на коре этого дерева год, число и месяц нашего собрания, а пониже—наши инициалы. Они долгое время были целы.

Первая петербургская маевка прошла очень удачно и оживленно. Только под вечер, наговорившись, все начали расходиться по своим районам.

„Последние Известия" 1923, № 18.

1892 г.

Организацию празднования первого мая 1892 г. подготовил центральный наш кружок. Был заранее разработан план; дорогу к месту собрания на Петровском острове [1]) нарисовали на бумажках и дали каждому участнику; сходиться предложили по-одиночке — кто ехал на лодке, кто шел пешком, кто на конке, так что сошлись незаметно к условленному месту и в условленный час, именно, в час дня. Было человек 200, среди рабочих Цивинский и Святловский, одетые в крестьянское платье. Распространялись прокламации, книжки, карикатуры на Александра III. Уже намеревались приступить к произнесению речей, как явился сторож владений кн. Белосельского (ему принадлежала эта земля) и стал нас прогонять с занятого нами места. Мы уходить не хотели, но в это время пришел патрульный Маклаков (мы их расставили тоже по плану) и сообщил, что едут жандармы. Пришлось уходить, а так как —

[1]) В. В. Святловский в своих воспоминаниях правильнее указывает место празднования второй маевки — Крестовский остров, действительно принадлежавший кн. Белосельскому-Белозерскому.

многие из нас приехали в одиночку на лодках, то мы сейчас разместились в них и стали удаляться по направлению к взморью с гармониками и песнями. Жандармы, бессильные что-либо сделать, смотрели на нас, а Святловский снял шляпу и сказал: «До свиданья!»

Так неудачно кончилась эта маевка, хотя никто из нас и не пострадал.

Через несколько времени произошло второе большое собрание, на котором было тоже человек 200. Собрание было за Волковым кладбищем. Сошлись кружки всех районов — Нарвского, Выборгского, Невского, Петербургского, Василеостровского.

Первым на этом собрании говорил Егор Афанасьев, кузнец, о тяжелой жизни рабочих, гнете и эксплоатации капитала, о необходимости борьбы за улучшение рабочей жизни. После Афанасьева другие ораторы указывали на успешную борьбу, какую вели рабочие на Западе, и делали вывод, что это происходит потому, что там рабочие организованы, а организованы они в силу уже завоеванной свободы, и, стало быть, и нам надобно завоевать свободу, а для этого надобно организоваться в рабочую партию.

Читали здесь и Брусневскую программу, отпечатанную на гектографе [1]).

Вскоре после этого собрания нас арестовали. Шпионы кого-то проследили, началась усиленная слежка, и в июне 1892 г. было арестовано 162 человека [2]).

„Красная Летопись“ 1922, № 4.

---

[1]) О Брусневском кружке, равно как и о других социал-демократических ранних кружках и группах см. книгу Вл. И. Невского, Очерки по истории Р. К. П. (большевиков). Ленинград, 1924.

[2]) Отрывочные воспоминания о двух первых маевках В. Святловского и В. Карелиной несколько дополняются воспоминаниями Н. Д. Богданова, К. Норинского, В. А. Шелгунова, напечатанными в сборнике «От группы Благоева к Союзу Борьбы». Донск. отд. Госиздата, 1921 г. — См. еще В. Святловский — «Петрогр. Правда» 1922, № от 1 мая, и «Былое», кн. 19 (1922); — В. Карелина — «Красная Летопись», № 4 (1922), а также указанную выше статью С. Валка.

Четыре речи, произнесенные в 1891 г. рабочими на первой маевке в Петербурге.

Речь первая [1]).

Товарищи! Сегодняшний день для нас должен неизгладимо остаться у каждого в памяти. Только сегодня, в первый раз, нам пришлось собраться со всех концов Петербурга на это скромное собрание и в первый раз слышать от товарищей-рабочих горячее слово, призывающее на борьбу с нашими сильными политическими и экономическими врагами. Да, товарищи, видя такого врага и не зная, в чем его сила, видя свою небольшую горсть людей, которые берут на себя эту борьбу, некоторые из нас не могут надеяться на успех нашей победы: они в отчаянии и трусости покидают наши ряды. Нет, товарищи, мы твердо должны надеяться на нашу победу. Нам стоит только вооружить себя сильным оружием — а это оружие есть знание исторических законов развития человечества, — нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага. Никакие его притеснения и высылки на родину, заточение нас в тюрьмы и даже высылки в Сибирь не отнимут от нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы, всюду будем передавать свое знание: на родине— своим крестьянам, а в тюрьмах будем объяснять арестантам, что они тоже люди и имеют все человеческие права; чтобы они, сознавши эти права, передали свое знание другим и организовали их в группы.

В этом залог нашего успеха!

Да, товарищи, нам часто приходится читать или даже слышать о манифестациях рабочих на Западе, которые громадными стройными колоннами движутся по городам и наводят страх на своих эксплоататоров; но стоит нам присмотреться к истории развития этой стройной массы, и тогда нам ясно станет, что эта масса произошла от такой же небольшой группы людей, как и мы.

---

[1]) Произнесена рабочим Николаем Дементьевичем Богдановым (род. 1870 г.), одним из старейших деятелей рабочего движения: был секретарем «Первого Рабочего Комитета» (1889 г.); был неоднократно высылаем за участие в Р. С.-Д. Р. П.

Взглянем, хотя бегло, на историческое развитие социал-демократической партии в Германии, этой самой сильной и стройной организации на Западе. Она тоже произошла от небольшой кучки людей, сгруппировавшихся в одной производительной местности, как наш Петербург. Эти рабочие первые сознали свои человеческие права и стали передавать свои убеждения другим рабочим, за что и стали преследоваться и высылаться правительством по провинциям. Но даже это распоряжение послужило на пользу рабочим. Эти рабочие нашли себе товарищей и, сорганизовавшись все вместе, составили один нераздельный союз. Чего же нам, русским рабочим, отчаиваться, бежать от этих борющихся товарищей, которые идут за такое великое дело, как дело народного освобождения? Смотря на все исторические факты, которые нас смело заставляют надеяться на победу, мы должны также думать и о нашем русском народе. Он до тех пор будет нести взваленные на него тяжести, пока не сознает за собою человеческих прав и не осознает, что он-то, рабочий, должен иметь больше всех право пользоваться всеми богатствами, производимыми его трудом. Наш рабочий должен также знать, что труд есть двигатель всего человеческого прогресса, что он — создатель всей науки, искусства и изобретений. Лишь только народ все это узнает, его тогда никакая армия не может удержать от самоосвобождения, а нести такое сознание в народ есть прямое неотъемлемое право всех развитых рабочих. Это показала нам борьба нашей интеллигенции 70 — 80-х годов. Взгляните, товарищи, на эту борьбу с исторической точки зрения, как эти друзья и борцы народа несли в народ все свое знание и, нередко жертвуя даже жизнью, оправдали себя перед историей и не остались в долгу у народа. Они всюду откликались на народный стон и давали руки для помощи, но народ не признал в них друзей и смотрел на них с недоверчивостью. Так понесем же теперь мы, товарищи, свое скромное знание в народ: не сумеем ли мы передать его народу и не поймет ли он теперь нас, потому что мы ближе стоим к нему, как интеллигенция. Только жаль одного, товарищи, что у нас нет ниоткуда помощи, как прежним рабочим, исключая небольшой кучки людей, которым мы всегда отдадим сердечное спасибо. Нынешняя молодежь не слышит народного стона и не видит народного горя, — она

и не думает о народе. Эта молодежь не что иное как паразитический элемент общества: они способны только истреблять продукты общественного труда, а и не думают платить за эти труды народу.

Речь вторая [1]).

Очень жаль, товарищи, что нам до лучшего будущего приходится помириться с невозможностью собраться и провести вместе, по примеру рабочих в западных государствах, день 1-го мая, а должны довольствоваться возможностью собраться в воскресенье. Конечно, каждый из нас знает, что теперь мы не можем произвести никакой манифестации, а не только что подобной той, какую произвели рабочие на Западе. Я думаю, что каждый из нас теперь невольно сравнивает наши силы с силами западных рабочих; но смею надеяться, что ни один из нас от этого сравнения, глядя на нашу малочисленность, не придет в отчаяние, потому что все мы еще имеем настолько сил и энергии, чтобы не упасть духом и не опустить рук лишь оттого, что дело приходится почти еще только начинать.

Западные рабочие страдают, как и мы, под гнетом капиталистического строя, т.-е. такого, при котором все продукты труда, произведенные рабочими, фабрикант продает в свою пользу, а рабочим за их труд платят лишь столько, чтобы они не могли умереть с голоду. Не довольствуясь таким возмутительным порядком, который лишает их выгод своего труда, они часто задумывались над положением, в котором они находятся, и пришли к тому заключению, что выбраться из него возможно только путем умственного развития народа, так как от его развития зависит все.

Придя к такому заключению, они не остановились только на словах, а стараются развивать и организовать себя и других тесную организацию и при ней имеют кассу, на средства которой распространяют книги и издают журналы и газеты, в кото-

[1]) Произнесена рабочим Федором Афанасьевичем Афанасьевым (Вашковым) (род. 1859 г.); с 1901 г.—видный участник Р. С.-Д. Р. П. в Иванове-Вознесенском; 22 октября 1905 г. был убит там же во время демонстрации черносотенцами.

рых проводят свои идеи; они стараются поддерживать стачки, хотя и не считают их коренным средством для уничтожения зла, потому что они могут при благоприятном исходе лишь только несколько улучшить положение рабочих, но не освободить их из-под гнета капитала. Постепенно усиливаясь, благодаря энергичной деятельности, они время от времени различными средствами давали почувствовать обществу и правительству свою силу и предъявляли свои требования, и правительство некоторые из них принуждено было удовлетворить. Например, дало конституцию, свободу печати, свободу сходок и организаций и т. п. права, при приобретении которых им гораздо легче стало бороться с существующим экономическим строем.

Одним из таких средств, которым они хотели дать почувствовать свою силу и тут же предъявить одно из важных требований, была громадная манифестация в день 1-го мая. Они этой манифестацией требовали установления законодательным порядком 8-часового дня. Из сравнения же манифестаций прошлогодней и нынешней видно, что силы их возрастают, так что дают надежду в не очень далеком будущем увидеть тот лучший и справедливый строй, к которому они стремятся.

Обращая внимание на положение наших рабочих, мы увидим, что они также сильно страдают от произвольной кулацкой эксплоатации, почти ничем не сдерживаемой, потому что наши рабочие, по старанию правительства и фабрикантов находясь в забитом состоянии и полном невежестве, не могут дать отпора произвольному грабежу, чем и дают повод к большей наглости безжалостных хищников.

Такое положение, конечно, никому из рабочих не нравится; но они молчат и терпят, потому что не знают выхода из него, и потому на нас, как на более развитых рабочих, лежит обязанность выяснить рабочим причины, по которым они находятся в таком скверном положении, и указать выход из него.

К чести нашей я могу сказать, что мы действительно сознали свои обязанности и, несмотря на все препятствия и угрозы нашего подлого правительства, мы стараемся по мере своих сил и способностей развивать окружающих нас рабочих... А также недавно, вместе с искренним чувством признательности к Шелгунову, как к «указателю пути к свободе и братству», мы попробовали пода-

чею адреса ему и присутствием с венком на похоронах его привлечь внимание общества к рабочему вопросу и, как слышно, успели в этом. Но, как видно, наша проба и успех ее пришлись не по губам правительству, и оно распорядилось наказать рабочих, осмелившихся думать об улучшении своей жизни, выслав троих из них в уездные городишки.

Оно, как вам известно, всегда, за малейшее проявление неудовольствий к существующим безобразиям, высылает и сажает по тюрьмам рабочих и интеллигенцию, которая искренно стремится — за что ей сердечное спасибо — своими силами и знаниями помочь рабочим в борьбе с существующим хищническим строем. Но я надеюсь, товарищи, что такие меры правительства не запугают никого из нас, а лишь только возбудят большую ненависть к нему и к существующему строю, который оно оберегает, и большее желание поскорее добиться такого, при котором не было бы ни бедных, ни богатых, а все бы пользовались счастьем и довольством в равной степени.

Так будем же, товарищи, развивая и поддерживая друг друга, продолжать начатую борьбу с существующим злом за осуществление Свободы, Истины, Братства!

Речь третья [1]).

Товарищи! Обращая внимание на наше положение, мы увидим, что все наши страдания происходят от существующего экономического строя.

Следовательно, чтобы улучшить наше положение, мы должны стремиться к замене существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулацкой эксплоатации, на более лучший и справедливый социалистический строй.

Но для того, чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести политические права, которых в настоящее время мы не имеем. Приобрести же политические права мы будем иметь возможность лишь только тогда, когда на нашей стороне будет такая организованная сила, кото-

[1]) Произнесена рабочим Владимиром Илларионовичем Прошиным, деятельным участником Р. С.-Д. Р. П. Умер в 1900-х годах.

рой правительство не решилось бы отказать в ее требованиях и которая бы настойчиво требовала от него следующих уступок: во-первых, учреждения конституции, основанной на общем и прямом избирательном праве, т.-е. чтобы все законы страны утверждались бы и отменялись не по дикому произволу царя, а по обсуждении их высшим законодательным собранием, в котором заседали бы избранные народом депутаты.

Выборы в законодательное собрание должны производиться народом, и каждый гражданин страны, кроме осужденных за бесчестное поведение, может выбирать и быть выбираемым депутатом в законодательное собрание. Содержание же этих депутатов должно итти от государства и выдаваться им на руки в виде жалованья. Это необходимо для того, чтобы депутатами могли быть люди небогатые, но преданные делу народа и вполне способные для этого.

Во-вторых, нужно, чтобы число войск определялось собранием депутатов, и чтобы по их постановлению войска во всякое время могли быть распущенными. А для того, чтобы солдаты не забывали, что они—тот же народ, и что интересы народа солидарны с их интересами, нужно сократить насколько возможно срок военной службы и сделать так, чтобы граждане отбывали ее на родине и во время отбывания ее имели бы возможность вести тесные сношения с семьей. Тогда солдат, сознавая свою солидарность с народом, не решится никогда итти во вред ему. Это необходимо для того, чтобы правительство не имело бы возможности принуждать граждан силою войск исполнять законы, не утвержденные или отмененные собранием депутатов. Для того же, чтобы все постановления законодательного собрания исполнялись в точности, необходимо, чтобы лица на все высшие государственные должности назначались бы и смещались только собранием депутатов.

В-третьих, свободу избирательной агитации, свободу слова и свободу печати, т.-е. совершенное отсутствие всякой цензуры, и чтобы всякий мог безнаказанно выражать на словах или в печати какие бы то ни было убеждения, а также чтобы не существовало никаких залогов при издании книг и журналов; это необходимо, чтобы издавать их имели возможность и рабочие.

В-четвертых, свободу сходок и организаций.

В-пятых, свободу религий.

В-шестых, бесплатное широкое образование для народа.

В-седьмых, чтобы всякого рода преступления разбирались судом присяжных.

Не забудьте, товарищи, эти требования, потому что это первые и главнейшие, которые мы должны будем предъявить правительству при первой возможности, и что только тогда мы будем иметь все то, что изложено в этих требованиях!

Обладая такими правами, мы можем тогда выбрать в законодательное собрание таких депутатов, которые будут составлять и утверждать только такие законы, которые будут полезны для большинства народа, а законы, существующие во вред ему, будут уничтожать. И таким образом мы будем иметь возможность перестроить весь существующий экономический строй на более лучший и справедливый.

Картину же этого лучшего и справедливого строя я не буду развертывать перед вами, потому что как она ни хороша, но никто не может поручиться, что люди с течением времени не выдумают лучше, и еще потому, что ознакомиться с ней можно вполне, прочитав брошюру Шефлэ «Сущность социализма» или роман Беллами «Через сто лет».

Переходною же ступенью к будущему экономическому строю может служить: национализация земли, т.-е., что государство выкупит всю землю, находящуюся в частной собственности, и будет отдавать ее в аренду лицам, желающим заняться земледелием, в таком количестве, которое они могут обработать собственными силами. А для обзаведения хозяйством, необходимым при земледелии, и для устройства фабрик и заводов — рабочим, желающим работать на артельных началах, нужно учредить такой банк, который бы выдавал нуждающимся рабочим ссуды.

Таким образом, постепенно улучшая свое положение, рабочие будут иметь возможность дойти до такого благосостояния, о котором в настоящее время могут только мечтать более развитые из них.

Из всего вышеизложенного мы видим, что для того, чтобы иметь возможность достигнуть полного светлого будущего, нам необходимо прежде всего составить такую организованную силу

из рабочих, сознательно стремящихся к улучшению своего положения, которая могла бы принудить правительство уступить ей политические права, лишь тогда, при получении которых, мы будем иметь возможность заняться и переделкой существующего экономического строя.

Следовательно, в настоящее время нам остается только возможность заняться развитием и организацией рабочих—возможность, которою, надеюсь, мы и воспользуемся, несмотря ни на какие препятствия и угрозы нашего правительства.

А для того, чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и смелых и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим.

Следовательно, успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии; и потому, товарищи, наш долг, как честных и развитых людей, приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных пропагандистов и организаторов в социально-революционном деле и энергичных борцов за права человека и светлого будущего!

Речь четвертая [1]).

Товарищи! Я хочу сказать несколько слов о сегодняшнем торжественном для нас дне, устроенном по примеру наших братьев западных рабочих.

Братья! Будемте пользоваться хотя одной из первых занимающейся на горизонте нашей русской жизни светлой минутой нашего душевного наслаждения. Хотя наши западные братья уже давно пользуются такими праздниками, которым мы только начинаем изъявлять свое душевное сочувствие, и то не на законной почве, но и это, товарищи, хорошо. Хорошо, что и мы тоже

---

[1]) Произнесена Егором Афанасьевичем Афанасьевым (Климановым) (род. 1866 г.); с 1892 г. был неоднократно высылаем за участие в социал-демократических организациях (Петербург, Керчь); со времени Октябрьской революции—член Р. К. П. Умер в феврале 1918 г.

начинаем пробуждаться от векового нашего сна под гнетом барского, поповского и царского рабства! — начинаем, я говорю, пробуждаться, и это уже есть часть, внесенная русскими работниками в общий прогресс. Да, ведь, товарищи, сразу ничего не делается в мире, и все совершается по определенным законам природы. И человеческий гений не может обнять все сразу, все предугадать, а постепенно узнает святую истину. Ему всегда приходятся на долю самые трудные работы во все века человеческой жизни—будить сознание в самом человечестве и двигать его на пути истинного прогресса и счастия. Конечно, товарищи, это счастье достается всегда не легко, оно очень дорого стоит для самого человечества. То же мы видим и у наших братьев, западных рабочих. Они имеют уже силу и свободу; это уже есть частица счастья. Но эта частичка была добыта ими дорогою ценою их человеческой крови. Они боролись долго за эту частичку счастья, которым они пользуются теперь. Они боролись долго, много целых десятков лет, с оружием в руках, за свободу, истину, равенство и братство! Но вот, товарищи, мы видим, что их требования уже признаны законом, как стачки, кассы, товарищества, союзы, библиотеки, так и другие общественные учреждения. А у нас—ничего, потому что мы сами не старались об этом. У нас, как вы сами знаете, еще всякие заявления о правах народа сейчас считаются бунтом! Только и есть одни окрики, штыки, пушки, розги, Сибирь, тюрьмы, каторга да казацкие нагайки! А там на Западе наши братья-работники уже пользуются всеми политическими правами. Мы—холопы, рабы! Мы должны шапку ломать перед последним становым, околоточным, городовым! А там—все свободные равноправные граждане, как в Англии, Франции, Германии, Бельгии, так и во всех других европейских государствах! Мы можем судить о их силе по прошлогодним выборам в германский парламент: рабочие подали за своих вождей около полутора миллионов голосов, а всех выборщиков там 7 миллионов; стало быть, пятая часть народа государства на стороне рабочих, под их управлением, и потому они имеют 104 своих газеты с шестью стами тысяч (600.000) подписчиков, а их общая касса в 1880 г. имела 37.000 марок, в 1883 г.—95 тысяч, в 1887 г. уже имела 188 тысяч, а в прошлом году—даже 390 тысяч марок! Видите, товарищи, как они скоро увеличи-

ваются и как сильны! Они представляют из себя организованную партию—силу, против которой уже делается не в состоянии бороться не только их эксплоататорам, но даже и самому правительству со своим войском! Так вот, товарищи, как возросла их сила с 1848 года, со дня, когда в первый раз раздалось: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Да, братья, эти великие слова принадлежат делу ума человеческого! Ум человеческий—сеятель этой святой истины—раскинул свое семя чуть не по всему земному шару, а со времени 60 — 70-х годов и в нашу забитую Русь, вначале преимущественно в ряды нашей учащейся молодежи—наших самых лучших друзей, а через них прежде и теперь проникает и к нам.

Господа! как мы видим, это маленькое перенесенное семячко растет, зреет и пускает свои отростки по всей русской земле. Растет оно, но и страшных врагов оно имеет в лице кулаков, попов, господ и царя со своим войском и полицией! Трудная ведется борьба! Уже десятки тысяч молодежи погибло за нас в снегах Сибири, в казематах Петропавловки, Шлиссельбурга! Начнем же и мы сами за себя бороться. Нелегко вначале нам придется: каждый шаг наш, каждый поступок грозит нам тюрьмой или высылкой, но что делать, товарищи! Не без этого, когда дело идет о жизни или смерти! Надо же нам подумать о своем теперешнем положении, в которое мы поставлены прозябать нашими эксплоататорами и правителями.

Товарищи! Вы сами видите, что у нас во всех концах России царят страшные экономические нужды, как у промышленных, так и у земледельческих рабочих! Только и слышен один стон вопиющий!

«Этот стон у нас песней зовется!»—говорит Некрасов,— и впрямь: везде недостаток, голод, произвол становых (а видно, и того мало показалось — так еще назначили земских начальников из дворян, чтобы секли побольше), голод, нищета, болезни, преждевременные смерти нас, жен и детей наших. Как пиявки сосут они нашу кровь, делают они из нас каких-то людей другого рода — бледных, зеленых, хилых, а все это для чего? Для того, чтобы кучке фабрикантов, помещиков, чиновников да царю было возможно жить в роскоши, пьянстве, в разврате! И вот во имя-то этих скотских похотей они весь народ, сто миллионов,

сковали в позорные, холопские, рабские цепи, в которых нам нет возможности подняться, пикнуть и вздохнуть!

Товарищи, братья! Неужели мы не люди, что они нас так унизили до полного состояния рабов, с полным унижением человеческого достоинства? И все это так, как будто и надо. Всю жизнь они тиранятся над нами, не дают они нам возможности взглянуть пошире на несправедливую общественную жизнь нашу; только и потчуют нас которую уже сотню лет терпением, да надеждой на царствие божие, с маской на лице, чтобы было возможно спокойно жить им и пить нашу кровь! Нет, в эти сказки плохо верится! Сознание говорит, что мы—тоже люди! Но пока мы все еще бесправные рабы русского царя с пятном возложенного на нас позора. Так смоем же, товарищи, это рабское пятно позора! Так будем же добиваться себе прав, которыми мы должны пользоваться во имя своего человеческого достоинства, чтобы было возможно жить как людям, думать, говорить, собираться, обсуждать свои общественные дела без всяких для нас препятствий со стороны шпионов и подлой полиции!

Товарищи, трудно будет нам на первых порах вступить в борьбу с нашими врагами за наши экономические и политические права, но вспомним, что еще теперь, в настоящую минуту, тысячи интеллигентов сидят за нас в Сибири, в тюрьмах, на каторге! Вспомним, что нелегко досталось улучшить свое положение нашим братьям, западным рабочим, так стало быть и нам нелегко будет улучшить свое под разгулом деспотической реакции, которая будет нас преследовать на каждом шагу. Товарищи, трудно нам будем, но наука освободила западных рабочих; она поможет и нам просветить умы наши, да и наполнит души наши святой истинной любви друг к другу! Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад, до самой своей смертной агонии, за правду, за равенство, братство, свободу! Будемте учиться объединяться сами и, товарищи, будемте организоваться в сильную партию! Будемте, братья, сеять это великое семя с восхода до захода солнца во всех уголках нашей Русской земли!

„Первое Мая 1901 г.“, Женева, 1892.

Первая рабочая маевка в Москве 1895 г.

Приближалось Первое Мая, которое было решено отпраздновать, сделать как бы смотр нашей рабочей организации, подвести итоги нашей двухлетней работы.

В апреле было издано по поводу празднования три листка, которые широко разбрасывались по заводам. Предложение ознаменовать этот день забастовкой отклоняется потому, что полиции тогда было бы очень легко выловить всех сознательных рабочих; надежды на то, что к забастовке пристанет вся масса рабочих, у организации не было. В виду этого постановлено было день празднования перенести на воскресенье 30 апреля. Чтобы избегнуть риска общего провала, на маевку решено было итти не всем, а лишь по несколько человек с каждой фабрики, по выбору организованных. На маевку собралось около 250 человек, представлявших до 30 фабрик и заводов, около ст. Перово. Там провели целый день: говорились речи на темы о необходимости организации рабочего класса, о борьбе за политическую свободу, о 8-часовом рабочем дне; указывалось на громадные успехи рабочего дела в Москве, несмотря на его молодость. Была принята резолюция немедленно приступить к самой широкой массовой организации и завести прочные связи с другими городами.

Настроение рабочих на собрании было очень приподнятое, чувствовались большое воодушевление и вера в свое рабочее дело.

После окончания речей начались песни; пели: «Марсельезу», «Дубинушку», куплеты одного рабочего поэта, ткача Ц. Потом пошли всей толпой по направлению к станции с песнями.

На следующий день, 1-го мая, на всех гуляньях в Сокольниках, на Девичьем поле—рабочие кучками слушали рассказы тех, кто присутствовал на маевке, и читали листки, розданные на празднике.

Слух о маевке разошелся по всему рабочему населению Москвы. О том, какое сильное впечатление произвел первый майский праздник, можно судить хотя бы по такому примеру. Один старик-рабочий из мастерских Московско-Курской железной дороги, вернувшись с праздника, созвал у себя соседей и всю свою семью, велел одному из внуков прочесть вслух листок,

(сам он был неграмотный), и затем со слезами на глазах стал сравнивать этот листок с манифестом 19 февраля: «Тогда царь дал волю крестьянам, но воля та только называлась волей. Ничего мы не получили: землю нашу отняли, а сами мы из крепостных помещика стали крепостными хозяина. Вот сегодня нас зовут воевать за волю, и она уже будет покрепче той: сами мы добудем ее. Я хорошо помню, как читали нам царский манифест. Порадовались мы тогда: не понимали; только такой радости, как сегодня, я не упомню. Великое дело, когда понимаешь, что тебе делать нужно, чего добиваться. А мы сегодня все поняли. Наше это дело! Будем стойко бороться! Пусть каждый, кто понял, скажет всем... пояснит—и другие поймут. Наше, кровное это дело!».

После маевки дело пошло у нас живее. В это время возникла мысль об устройстве съезда представителей организаций разных городов. Из Москвы для переговоров по этому поводу были посланы товарищи в Екатеринослав, Киев, Ярославль. Были связи с Нижним-Новгородом, Саратовом, Петербургом и некоторыми другими городами.

Рабочие собрания устраивались в мае очень часто.

С. Мицкевич [1]).

«На заре рабочего движения в Москве». Сборник, Москва, 1919 г.

---

[1]) Мицкевич, Сергей Иванович, — один из старейших участников московской социал-демократической организации.

ПЕРВОЕ МАЯ В ГОДЫ ПОДЪЕМА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1896 — 1906).

Петербургская первомайская прокламация 1896 г., написанная В. И. Лениным.

РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК 1-го МАЯ (19-го апреля, по нашему).

Товарищи, посмотрим внимательно на наше положение, оглянемся на обстановку, где мы проводим свою жизнь. Что мы увидим? Мы работаем много, мы создаем несметные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр земли железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы, проводим железные дороги. Все богатство мира создано нашими руками, добыто нашим потом и кровью. Какую же мзду получаем мы за наш каторжный труд? По справедливости, мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уж во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но всем нам хорошо известно, что нашей заработной платы едва хватает на то, чтобы едва существовать. Наши хозяева понижают расценки, заставляют работать сверхсрочное время, несправедливо штрафуют, словом, притесняют нас всячески, а в случае неудовольствия с нашей стороны рассчитывают без рассуждения.

Мы много раз убеждались, что все, к кому мы обращались за защитою, оказываются прислужниками и друзьями хозяев. Нас, рабочих, держат во тьме, нам не дают знания, чтобы мы не научились бороться за улучшение своего положения. Нас держат в неволе, прогоняют с работы, высылают и арестуют всякого,

кто дает отпор притеснениям, нам запрещают бороться. Тьма и неволя—вот те средства, которыми держат нас в угнетении и капиталисты, и всё делающее в угоду им правительство. Какое же есть у нас средство, чтобы улучшить свое положение, повысить заработную плату, сократить рабочий день, защититься от оскорблений, читать умные и полезные книги? Против нас все: и хозяева (потому что им жить тем лучше, чем нам хуже), и все их прислужники, все те, кто живет подачками капиталистов и в угоду им держит нас в невежестве и неволе. Нам неоткуда ждать помощи, мы можем надеяться только на самих себя. Наша сила — в единении, наше средство — дружное единодушное и упорное сопротивление хозяевам. Они-то давно уже поняли, в чем наша сила, и всячески стараются разъединить нас, не дать нам понять, что у нас, рабочих, одни общие интересы. Они понижают расценки, но не всем сразу, а по-одиночке; заводят старших; вводят поштучную плату, а сами, посмеиваясь в бороду, видя, как наш брат надрывается над работою, исподволь понижают наши расценки. Ну, да не все коту масленица! Всякому терпению бывает конец. В минувшем году русские рабочие показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством людей, не поддающихся наглости жадных до дарового труда капиталистов. В разных городах возникло множество стачек: в Ярославле, Тейкове, Иваново-Вознесенске, Белостоке, Вильне, Минске, Киеве, Москве и других городах. Большинство стачек кончилось удачно для рабочих, но и неудачные стачки неудачны только повидимому. На самом деле они страшно пугают хозяев, приносят им большие убытки и заставляют из страха перед новою стачкой итти на уступки. Фабричные инспектора тоже начинают суетиться и замечать бревна в глазу фабрикантов. Они бывают слепы до тех пор, пока рабочие стачкой не откроют им глаз. Где же в самом деле заметить фабричным инспекторам безобразия на фабриках таких влиятельных особ, как господин Торнтон или акционеры Путиловского завода? Наделали мы хлопот хозяевам и у нас в Петербурге. Стачка ткачей у Торнтона, папиросниц у Лаферма, у Лебедева, на фабрике механического производства обуви, волнения рабочих у Кенига, Воронина, в Порту и, наконец, недавние волнения в Сестрорецке показали,

что мы перестали быть безответными страстотерпцами и принялись за борьбу. Как известно, рабочие со многих фабрик и заводов образовали у нас «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», с целью разоблачать все злоупотребления, искоренять безобразия, бороться с наглыми притеснениями и прижимками наших бессовестных эксплоататоров-хозяев и добиться полного освобождения от их власти. «Союз» распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их верных прислужников — властей. Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, проявления нашей могучей силы, которую мы им не раз показали. Мы, петербургские рабочие, члены «Союза», призываем остальных наших товарищей присоединиться к нашему «Союзу» и способствовать великому делу объединения рабочих для борьбы за свои интересы. Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми опутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении; пора нам присоединиться к борьбе наших братьев, рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано «Рабочие всех стран, соединяйтесь!»...

Во Франции, Англии, Германии и других странах, где рабочие уже объединились в сильные союзы и завоевали себе много прав, они устраивают 19-го апреля (по заграничному 1-ое мая) всеобщий праздник труда.

Бросив душные фабрики, они с музыкой и знаменами, стройными толпами проходят по главным улицам города; показывая хозяевам все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленные и многолюдные собрания, где говорят речи, пересчитывая победы над хозяевами в минувшем году, и намечают планы борьбы в будущем. Под страхом стачки ни один фабрикант не штрафует рабочих за неявку в этот день на работу. В этот день рабочие также напоминают хозяевам свое главное требование: ограничение рабочего 8-ю часами: 8 часов работы, 8 часов сна и 8 часов отдыха, вот что заявляют теперь рабочие других государств. Было время, и не так давно, когда они так же, как мы теперь, не имели права заявлять о своих нуждах; они так же были подавлены нуждой и разъединены, как и мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завое-

вали себе право обсуждать сообща рабочее дело. Пожелаем же нашим братьям в других странах, чтобы борьба скорее привела их к желанной победе, к тому времени, когда не будет ни господ, ни рабов, ни рабочих, ни капиталистов, а все будут одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи, если мы будем дружно и единодушно соединяться, недалеко то время, когда и мы, сомкнув в стройные ряды свои силы, сможем открыто присоединиться к этой общей борьбе рабочих всех стран, без различия веры и племени, против капиталистов всего мира. И поднимется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ, и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

19-го апреля 1896 года.

Правительственный циркуляр о борьбе с празднованием Первого Мая.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
ДЕПАРТАМЕНТ
ПОЛИЦИИ.
По 3 Делопроизводству
«5» апреля 1897 г.
№ 3425.

Секретно.
Циркулярно.

Г.г. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам и начальникам жандармских управлений.

За последнее время замечается усиленное брожение среди фабричных рабочих и попытки лиц неблагонамеренных возбудить в апреле месяце, под разными предлогами, стачки на возможно большем количестве фабрик и заводов. Имеющиеся данные указывают, что стачки желают приурочить к 19 апреля, т.-е. к 1-му мая н. ст., считающемуся за границей днем праздника рабочих.

Вследствие сего представляется необходимым ныне же, и притом безотлагательно, принять соответственные меры к усилению наблюдения за рабочими, прекращению на фабри-

ках и заводах замечаемой агитации, а в случае возникновения стачек к возможному подавлению их в самом начале.

В виду изложенного, согласно приказания господина министра внутренних дел, надлежит независимо временного усиления вообще полицейских средств надзора в местностях с фабричным населением, усугубить внимание за появлением на фабриках разных агитаторов, за распространением между рабочими воззваний и других запрещенных сочинений и вообще за проявлением так называемой рабочей пропаганды. Всех замеченных агитаторов, как интеллигентов, так и рабочих, немедленно обыскивать и арестовывать и, сообразно с результатами обысков и данными наблюдения, возбуждать дознание по 1035 ст. Уст. Угол. Суд., или входить с представлениями о высылке виновных в порядке положения охраны.

При возникновении стачки или забастовки следует немедленно же, по соглашению с фабричной инспекцией, объявлять рабочим, что до возобновления работ никакие с их стороны заявления принимаемы и рассматриваемы не будут, а затем указывать, по возможности в кратчайший срок, или стать вновь на работу, или же получить немедленно расчет; получивших расчет, а равно и отказавшихся от него, немедленно высылать затем по этапу на родину или в места приписки, куда и направлять, для лиц последней категории, заработанные деньги для выдачи чрез местные начальства.

Сообщая о сем для зависящих распоряжений, департамент полиции покорнейше просит о последующем своевременно уведомлять для доклада его высокопревосходительству.

И. д. директора *Зволянский.*

За делопроизводителя *Ратаев.*

Наш светлый праздник.

Первое Мая—по нашему календарю 19-ое апреля—великий день. Его празднуют во всех странах; надо праздновать его и у нас в России.

Но это совсем особенный праздник. Его совсем нет в святцах, попы не служат в этот праздник ни обеден, ни молебнов; не собирают ни яиц, ни блинов, ни кур, ни денег. И они очень

не любят его. Они считают его праздником бунтовщиков и безбожников.

Не любят его также фабриканты и заводчики, банкиры и помещики и прочие «хорошие господа». Конечно, весна—приятное время года, а «хорошие господа» никогда не прочь погулять в веселой компании. И у нас, и за границей весной часто бывают так называемые маевки, пикники и т. д. Прежде их особенно много бывало в день первого мая. Но теперь в день первого мая «хорошим господам» совсем не до веселья; в этот день у них очень много хлопот и беспокойства.

А еще более хлопот и беспокойства у полиции. В этот день она не знает отдыха и суетится,—бедная,—с раннего утра до самой поздней ночи. Для нее это не праздник, а чистая каторга.

Кем же и для кого заведен этот странный праздник? И отчего так беспокоит он попов и шпионов, капиталистов и полицию?

Он заведен рабочими и для рабочих. Оттого и беспокоит он попов и шпионов, полицию и капиталистов.

В июле месяце 1889 г. на Международном Рабочем Съезде в Париже решено было требовать во всех странах образованного мира, чтобы р а б о ч и й д е н ь б ы л с о к р а щ е н д о в о с ь м и ч а с о в.

Тогда решено было также, что рабочие всех стран ежегодно в день 1-го Мая (19-го апреля) должны напоминать об этом требовании своим правительствам. С этих пор и существует ненавистный правительствам и капиталистам международный рабочий праздник Первого Мая.

За границей рабочие во множестве бросают в этот день работу и длинными, стройными рядами, со знаменами и с музыкой, ходят по улицам городов, чтобы все видели силу рабочих и чтобы все знали об их решении добиться восьмичасового рабочего дня. Такие шествия называются там м а н и ф е с т а ц и я м и или д е м о н с т р а ц и я м и. Стало быть, день Первого Мая есть не только день праздника, но и день демонстраций. Если же где-нибудь почему-либо нельзя сделать в этот день демонстрации, то рабочие вечером собираются в большие собрания, где произносятся речи, в которых вожаки рабочего класса объясняют, как важно, как необходимо сокращение рабочего дня для рабочих всех государств и всех народов.

При длинном рабочем дне всегда очень низка заработная плата.

При длинном рабочем дне рабочие больше устают на работе и оттого скорее лишаются сил и здоровья.

При длинном рабочем дне рабочему некогда ни почитать, ни потолковать о своем положении с товарищами: он остается слеп и неразумен, а в слепоте и неразумии рабочего—вся сила хозяина.

Вот почему рабочим всех стран и всех народов необходимо всегда стремиться к сокращению рабочего дня. Вот почему нажен день Первого Мая, когда рабочие всех стран настойчиво требуют у своих правительств в о с ь м и ч а с о в о г о р а б о ч е г о д н я.

А еще важнее он именно потому, что этого сокращения р а з о м т р е б у ю т р а б о ч и е в с е х о б р а з о в а н н ы х с т р а н.

В одиночку рабочий — ничто перед хозяином, а когда все рабочие какой-нибудь фабрики или завода дружно держатся вместе, хозяину подчас приходится очень плохо.

Какую же огромную силу составят рабочие, когда они станут дружно держаться вместе в каждой стране и когда рабочие каждой страны будут готовы помогать рабочим всех других стран!

Тогда ничто не устоит перед ними, и тогда они легко справятся со своими угнетателями.

Рабочие демонстрации Первого Мая (19-го апреля) напоминают рабочему классу каждой страны, что у него есть только один верный и надежный друг—рабочий класс других стран.

Рабочие демонстрации Первого Мая (19-го апреля) с каждым годом все теснее и теснее соединяют рабочих всех стран в одну нераздельную армию.

Явные и тайные враги рабочих хорошо понимают это, и оттого они ненавидят праздник Первого Мая.

Тем больше должен любить, тем охотнее и веселее должен праздновать сам рабочий класс свой светлый праздник,—праздник труда и братства рабочих всех стран.

Наши рабочие очень отстали от своих заграничных братьев, но и они уже поняли, что длинный рабочий день выгоден одним

только хозяевам. Петербургские стачечники 1896 и 1897 г.г. так настойчиво добивались сокращения рабочего дня, что правительство должно было уступить. Теперь у нас рабочий день по закону не должен превышать $11^1/_2$ часов.

Это очень хороший закон, и не даром боролись петербургские стачечники. Но только в этом законе чересчур много всяких оговорок и исключений, сделанных затем, чтобы потихоньку да помаленьку все повернуть на старый лад и чтобы заставить рабочих попрежнему работать, сколько влезет.

А кроме того, даже и сокращенный рабочий день все-таки у нас слишком длинен. Теперь, когда заграничные рабочие требуют 8-часового рабочего дня, наши русские рабочие не должны мириться на том, чтобы работать $11^1/_2$ часов.

Вместе со своими заграничными братьями они должны стараться сократить рабочий день до восьми часов. Вместе со своими заграничными братьями должны они праздновать день Первого Мая (19-го апреля).

Разумеется, у нас нельзя устраивать демонстраций: если бы теперь у нас понимающие дело рабочие вышли на улицу со знаменами в день 1-го Мая (19-го апреля), их перестреляли бы солдаты и перехватала бы полиция, и от этого только ослабела бы сила наших рабочих.

Нельзя устраивать у нас и больших открытых собраний. Если бы, скажем, петербургские или московские рабочие сошлись на такое собрание, то и тут явились бы солдаты и полиция и стали бы разгонять и хватать их.

Русские рабочие еще не имеют ни одного из тех прав, которые давно уже неотъемлемо принадлежат рабочему классу в Англии, во Франции, в Бельгии, в Германии и в других образованных странах.

Но все-таки и русским рабочим надо праздновать светлый праздник Первого Мая (19-го апреля). Если им нельзя собираться открыто на большие собрания, то пусть они собираются тайно на маленькие; если им нельзя говорить громко, пусть говорят они тихо. Но пусть же все-таки говорят они; и пусть те, которые понимают дело, объясняют его тем, которые пока еще не поняли; пусть проснувшиеся будят тех, которые пока еще дремлют; пусть прозревшие открывают глаза тем, которые пока еще

слепы, и пусть они показывают им дорогу к свободе и счастью. Это—их самая великая, самая святая обязанность.

Чем скорее проснутся наши рабочие, тем скорее догонят они рабочих более образованных стран; тем скорее придет и у нас то время, когда рабочие будут иметь законное право открыто собираться и громко говорить о своих нуждах.

А когда у них будет это право, тогда им уже много легче будет бороться со своими хозяевами, и тогда уже скоро поймут они, как положить конец хозяйскому гнету, и как завести такие порядки, при которых не будет ни бедных, ни богатых, ни капиталистов, ни наемных работников.

Да, товарищи, день Первого Мая (19-го апреля)—великий день. Этот светлый праздник празднуют везде; надо праздновать его и у нас, в России!

Г. Плеханов.

«Майский листок» 1898 г.

Первая общепартийная первомайская прокламация 1898 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЗЗВАНИЕ К ПЕРВОМУ МАЯ.

Рабочие и Работницы!

8-часовой рабочий день!

Политическая свобода!

Первое Мая — международный праздник рабочих. Сегодня рабочие всего мира братски приветствуют друг друга; они выражают свою международную солидарность, заявляя, что рабочее дело есть международное дело. На красном знамени пролетариата выставлено сегодня требование восьмичасового рабочего дня.

Но в то время как заграничные рабочие первого мая в торжественном шествии, с песнями и знаменами, свободно и громко заявляют о своих требованиях, мы, русские рабочие, вынуждены тайком устраивать свои собрания, рискуя при этом личной свободой и безопасностью. И если наши заграничные товарищи

открыто празднуют Первое Мая, то это потому, что они пользуются политической свободой — правом собираться, устраивать сходки, издавать газеты, в которых говорится о нуждах рабочих: они могут свободно распространять листки и брошюры и т. п. Мало того. Право издавать новые законы, уничтожать старые, право назначать подати и вводить налоги принадлежит в иностранных государствах парламенту, в котором заседают выборные от всего народа и в котором рабочие имеют своих представителей. Мы же, русские, лишены политической свободы: законы издаются у нас царем и министрами; у нас запрещены собрания и сходки, и ослушникам грозит тюрьма, ссылка и каторга; русская цензура оберегает рабочего от слова правды и зорко следит за тем, чтобы никакое свободное слово не доходило до ушей рабочего. Повсюду рыщут полиция, жандармы и шпионы, выискивая «бунтовщиков». Над всем царит царский произвол. Повсюду являются нагайка и ружья — эти неизменные спутники царского правительства.

И если мы спросим наших заграничных товарищей, как они добились политической свободы, то в ответ услышим: «Тяжелой, беспрерывной, упорной борьбой. Нас сажали в тюрьмы, в нас стреляли, преследовали на каждом шагу. На каждый натиск наших врагов мы отвечали дружным отпором. Умирая, мы завещали своим детям продолжать нашу борьбу!». Вот что скажут нам наши заграничные товарищи. Да, они вели борьбу и победили. Будем же и мы, товарищи, бороться!

Товарищи! мы не одни в этой борьбе. Сегодня миллионы пролетариев со всех концов приветствуют нас и протягивают нам свои братские руки.

Товарищи! мы не бессильны в этой борьбе. Мы — сила, и сила наша в нашем единении. В Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, среди еврейских рабочих Литвы и Польши, в Царстве Польском существуют союзы борьбы за освобождение рабочего класса. В целом ряде городов разбрасываются в громадном количестве листки и брошюры. Печатаются в России рабочие газеты.

Все это — бесспорные признаки растущей силы русского пролетариата, все это — несомненные свидетельства растущей в нем организации.

Царское правительство выбивается из сил, чтобы подавить рабочее движение. Уверенное, что рабочее дело есть дело рук каких-то «бунтовщиков», «злонамеренных людей», царское правительство производит обыски и аресты, хватает людей на улицах, думая вырвать этим «бунтовщиков» из рабочей среды и таким образом покончить с рабочим движением. Таков смысл последних арестов, которые произведены были в одну ночь во всех крупных городах и во время которых забрано было около 500 человек как интеллигентов, так и рабочих. Но оно горько ошибается. Рабочее движение создано не «агитаторами», «бунтовщиками», а промышленным развитием страны. По мере развития и роста в стране промышленности, увеличивается и армия пролетариата, растет его сила. На место каждого выбитого из строя борца вступают десять новых, воодушевленных таким же желанием бороться. Нет! Обысками и арестами, ружьями и нагайкой, тюрьмой и каторгой не остановить рабочего движения.

Товарищи! Сегодня, Первого Мая, рабочие всех стран выставляют свои требования. Заявим же и мы о наших требованиях:

Мы требуем свободы стачек, слова, печати, собрания и союзов.

Мы требуем свободы совести и вероисповеданий.

Мы требуем равноправия всех национальностей.

Мы требуем созыва парламента, куда народ будет посылать своих выборных людей путем общего, тайного прямого и равного для всех выбора.

Мы требуем закона о восьмичасовом рабочем дне.

Дадим же, товарищи, сегодня слово бороться во имя этих требований! Призовем к нашей борьбе всех своих товарищей! И своею сплоченностью создадим тот могучий молот, под ударами которого разобьются вековые цепи самодержавия!

Да здравствует Первое Мая!

Да здравствует русское,

Да здравствует международное рабочее движение!

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Апрель 1898.

Типография «Рабочей Газеты».

Майские дни 1901 г. на Обуховском заводе.

(Корреспонденция в «Рабочее Дело».)

Многие из рабочих Обуховского завода (морского министерства) решили отпраздновать Первое Мая и не пошли на работу. В особенности отличилась пушечная мастерская (Чертковская), где из 120 (а может, и больше, в точности не могу сказать) явилось на работу человек 12. Помощник начальника — Иванов (или, как его называют рабочие, «Маргаритка»), когда пришел в мастерскую и увидел, что она пуста, прямо взбесился. «А, гулять, первое мая праздновать! — закричал он в неистовстве, — расчет, всем расчет!» С этими словами он бросился в контору (табельную), чтобы записать номера неработающих. Но когда пришел туда, то узнал, что на работу не явились не только рабочие Чертковской мастерской, но также многие рабочие и других мастерских. По подсчету оказалось более 1.500 человек. Такая внушительная цифра смутила «Маргаритку», и он отказался от своего первого решения — дать всем расчет, а решил выместить свою злобу на 10 рабочих из Чертковской мастерской, которые тут же были уволены.

Этот поступок Иванова до такой степени возмутил рабочих пушечной мастерской, что они решили забастовать, точнее — взять расчет. «Братцы! — говорили они, — что это делает Маргаритка? За один день прогула десяти человекам расчет дает; если ему это так спустить, он еще не того захочет. Несправедливо это, братцы; гуляли ведь все, так пусть всех рассчитывает или тех обратно примет. Пойдем, товарищи, идем брать все расчет, идем!» — слышались всюду негодующие голоса. И все один за другим собирали инструменты, ставили их в кладовую и поочередно записывались на расчет; даже старики, жившие 20 — 25 лет, требовали себе расчета. «Что ж, коли брать расчет, так надо, братцы, всем; на миру и смерть красна», — говорили они. Не записалось на расчет душ пять из пожилых прихвостней мастеров и начальства.

Когда Иванов увидел такую стойкость и солидарность рабочих, то с него разом соскочила прыть, и он обратился к рабочим со следующими словами: «Обуховцы, вы ли это? Я вас не узнаю;

ого вы делаете?» — «Принимай тех 10 человек, которых рассчи-ал, или все уходим», — отвечали рабочие. Но Иванов и слышать не хотел о принятии рабочих обратно.

Весть об этом протесте пушечной мастерской быстро облетела все мастерские, и решено было забастовать; вот здесь-то и выпала трудная роль на долю передовых рабочих Обуховского завода.

Всякий, кому только приходилось принимать участие в подобных делах, знает, с каким трудом сопряжено остановить завод с 8 тысячами рабочих и притом без прокламаций. Хотели было забастовать в субботу и уже выработали план действий, но потом передумали и отложили на понедельник. Решили отложить потому, что суббота — крайний день, и притом не очень многие знали о решении (не говорили по следующим соображениям: пойдет раньше времени такой слух, — нагрянет полиция и повредит делу).

В понедельник после обеда на дворе завода перед третьим свистком образовалась огромная толпа рабочих. Когда прогудел третий свисток, толпа не трогалась с места; громкие, негодующие голоса раздавались со всех сторон: «Иванова давай сюда, Иванова!» — Вскоре показался Иванов и начальствующим тоном заявил: «По местам разойдись!» — «Иванов — подлец, мерзавец, долой Иванова!»

— «Ребятки, Обуховский завод...» — меняя начальствующий тон на заискивающий, начал Иванов.

— «Подлец ты, мерзавец!»

— «Ребятки, обуховцы! Обуховский завод работает не на рынок, не на продажу, а для государства, для защиты отечества».

— «Подлец, долой Иванова!» — обступая его и перед самым его носом показывая кулаки, кричали рабочие.

Вдруг появился начальник завода, генерал Власьев, в парадной форме, в орденах: очевидно, куда-то собрался. Он обратился к рабочим с следующими словами: «Господа, я ли для вас не старался, я ли для вас не хлопотал? Жаль! Чем вы еще недовольны, чего желаете?»

— «Мы требуем принятия обратно рассчитанных товарищей, Иванова уволить, расценки повысить, рабочий день сбавить», — послышались со всех сторон голоса.

— «Не могу я, господа, со всеми говорить, выберите кого-нибудь из своей среды, — пусть объяснят, в чем дело!»

— «Знаем мы эти выборы — для того, чтобы арестовали!»

— «Я ручаюсь вам: те люди не будут арестованы»,—сказал начальник.

Тогда вышли несколько человек из толпы и предъявили следующие требования:

1. Принять всех товарищей обратно.
2. Уволить помощника Иванова.
3. Отменить ночные работы.
4. Повысить расценки.
5. Уволить некоторых мастеров.
6. 8-часовой рабочий день.
7. Вежливое обращение всего начальства с рабочими.
8. Отмена штрафов.

И еще некоторые требования.

— «Хорошо, господа, я приму всех рассчитанных, кроме тех 10 человек, которые были уволены; могу также сказать мастерам, чтобы они обращались вежливее, ну, еще кое-что сделать — в моей власти; но уволить мастеров, дать 8-часовой день, уволить Иванова, повысить расценки — это не в моей власти»

Потом Власьев сказал целую речь о том, что восьмичасовой рабочий день дать нельзя, невозможно также повысить расценки, потому что завод не выдержит конкуренции с другими заводами и потеряет все заказы. Рабочие же настаивали на своем.

— «Как хотите, господа, я не могу этого выполнить», — с этими словами он вышел из завода.

Казалось, слова Власьева подействовали на рабочих, и они стали расходиться по мастерским, но работать как-то всем не хотелось; все были сильно возбуждены и чего-то ожидали.

Вдруг, в четвертом часу раздались повсюду громкие, повелительные голоса: «Останавливай машины, выходи на двор!»

Собственно, даже трудно сказать, какая мастерская первая остановилась. Из станочной рабочие ворвались в минную, из минной в полевой отдел, из полевого в сталелитейную. Где машинисты отказывались останавливать машины, рабочие отталкивали их в сторону и останавливали машины сами. Когда уже многие мастерские были остановлены, рабочие бросились на глав-

ную станцию, застопорили машины и дали продолжительный тревожный свисток, извещавший, что работа всюду прекращена.

Все двинулись к выходу. Конечно, не обошлось и без побоев. Например, когда в полевом было все остановлено, но не все еще вышли, машинист не решался снова пустить машину; тогда помощник мастера Марк Васильевич сам вздумал пустить ее; рабочие заметили это и несколько кулаков опустилось на его рожу. В молотовой подмастерью Залазаеву влетело за то же самое; в миниой помощник мастера, если не ошибаюсь, по фамилии Брево, запер было мастерскую и не хотел выпускать рабочих. Тогда к нему потянулось несколько рук, чтобы выбросить его через окно. Он, бледный, дрожа от страха, снова открыл мастерскую. Другой — по прозванию Мерзавчик — заперся в конторе и кричал: «спасите меня!»

У самого входа забастовщиков встретил Иванов и пробовал снова уговорить их, но безуспешно. Вышедшие из завода направились, кто постарше и потрусливее, по домам, но громадная толпа двинулась по Шлиссельбургскому тракту, чтобы устроить внушительных размеров демонстрацию. Но вытребованные по телефону вооруженные жандармы, конные и пешие городовые загородили дорогу и стали упрашивать разойтись, а некоторые стали даже поталкивать кое-кого, говоря: «расходитесь, вас честью просят!». Рабочие были еще под тем страшным, неизгладимым впечатлением, как эти азиаты также «просили честью» на Казанской площади беззащитных студентов и курсисток. В ответ полетели камни; произошла ожесточенная схватка, послышался стук шашек, удары нагаек, стон и крики; летели отовсюду камни, лошади бросались в сторону, некоторых городовых и жандармов рабочие стаскивали с лошадей, многие сами соскакивали, чтобы укрыться от камней за лошадьми. Жандармы были смяты и стали отступать в тупой переулок между церковью и домом начальника. Полицеймейстер Полибин распорядился стрелять; помощник начальника завода Иванов также отдал приказ матросам стрелять [1]). Раздались один за другим

---

[1]) При заводе всегда находится человек до 60 матросов под предлогом ознакомления с орудиями и имеется склад ружей на всякие такие случаи, какой представился теперь.

несколько залпов, — несколько человек упало; их подхватывают товарищи и несут в больницу или куда-нибудь в сторону. Лишь только раздается залп, как рабочие выбегают из-за заборов и переулков и пускают целый дождь камней. И так повторялось несколько раз (залпов было не три, как сообщил «Правительственный Вестник», а три помноженные на десять или на двенадцать).

Было прямо нечто ужасное; выстрелы, стоны, крики, убитые, раненые, мостовая, залитая кровью.

В особенности одна картина не выходит из памяти: вот бежит раскрасневшийся с горящими глазами и с каменьями в руках многим известный Панко, а за ним бледная, растрепанная, рыдающая жена.

— «Воротись, ради бога, воротись, наш ребенок!» — со стоном кричала она.

Он нагибается, берет мелкого щебня, кидает в жену со словами: «там товарищи погибают!» и бросается в самую ожесточенную схватку; а через 5 минут он уже был убит; пуля попала ему прямо в горло. Четверо товарищей отнесли его окровавленного в больницу.

Полиции и войск все прибывало, силы рабочих слабели, в открытом месте оставаться было невозможно. Тогда многие перебрались в двухэтажные, каменные флигеля, принадлежащие карточной фабрике. Оттуда стали бомбардировать полицию. Женщины через разные калитки приносят в подолах каменья, подростки и дети под выстрелами вырывают камни из мостовой, несут их сражающимся и бомбардируют сами. Полиция три раза приступом пробовала взять флигеля, но всякий раз была отброшена. И только, когда рабочие обессилели, когда истощился запас камней, когда прибыл чуть ли не целый полк саперов, только тогда они начали сдаваться. Офицеры скомандовали солдатам к бою, солдаты взяли штыки на-перевес и бросились на приступ. Некоторые из рабочих, видя, что сопротивляться больше невозможно, перескочили через забор к Берту и тем избежали той участи, которая их ожидала.

Нужно ли говорить о том, как поступали солдаты с оставшимися. Офицеры отдали солдатам приказ втыкать штыки в постели и в каждое подозрительное место, куда только можно было спрятаться. Хватали без разбора: женщин, детей, девушек,

больных, 60-летних стариков. Всех арестованных стащили на предназначенную нарочно для этого барку и потом отправили в город.

Сражение продолжалось до 9 час.; отдельные стычки были и после.

Обуховская, Бертовская и карточная больницы все полны были ранеными. Убитых, как говорят, 10 или 12 чел.; в точности узнать еще не удалось, потому что всех убитых отвезли тайком в город.

Одного, о котором я уже упомянул, Панко, похоронили на Преображенском кладбище, недалеко от завода, так что о его похоронах знали только немногие. Когда пришел покойницкий поезд, человек 50 с венками в руках шли за гробом. На могилу также возложено было много венков.

Если бы я сам не был свидетелем всего происшедшего там, а рассказывал бы мне кто-нибудь, хотя бы из близких товарищей, я бы ни за что не поверил. Просто диву даешься: откуда все это только взялось. Где крылась такая сила, солидарность, самоотверженность. Люди, которых считали так-себе — ни рыбой, ни мясом, — они вдруг становились чуть ли не во главе движения, воодушевляли толпу, ставили втупик начальство. А подростки, это будущее поколение! Боже мой, что они делали! Как они бомбардировали полицию и жандармов, с каким остервенением они бросались на них. Так, например, когда ехали жандармы около Бертовского завода, они подняли шлагбаумы и изо всей силы спустили его им на головы, несмотря на удары нагаек.

Об одном лишь приходится пожалеть: в такую горячую минуту отсутствовали нужные люди из интеллигенции, а их присутствие было необходимо. Ведь хорошо составленные, соответствующие духу и настроению, распространенные своевременно по заводу прокламации — что могли бы они сделать, как могли бы они парализовать правительство и заставить его пойти на уступки.

Когда до путиловских товарищей дошла весть о сражении обуховских рабочих с войсками и полицией, они, зная, что городом их не пропустят, бросились полями, вступая в отчаянные схватки с полицией (полем от Путиловского завода до Обуховского верст 15). Семянниковские товарищи тоже пытались прорвать цепь и притти на помощь.

Потом позже были остановлены Семянниковский, Путиловский, Чугунный и еще другие заводы.

На второй день после этого происшествия начальником завода, генералом Власьевым, были вывешены на видных местах объявления, в которых он приглашал рабочих снова взяться за работу и выбрать из своей среды депутатов, чтобы предъявить требования рабочих, которые он по возможности исполнит. Через два дня рабочие снова принялись за работу, выбрали 27 чел. депутатов и предъявили следующие требования:

1) Принять всех уволенных товарищей, в том числе и тех 10 чел., которых Власьев отказался раньше принять.

2) Освободить всех арестованных и принять их также на работу.

3) Немедленно уволить помощника завода Иванова.

4) Ввести восьмичасовой рабочий день.

5) Внести 1-е Мая в табель и праздновать его, как большой годовой праздник.

6) Отмена ночных работ.

7) Повысить расценки.

8) Отменить всякие штрафы и упразднить «чижовку» [1]).

9) Вежливое обращение всего начальства с рабочими.

10) Уволить помощника мастера Ращепкина из пушечной мастерской и еще некоторые чисто заводские требования.

Всех требований было 14.

Уважены следующие требования:

1) Приняты все до одного рабочие, которые записали сами расчет, и 10 чел., уволенные Ивановым.

2) Выпущены из-под ареста и вновь приняты человек 100 [2]).

3) Уволен помощник мастера Ращепкин.

4) Повышены некоторые расценки.

5) Ночные работы для желающих (раньше они были обязательны).

---

[1]) Чижовка: если кто-нибудь на минутку опоздает, его штрафуют на четверть поденного жалованья.

[2]) Полиция наотрез отказалась освободить тех, против которых были сильные улики.

Относительно восьмичасового рабочего дня и празднования Первого Мая начальник завода сказал, что то и другое требование министерство передало в государственный совет. Относительно же Иванова он выразился так: он уволить его не может, но Иванов сам теперь служить не захочет. Требование вежливого обращения всего начальства также удовлетворено.

Нужно заметить, что выборные отправились к начальнику для переговоров в субботу (в субботу кончают работу в 2 часа). Прогудел гудок, возвещающий, что работа окончена. Рабочие из мастерских не выходили, а все до одного остались ждать депутатов; но потом решили выйти на двор и там дожидаться результатов переговоров с начальником. Те люди из администрации, против которых рабочие еще не были озлоблены, стали упрашивать рабочих разойтись.

— «Разойдитесь, господа, разойдитесь; не делайте того, что было!» — говорили они.

— «Зачем расходиться, мы депутатов ждем: может быть, с понедельника опять придется забастовать»,—говорили рабочие.

— «Депутаты пробудут у начальника до 5 часов; ну, что же вы тут будете стоять. И притом мы уверены, что ваши требования будут уважены», — уговаривала администрация.

Наконец, после долгих усовещаний, рабочие стали расходиться.

Как передают, семянниковские товарищи предъявили те же требования, как и мы. Также были выбраны депутаты, многие требования уважены; снова принялись за работу. Но вскоре после этого депутаты опять схватились с полицией и были, конечно, арестованы. Семянниковские рабочие забастовали снова, требуя освобождения товарищей-депутатов. Обуховские рабочие потребовали у начальника через депутатов уволить из минной мастерской помощника мастера Брево. Начальник отказал. Рабочие открыто говорят, что с понедельника опять забастуют.

По ту сторону Невы нагнали много войск. Иванов куда-то скрылся. Царь-батюшка, как говорят, за молодецкий подвиг Иванова — за приказ матросам стрелять в рабочих — пожаловал его чином выше: из подполковника в полковники, а он,

ободренный монаршей милостью, послал на генерала Власьева донос, что тот так распустил рабочих [1]).

Обуховец.

«Рабочее Дело» № 10 (1901).

Первомайская демонстрация в Вильне в 1902 г.

Время подходит к Первому Мая. Все одного и того же мнения, что на этот раз 1-ое Мая должно праздновать уличной демонстрацией. На всех собраниях выносится то же решение.

С нетерпением все ждут этого дня. Носятся упорные слухи, что фон-Валь твердо решил сечь всех участников демонстрации, но никому не верится. Чем ближе подходит этот день, тем меньше терпения у нас. На зло я простуживаюсь и не могу сойти с постели. Никогда не забуду тех огорчений, которые я испытал. Товарищи приходят и рассказывают, что комитет выделил комиссию для организации предполагаемой демонстрации, или правильнее двух демонстраций — одной на Немецкой улице, другой — в театре. Накануне 1-го Мая мне посчастливилось поправиться настолько, что мог сойти с постели.

Первого Мая утром я вышел. Город принял какой-то странный вид. Все ворота на запоре, возле них дворники с дубинками в руках.

В 7 часов вечера оба тротуара Немецкой улицы кишмя кишели рабочими и работницами. Настроение повышенное. Друг друга поздравляют с праздником. Я гуляю и чувствую в себе какую-то особенную силу. Мне кажется, что я вырастаю все больше и больше.

[1]) За «беспорядки», произведенные 7 мая 1901 г. в селе Александровском Шлиссельбургского участка г. Петербурга, к суду, состоявшемуся в конце сентября 1901 г., было привлечено 37 человек обуховцев. Восемь человек из них было оправдано; из остальных 29-ти осуждены: Анатолий Иванович Гаврилов на шесть лет каторги, Анатолий Иванович Ермаков на пять лет каторги, один — на пять лет и один на четыре года арестантских рот, 13 человек на три года и 12 человек на полтора года тюрьмы. См. Н. Рязанов, Обуховское дело. Материалы для истории празднования первого мая в России. Петр., 1918 г.

— Концентрируйтесь на одном тротуаре! — передается из уст в уста. Все переходят на один тротуар. На нем тесно — многим приходится итти по мостовой. Чувствую, что не могу больше ждать, выскакиваю на середину улицы и кричу:

— «Долой самодержавие!» «Да здравствует свобода!»

Моментально выбрасываются два красных знамени. Громкое «ура!» было ответом на мой призыв.

Но в этот момент из участка выскакивают казаки. Я останавливаюсь и кричу: «Назад!». Меня отбрасывают, я падаю, встаю... Толпа далеко уже от меня... Ко мне бегом направляются городовые. Казаки тоже близко. Товарищи бегут ко мне на помощь, желая меня отбить, но казаки меня настигают. Мне кричат издали: «Беги в магазин!». Бегу в магазин, попадаю, повидимому, не в указанный — черного хода там нет: я попался. Бегу обратно. Попадаю к трем городовым. Я один. Посредине улицы казаки. Под лошадь падает товарищ, возле красное знамя... Городовые меня схватили, тащут туда. Я отбиваюсь, не даюсь им в руки. Казаки подъезжают к тротуару и начинают бить нагайками... Начинаю чувствовать шум в голове, словно река шумит. Потом впадаю в бессознательное состояние. Пришел в себя. Я посредине улицы. Меня держит десяток рук. Я не иду — меня несут. Обрывки какой-то мысли, «быть убитым, то хоть в драке», и мысленно готовлюсь к этому. В коридоре участка темно. Меня высоко подымают и бросают на пол. Сапоги, кулаки и приклады... «Как долго это тянется, и я еще жив»...

— Он убит, — слышу я...

— Нет. Он притаился. Довольно с него...

Меня волокут за ноги и бросают в какую-то комнату. Там лежит искалеченный с раной на голове, из которой сочится кровь. Двое каких-то парней сидят совершенно здоровые. Присматриваюсь—это шпики. В комнату приносят еще одного, двух, трех... Перестаю считать. Их бьют по дороге, но уже не так жестоко.

Губернатор.

— Кто здесь знаменосцы?

Шпики указывают на меня и на Файнберга (Гиршель-приказчик).

— Выведите их в отдельную комнату! — приказывает губернатор. — Знаменосцам по 100 розог, остальным по 50.

В новой комнате мы одни.

Файнберг падает, как мертвый, на скамью. Я пробую прилечь. Болят все члены, тело вспухло, «завтра умру отвратительнейшей смертью»... Думается как-то безразлично, точно о третьем лице, без ужаса и как бы без мыслей... В голове туман. Утро. Нас выводят. Посредине корпуса широкая скамья. По всей длине коридора, идущего от дверей, стоят шпалерами казаки с нагайками в руках. Во втором ряду пристава с их помощниками. Входит фон-Валь в сопровождении полицеймейстера Назимова и городского врача Михайлова. Меня и Файнберга ставят у стены против скамьи, по бокам двое надзирателей с револьверами в руке. Губернатор по списку вызывает.

И началось отвратительнейшее и позорнейшее в свете...

Точно не помню числа товарищей, подвергшихся истязанию. Приблизительно было не более 20.

Доктор Михайлов сыграл в этом позорном деле гнуснейшую роль: были случаи, что товарищи, не выдержав истязаний, впадали в обморок. Он их приводил в чувство и приказывал их опять сечь...

После экзекуции фон-Валь обратился ко мне и Файнбергу.

— Вы видели? Это плоды ваших рук... Вас не будут сечь: я вас так далеко упеку.

— В пятую камеру их! — скомандовал он.

Нас поволокли в пятую камеру, назначавшуюся для пьяниц, ужасно грязную, без стекол. На полу валялся один из истязуемых.

Было страшно смотреть, как он конвульсивно содрогался. Его скоро убрали. До сих пор не могу забыть его широко открытых глаз, которыми, казалось, он ничего не видел, ничего не понимал... Меня начала мучить мысль: «быть может, если б я не выступил, все приняло бы другой оборот и не было бы этого кошмара». Эта мысль мне не давала покоя. От Файнберга ответа ждать нельзя было — он был как бы помешан от побоев и пережитого.

В первые три дня мы не знали, остались ли еще товарищи в тюрьме. После мы узнали, что арестованные в театре еще сидят. К ним я обратился и с мучившим меня вопросом. В ответе, подписанном несколькими товарищами, я узнал, «что исполнил свой долг, как революционер»... Я с Файнбергом просидел

в тюрьме $2^1/_2$ года, затем полтора года в Крестах. А в действительности знаменосцами на демонстрации был Гирш Файнберг, приказчик бакалейного магазина, и Велвал—маляр. Последнего высекли и освободили, а вместо него я был шпиками зачислен в знаменосцы [1])...

Г. Ботвиник.

Первое мая. Сборник. Составил М. Равич-Черкасский. Харьков, 1923.

Первое Мая в Сормове в 1902 г.

(Летучий Листок № 50).

Значительная часть сормовских рабочих праздновала Первое Мая и не пошла на работы (при чем за прогул оштрафования не было). С утра настроение было очень приподнятое — все чего-то ждали. В 5 час. вечера собралась толпа рабочих человек в 800 и, размахивая красными платками, двинулась к заводской конторе. Придя сюда без определенной цели, толпа, не зная, что предпринять, занялась уничтожением конторских бумаг; то же самое произвела она и в квартире пристава. Неосмысленное поведение толпы вскоре узнали культурные рабочие, которые, придя к конторе, легко убедили толпу не заниматься бесцельным разрушительством. — Тогда тотчас же образовалась группа рабочих человек в 100, которая, развернув знамена, с надписями: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» двинулась по Большой улице с пением песен. Стройное пение двигавшейся группы привлекло внимание остальных рабочих, которые тотчас же и присоединились к процессии; со всех сторон стали стекаться любопытные, и очень быстро вся улица была сплошь запружена народом. Это огромное стечение народа на Большой улице пришлось не по вкусу властям: были вызваны прикомандированные на сей день к Сормову войска и конная заводская полиция. Последняя сейчас же занялась рассеянием толпы, приняв ее в нагайки; принятые меры были настолько энергичны, что в течение целых десяти минут только и был слышен усиленный стук нагаек по телам попадавшихся аргусам

[1]) Телесные наказания демонстрантов, произведенные по распоряжению виленского губернатора фон-Валя, были поводом покушения (5 мая 1902 г.) на последнего Гирша Леккерта, который за это был повешен (28 мая 1902 г.).

жертв, при чем полицейские старались не столько водворять порядок, сколько именно побить, в виду чего и занимались избиением кооперативно: один фараон держал попавшуюся ему жертву, а другой колотил ее нагайкой. Такого рода избиение полиция совершала и после того, как толпа была рассеяна, — тогда фараоны ловили встречных и били их нагайками.

Между тем войска преградили путь центральной группе, шедшей со знаменами и пением; дойдя до стоявших поперек дороги солдат, группа повернула назад; свое шествие она совершила в таком порядке, что офицеры были смущены и затруднялись давать солдатам какие либо приказания; некоторые из офицеров пытались скомандовать взять ружье на руку или же рекомендовали солдатам кричить «ура», и уже, наконец, старший офицер сообразил и отдал приказ бить толпу прикладами; солдаты вняли приказу и под действием их прикладов толпа начала поддаваться и разбегаться. Этим моментом воспользовалась полиция и стала задерживать подозрительных лиц; тотчас четверо было арестовано. Не имея возможности задержать всех «внушающих подозрение», сыщики метили мелом, надеясь потом изловить всех перекрещенных. Достойно внимания поведение знаменосца [1]): видя, что под действием прикладов окружавшие его стали разбегаться, он закричал: «Я не трус и не побегу». И действительно, он стоял со знаменем в руках на одном месте до тех пор, пока на него не навалилась целая груда солдат и после свалки не отняла знамени. Говорят, что в этой свалке ему сломали руку. В последовавшую за сим ночь было арестовано более 40 человек; аресты продолжаются. Завод и контора оцеплены, по улицам ходят патрули.

Н. Новгород, 8-е мая 1902 г.

Нижегородская Социал-Демократическая Организация.

Речь рабочего Петра Заломова.

Я признаю, что сознательно примкнул к демонстрантам, но виновным себя не признаю, потому что считал себя в праве участвовать в демонстрации, посредством которой был выражен

[1]) Рабочего Петра Заломова, речь которого на суде приведена ниже.

протест против тех законов, которые, защищая интересы привилегированного класса богачей, не дают рабочим возможности улучшить условия своей жизни. А условия эти настолько ненормальны, что рабочие принуждены во что бы то ни стало бороться с препятствиями, стоящими на их пути, хотя бы эта борьба была сопряжена с потерей свободы и даже жизни. Я с раннего детства чувствовал непосильную тяжесть, взваленную на трудящийся класс. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившего все свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существование. Впоследствии я сам стал рабочим, сам стал затрачивать свои силы и здоровье, содействуя этим накоплению богатств в руках немногих людей. Я видел, что и членам моего семейства, если бы я пожелал иметь таковое, грозит та же участь, что и мне. Отсутствие всякого света и понимания действительности, осуждающее рабочих на вечное рабство, невозможность для рабочих не только жить, но и мечтать о культурной жизни, — весь этот заколдованный круг, из которого я не видел выхода, приводил меня в отчаяние. Бессмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубийстве, как об единственном возможном выходе из невозможного положения. Но знакомство с историей других народов, трудящиеся классы которых, благодаря неустанной борьбе, выбились из положения, одинакового с нашим, привело меня к мысли, что такая борьба возможна и у нас. Возможность хотя бы в отдаленном будущем поднять экономический и нравственный уровень трудящейся темной массы дала мне богатый запас жизненных сил. Я видел, что тяжела будет борьба для рабочих, трудно бороться с беспросветным мраком невежества, в котором насильственно держат рабочих и крестьян, что много, много будет жертв с нашей стороны. Но какой человек, у которого не вставлен в грудь камень вместо сердца, которого не удовлетворяет чисто животная жизнь, за дело своего народа не отдаст свободы жизни и личного счастья. Из личного опыта, вынесенного за 10 лет работы по заводам, я пришел к заключению, что рабочие единичными усилиями не в состоянии добиться нормальных условий жизни; эксплоатация принуждает их довольствоваться положением вьючного животного. По большим заводам везде введены сдельные и поштучные работы, и многие думают, что

благодаря этому условия труда улучшились, так как рабочий может стараться и заработать больше. Действительно, рабочий может усиленно работать, но это ведет лишь к преждевременному истощению сил, потому что невозможно до бесконечности усиливать напряженность труда, а удержать на известном уровне заработок можно только при этом условии, так как больший заработок, вызванный усиленным трудом, ведет к сбавке расценок; сбавлять расценки никогда не устанут.

Неужели же человека считают за машину? Но ведь и машина, рассчитанная на известное число сил, не может развивать их до бесконечности, да от машины этого и не требуют; тем более бесчеловечно требовать это от человека, который сделан не из стали, как машина.

Дело сводится к тому, что рабочие, благодаря заделыной плате и сбавкам расценок, лишаются последнего отдыха, будучи принуждены работать по праздникам и по ночам сверх обычной денной работы, не имея в то же время возможности, вследствие все понижащихся расценок, при самом исполнительном труде заработать средства, необходимые хотя бы для сносной жизни. Точно так же не может рабочий единичными усилиями поднять и уровень расценок и заработка до высоты, необходимой для удовлетворения настоятельных потребностей. А потребности эти с развитием грамотности и просвещения все увеличиваются. Теперь уже не говорят, как прежде: «На что нам грамотность, на что нам знание?»; напротив, говорят, «что нужно образование, что без него трудно жить», и всякий рабочий стремится дать своим детям образование. Сормовская библиотека, более чем скромная, может доказать, насколько сильна жажда знаний среди рабочих. В библиотеке более подписчиков, чем книг, несмотря на то, что большинство полезных книг запрещено. Рабочие также нуждаются в разумных развлечениях, и если среди них и развито пьянство, то одной из главных причин служит отсутствие таковых. Рабочих не удовлетворяют грязные засаленные тряпки, заменяющие им одежду. Насколько сильно у рабочих желание прилично одеваться, видно из того, что рабочие отказывают себе даже в пище ради приличного платья. Разумеется, не ради своего удовольствия рабочие ютятся и в каморках, не удовлетворяющих самым примитивным требо-

ваниям гигиены. Понимают также рабочие, что питательная пища и отдых после усиленной работы необходимы для восстановления потраченных сил. Развившееся чувство человеческого достоинства заставляет рабочих желать, чтобы с ними обращались, как с порядочными людьми, не ставили бы их на одну доску с ворами, подвергая ежедневно обыску, чтобы мастера и служащие обращались с ними, как с равными, а не как с вьючной скотиной. Вообще, рабочие нуждаются в культурных условиях жизни, и не видеть этого могут только люди, нарочно закрывающие глаза. Несоответствие условий, в которых рабочим приходится жить, с запросами, предъявляемыми к жизни, заставляет их сильно страдать и искать выхода из ненормального положения, в которое они поставлены благодаря несовершенству существующего порядка. На гуманность предпринимателей рассчитывать нельзя, так как они, признавая сами себя людьми, на рабочего смотрят не как на человека, а как на орудие, необходимое для их личного обогащения. Чем короче срок, в который можно выжать все соки из рабочего, тем для них выгоднее. Для более успешной эксплоатации труда рабочих, предприниматели соединяются в акционерные общества. Для того, чтобы удержать на желательной высоте цены на продукты, производимые трудом рабочих, но принадлежащие предпринимателям, образуются союзы и синдикаты, — например синдикаты сахарозаводчиков, нефтепромышленников и проч. Для этой же самой цели предприниматели добиваются и запретительных пошлин на ввозимые в Россию более дешевые и доброкачественные иностранные товары. Отдельный рабочий, защищаясь от эксплоатации со стороны предпринимателей, не может оказать им большего сопротивления, чем кусок свинца давлению гидравлического пресса. Отдельный рабочий не может не соглашаться на тяжелые условия, предлагаемые предпринимателем, так как без работы он существовать не может, и даже соединенными силами, при отсутствии благоприятных условий, рабочие не могут противостоять предпринимателю, которому от временной приостановки производства не грозит голод, как рабочим. Рабочие не могут добиться лучших заработков при повышении прибылей, не соединившись все вместе в один братский союз. Но этого единственного выхода они лишены, так как закон, разрешая

предпринимателям эксплоатировать рабочих, запрещает последним защищаться от эксплоатации, преследуя союзы и стачки. Чтобы добиться более культурных условий жизни, рабочим необходимо иметь право устраивать стачки против предпринимателей, иметь право организовывать союзы, иметь право свободно печатать и говорить на сходках о своих нуждах и, наконец, через своих выборных принимать участие в законодательстве, так как всякая победа рабочих над предпринимателем может быть прочной лишь после ее узаконения. По этим причинам, считая рабочих в праве добиваться за свой труд лучших условий жизни, я сознательно примкнул к демонстрантам. Узнав за несколько дней о предполагаемой демонстрации, я решил принять в ней участие и сделал со своей стороны три знамени. На одном из них я написал: «Долой самодержавие» и «Да здравствует политическая свобода», на другом: «Да здравствует социал-демократия» и на третьем: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день». С этими знаменами я пошел на демонстрацию. Мои знамена оказались очень кстати, так как таковых у демонстрантов не оказалось, и они выражали свой протест только пением революционных песен и возгласами: «Долой самодержавие!!!» «Да здравствует политическая свобода!». Я знал, что за участие в демонстрации грозит каторга. Наказание страшное — в моих глазах страшнее смерти, так как в каторге человеческая личность совершенно уничтожается и бесчеловечно унижается на каждом шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, принесешь хотя бы микроскопическую пользу труженикам, дает полнейшее удовлетворение за все страдания, которые пришлось и придется перенести; личное же несчастие тонет, как капля в море, в великом горе народном, за желание помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами до сих пор рабочим не удалось добиться чего-нибудь существенного. Начальство и общество сквозь пальцы смотрят на злоупотребления и на явное нарушение законов со стороны предпринимателей; следовательно, нужно что нибудь из ряда вон выходящее, чтобы обратили на нас, рабочих, внимание. Посредством резкой демонстрации участники ее, по моему мнению, желали обратить внимание общества на ненормальное положение рабочих и на игнорирование правительством их интересов. Рабочие, служа в солдатах, работая

в копях, на фабриках и заводах, все свои силы отдают государству, но им не дано никаких прав, так что всякий обладающий капиталом и покладистой совестью может обратить в рабство всякого человека, не имеющего возможности существовать без работы. Я видел, что существующий порядок выгоден лишь для меньшинства, для господствующего правящего класса. Что пока самодержавие не будет заменено политической свободой, дальнейшее культурное развитие русского народа невозможно. Что рабочие в борьбе с предпринимателями на каждом шагу наталкиваются на их союзников в лице самодержавных порядков. И вот почему я написал на своем знамени: «Долой самодержавие!» и «Да здравствует политическая свобода!!!» [1]).

Поймет ли нас грядущий свободный человек?

(Из воспоминаний)

Третий год уже мы встречаем 1-е Мая в свободной стране, разбившей кандалы рабства и эксплоатации. Постепенно начинаем выпрямляться во весь свой рост; грудь привыкает дышать свободно; бодро смотрим вперед, через головы врагов — своих и международных,— и взор жадно ловит далекие горизонты, где сверкают молнии и надвигается гроза.

Хорошо здесь в такую пору!

С захватывающим подъемом готовились широкие слои петроградского пролетариата отпраздновать майский праздник, проявляя свою инициативу и пробуя свое творчество; намечены

[1]) Речь знаменосца сормовской демонстрации 1902 г. Петра Заломова была произнесена во время суда над демонстрантами, происходившего в Нижн.-Новгороде 28—30 окт. 1902 г. К дознанию были привлечены рабочие: П. Заломов, Е. Наумов, А. Быков, М. Богатырев, И. Шибаев, М. Самылин и друг. в количестве 13-ти человек. Шестеро приговорены к лишению прав состояния и пожизненной ссылке в Сибирь; семь—за отсутствием улик оправданы. В брошюре «Речи нижегородских рабочих на суде» (Женева, 1903) речь Заломова приведена с дополнением его рассказа о своем детстве и молодости.

грандиозные постановки в Летнем саду, у здания Биржи, на площадях, на улицах, куда потекут массы после того, как будет отдана дань труду, которому главный почет и уважение в нашей стране.

И вот в день ликования и радости невольно встают перед глазами картины прошлого, — по времени еще такие близкие, а по самочувствию — психологически — уже далекие и чуждые, словно столетие прошло с тех пор.

Но и тогда, сдавленные и скованные, потрясая тяжелыми цепями, российские рабочие, готовясь к грядущим битвам, прилагали все усилия, чтобы отпраздновать свой праздник и, обманув сторожевых псов самодержавия, напомнить о себе зарубежным братьям.

Сколько трудов, изворотливости нужно было приложить, чтобы отпечатать в маленькой подпольной типографии майский листок; сколько нужно было проявить предосторожности и ловкости, чтобы распространить его среди масс и даже расклеить на улицах города. С какими невероятными усилиями удавалось иногда устроить митинг, где-нибудь далеко за городом, в лесу, овраге, поле. Патрули дежурили вокруг митинга в несколько рядов, на почтительном расстоянии один от другого; устанавливался определенный пароль, и к митингу пропускался только тот, кто знал пароль дня. При появлении казаков или полицейской облавы самый дальний патруль давал условный сигнал, его повторяли ближайшие, и митинг рассеивался в разные стороны.

Стараясь отвести бдительность полиции и шпионов, маевку устраивали, большею частью, на несколько дней раньше или позже 1-го Мая и при том ночью.

Ораторы выступали загримированные, с фальшивой бородой и усами, женщины иногда переодевались в мужской костюм, и все это делалось с единственной целью предохранить себя от преждевременного провала и ареста.

А сколько волнений приходилось пережить, сколько трагедий и трагикомедий, — пока шла подготовка к майскому празднику. Помню раз, — это было в Твери, приблизительно в 1902 или в 1903 году, — члены Тверского комитета Р. С.-Д. Р. П. собрались за несколько дней перед Первым Мая для обсуждения майского

листка. Здесь было человек 7 или 8, из них двое нелегальных и трое поднадзорных.

Из двух проектов листовки средактировали одну и уже стали намечать и обсуждать темы первомайских речей, как вдруг раздался осторожный дробный стук в окно: это был условный сигнал дежурного товарища, предупреждавший о грозившей опасности.

Все насторожились и стали нервно и быстро уничтожать компрометирующие документы.

— Что вы делаете? Где майская листовка? Давайте сюда! Завтра рано утром ее надо передать в типографию, — трагическим шопотом, еле сдерживая свой необыкновенно громкий митинговый голос, сказал тов. Иван, бывший питерский рабочий, а теперь революционер-профессионал и главный оратор в нашей организации.

— Не давайте ему; он как нелегальный, первый должен уйти отсюда и при нем не должно быть ничего, — протестовал комитет.

Но с т. Иваном совладать было довольно трудно: это был очень упрямый и экспансивный человек. Стуча кулаком по столу, он говорил и уже довольно громко, что уйдет только тогда, когда получит рукопись.

Еле-еле уговорили его, что она не пропадет, так как нашли очень остроумный способ ее сохранения. Завернули тщательно в клеенку, обвязали веревочкой, привязали к ней камень и опустили в помойное ведро. Полиция ни за что не догадается. Тов. Иван ушел.

Стук в окно более не повторялся. Это был хороший признак, и один из товарищей пошел посмотреть, что делается на улице. Квартира наша была вне всяких подозрений, поэтому оставшиеся, припрятав все, что было нужно, принялись за чаепитие, сохраняя все же выжидательное положение. Проходит час. Звонок.

— Кто там?

— Это я, — раздался за дверью знакомый бас.

— Ложная тревога, — говорил тов. Иван, входя в комнату. Оказалось, что это—облава на воровской притон за три квартала от нас, и к политическим ровно никакого отношения не имеет.

Все сразу просияли, и лишь один тов. Иван был мрачен, и лицо его хранило на себе следы какого-то тяжелого переживания.

— Что с тобой товарищ? — спросил его другой нелегальный, вернувшийся вслед за ним. — Нужно радоваться, что мы после тревоги опять собрались, словом опять пролетарии всех стран соединяйтесь, а ты . . .

— А мне тяжело! — вскричал тов. Иван, — болит душа, клокочет злоба, — и он потряс кулаком, словно угрожая невидимому врагу. — Проклятое, проклятое самодержавие! Разве мы люди? Разве мы живем? Разве таким должен быть человек, как мы? Мы ломаем себя, коверкаем, тратимся в мелочной борьбе; мы, как рабы, приспосабливаемся, хитрим, унижаем себя . . .

Я думал об этом, когда гулял вокруг по улицам и смотрел, нет ли где шпиков или полицейских. Мы — не люди, а травленные звери! Из-за одного листка — столько хитросплетений, уловок и борьбы . . . И мне больнее всего одно — поймет ли, поймет ли нас грядущий свободный человек, который вырастет, не зная неволи, наших проклятых условий жизни. Это будет человек, — в полном развитии всех своих душевных сил . . .

— И физических, — вставил кто-то, — он будет красавец...

— Да, — ответил т. Иван и продолжал: — но поймет ли он нас—исстрадавшихся, часто надломленных в борьбе, исковерканных физически и нравственно, не полных людей, а половинчатых . . .

Мы забыли о цели своего собрания, увлеклись мыслями тов. Ивана, и перед нами, как живые, вставали десятки и сотни товарищей, погибших в тюрьме, ссылке и каторге. И каких людей! Среди них были и талантливые беллетристы, музыканты, певцы, ученые, заглушившие в себе порывы своего дарования во имя трудной, подчас мелочной и невидимой нелегальной политической работы.

И когда мы расходились по домам, у каждого из нас звучали в ушах грустные слова тов. Ивана: поймет ли, поймет ли нас грядущий свободный человек?!

«Правда» 1920, № от 1 мая.

П. Куделли.

Первомайская прокламация 1903 г., изданная Организационным Комитетом.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ.

Ко всем рабочим и работницам Р о с с и и.

Как? И сегодня также, товарищи? Сегодня, в день Первого Мая, также стоите вы у станков, вы, — живые слуги мертвых слуг хозяина — машин? И в этот день пришли вы, замученные люди, еще не отдохнув после вчерашнего трудового дня, после многих тяжелых рабочих дней? Пришли сверлить стволы ружей, из которых в вас станут стрелять, отделывать колеса машин, которым станут служить ваши дети; пришли, чтобы и сегодня, как во многие дни вашей жизни, работать для тех, кто гнетет и порабощает вас?! . . .

И вот вы стоите за работой, бледные, вялые от полуголодной жизни, истомленные от непосильного труда. На улицу! На улицу зовем мы вас, товарищи! Остановите вертящиеся колеса! Тушите огни в печах! Давайте тревожный сигнальный гудок!

Но вы сурово склоняете свои лица над станками и уходите мыслями в работу и наполняете весенний воздух шумом хлопотливого труда.

Уйдите! Уйдите!—говорите вы нам каждым движением, каждым поворотом быстро вертящихся колес. Мы работаем. Мы работаем. Мы добываем свой хлеб. Уйдите! Оставьте нас!

Нет, мы не уйдем без вас, товарищи! Мы не оставим вас. Мы распрямим ваши спины, мы оторвем вашу мысль от труда. Мы заставим ваши сердца биться, как одно сердце. Мы зовем вас на улицу. Шире ворота мастерской! Остановите скорей колеса! Давайте поспешно сигнальный гудок! На улицу, товарищи!

Мы не оставим вас! Мы знаем вас иными. Мы знаем, что эти бледные лица могут загораться в борьбе. Мы знаем, ваши мысли принадлежат не только труду. Мы знаем, что вы хотите не только хлеба. Вы хотите жить. Вы хотите больше свободы. И этого не даст вам работа. И вы знаете это так же, как и мы. Это вы бежали на улицы Москвы и Петербурга, когда весной раздался призыв студентов. Вы шли бороться с ними за право быть свободными людьми. Это вы шли добывать себе лучшую долю, вы подняли свои знамена во многих демонстрациях. Из вашей среды вышли те молодые, пылкие, имена которых известны теперь всей рабочей России — Заломов, Михайлов, Воеводин и др. Вчера, как и вы теперь, они стояли за работой, скромные и незаметные; сегодня, в день Первого Мая, они идут бороться; завтра их слушают смущенные судьи, и они бичуют своими горячими речами ту жизнь, против которой они восстали, которая наградила их тюрьмой и ссылкой. Это вы шли в передовых отрядах ростовских рабочих, вы подставляли свою грудь под солдатские пули, вы объявили войну самодержавию, вы сражались с ним на улицах Батума, Ростова и Златоуста.

Нет, мы не оставим вас! Мы видели вас борющимися за свободу. Или, может быть, вы уже не хотите быть свободными? Или вас страшит мысль о том времени, когда не станет больше рабочих и господ, когда труд будет уделом каждого? Вы знаете,— это время настанет. Вы знаете, — это время — время освобождения рабочих. Сегодняшний день — день борьбы за него. И разве вы останетесь у станков сегодня, когда рабочие всего мира, те, которые живут лучше вас, те, которые уже завоевали себе часть человеческой свободы — политическую свободу, — все они, во всей Европе, далеко за океаном в Америке, идут сегодня на улицу, чтобы пред лицом всего мира заявить себя борцами за то время? . . Нет, вы—не покорные живые слуги мертвых машин. Вы так не хотите жить, вы хотите бороться за лучшую жизнь, за свободу!

Когда же будет у вас лучший день для этой борьбы, как не сегодня? Вы шли ведь бороться весь год, когда вы были одни, когда всякий раз бросались в борьбу с врагами только вы одни, русские рабочие. Сегодня, в день Первого Мая, весь рабочий класс, во всем мире, станет бороться вместе с вами. И разве

вы не чувствуете, как крепнут ваши силы от того, что где-то за сотни и тысячи верст борются неведомые вам братья? Они родились под чуждым небом, они говорят чуждым вам языком. Но они—рабочие. Но они чувствуют, как и вы, тяготу своей жизни. И вот исчезают эти сотни и тысячи верст, как будто падают перегородки разных стран, и вы все, рабочие, мыслите одни мысли, живете одним чувством, одним могучим криком требуете лучшей жизни.

Сегодня великий полководец всемирной рабочей армии делает вам смотр, рабочие. И каждая страна на перекличке выступает вперед и говорит: — «Я здесь!» И разве, когда назовут имя России, она ответит молчанием? И разве не выступит русский рабочий и не скажет: — «Да, я здесь, товарищи! Да, и я пришел бороться вместе с братьями; да, я иду одним с вами путем. Да, я знаю: сегодня именно должен я соединиться с вами». Сегодня мы выступаем перед врагом, как единая армия. Сегодня наш рабочий праздник — праздник борьбы. Кто не выходит сегодня бороться, тот изменяет делу борьбы . . . Так станем же в ряды! Потребуем же вместе с другими восьмичасового рабочего дня для рабочих всех стран. Потребуем отдельно от других — политической свободы для нас.

Долой самодержавие царя! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствуют рабочие депутаты будущего русского парламента! Да здравствует борьба за социализм! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует майский праздник! На улицу, товарищи!

Организационный комитет.

Типография «Искры».

«Искра» разбудила.

Из года в год, лишь подходил к концу апрель, по всему Обуховскому заводу начинались тихие разговоры: Бастовать? Работать?..

В день праздника еще молчат бывало заводские гудки, а уже десяток-другой обуховцев торопливо пробегают мимо своего завода.

Шапки на лбу, шарят глазами по сторонам и быстро-быстро направляются к Шлиссельбургским воротам.

На другой день по всему заводу толки:

— Еще одно 1 Мая, — и мы все, как один, выступим!

Новое 1 Мая, — и добрая половина обуховцев опять на заводе:

— Мы-бы всей душой, да вишь — семья...

Так было до 1903 года. Не забудут его старые обуховцы.

На завод пробралась «Искра». Осветила многие темные уголки заводской жизни. «Искровцы» устраивали митинги, беседы и призывали обуховцев выступить в день 1 Мая.

В неурочный час загудел гудок. Замерли моторы, и черным потоком хлынули рабочие из всех мастерских.

На майском солнце алело наше знамя.

— «Отречемся от старого мира»... Долой самодержавие!... гудело на дворе.

Почернели мокрые улицы. Радостные, бодрые двинулись мы к Шлиссельбургским воротам.

Через 10 минут улица кишела полицией. Свист, крики...

Неожиданно что-то сверкнуло перед моими глазами... Я упал.

Очнувшись в квартире товарища, я узнал, что демонстрация разогнана, многие арестованы.

Обуховец Дмитриев.

«Красная Газета»
1923. № от 1 мая.

Майская демонстрация 1903 г. в Тифлисе.

(Корреспонденция в «Искру»)

За несколько недель перед 27 апреля администрация, уверенная в своих успехах, подавляла движение массовыми обысками и арестами. Для нашего полицеймейстера Ковалева подавление движения было делом «чести» и карьеры: не раз уж ему доставалось за неумелые и несвоевременные действия администрации. К майской демонстрации он стал готовиться с 23 февраля (после февральской демонстрации): каждое воскресенье все были на готове, скверы и сады целый день заперты — «по случаю неспокойного состояния», — как ответил один городовой любопытному обывателю. За два-три воскресенья перед демон-

страцией назначались «мирные» прогулки по Головинскому проспекту, что бесило до крайности администрацию, заставляя ее целыми днями быть в напряженном состоянии и не имея возможности выместить злобу на виновниках тревоги; к чести демонстрантов, они вели себя как нельзя лучше, не давая ни малейшей возможности придраться.

За несколько дней перед майской демонстрацией (27 апреля) в городе появились «листки»; всего в эти дни на Тифлис пришлось около 40 тыс. экземпляров. Вышли прокламации Кавказского Союза, местные картины: «Пролетариат и самодержавие», «Солдатская песня». Все прокламации выходили на трех языках: русском, армянском и грузинском, а скоро необходимо будет писать и на четвертом — татарском. Надо помнить, что сознательное движение в Тифлисе очень молодо: рабочие в первый раз вышли на улицу в мае месяце 1901 г.; 23 февраля 1903 г., — второй и 27 апреля—третий раз. Сравнительная неудача 23 февраля объяснялась тем, что администрации хорошо был известен план демонстрации, выработанный местной организацией. На этот же раз удалось сохранить план в тайне до последнего часа. Администрация, уверенная, что местом сборища назначена Эриванская площадь и Солдатский базар, оберегала площадь. не пропуская туда никого и оттесняя собирающийся народ в обратную сторону по направлению к Артистическому обществу, как бы помогая успеху демонстрации. Уже к 10 час. утра замечалось небывалое оживление на улицах города. Рабочие в одиночку и группами стекались к Головинскому проспекту, — к месту, назначенному для демонстрации. Чудный весенний день, оживленные лица рабочих и с цвѣтами в руках — все это придавало проспекту небывалый вид. Гуляние продолжалось около двух часов; рабочие постепенно начали стягиваться к назначенному пункту, против Артистического общества. Чувствовалось уже какое-то нетерпение; у каждого в глазах так и читалось: «когда же начнется?». Надо заметить, что администрация, хотя и уверенная в своем успехе, все же не поскупилась как можно лучше обеспечить его: на всем протяжении проспекта, во всех больших дворах были спрятаны казаки, полиция, войско и дворники. Как полагается, всех «чинов» было гораздо больше демонстрантов. Следует отметить, что директор первой

мужской гимназии, к стыду своему, позволил спрятать во дворе гимназии резерв дворников.

Около 11½ час. толпа заволновалась, часть отделилась и выбежала на средину улицы: с криком «ура» со всех сторон стекались рабочие, бросая красные билетики с напечатанным четверостишием Пушкина: «Самовластительный злодей»... Демонстранты тесно окружили центральную группу, и в ту же минуту красное шелковое знамя, обшитое золотом, красиво развеваясь, высоко поднялось среди улицы. Толпа в 400—500 человек, тесно окружая знаменосца, с восторженными криками двинулась по направлению к казенному театру и, дойдя до Театральной улицы, свернула направо и начала постепенно расходиться. Во всех действиях рабочих замечались удивительная сдержанность и организованность, чему, главным образом, нужно приписать удачу демонстрации. Масса гуляющих с любопытством следила за этой картиной, которая, несмотря на свою непродолжительность, оставила глубокое впечатление.

Что же делала полиция, где она была в то время?—невольно возникает вопрос. Администрация во главе с пострадавшим «либералом» Ковалевым была окончательно одурачена. Готовясь к майской демонстрации чуть ли не за два месяца, она не смогла раскрыть плана демонстрации и, предполагая, что демонстрация будет на Эриванской площади, все свои силы сосредоточила в этом месте. Когда же началась демонстрация, растерявшиеся городовые начали усиленно свистать, а сами бросились бежать в противоположную от манифестантов сторону. Шествие демонстрантов уже спустилось к Саперной ул., когда подоспели казаки и войско, прилетел разъяренный неудачник Ковалев со своей свитой — ему только и оставалось вымещать бессильную злобу, и он разъезжал взад и вперед, руководя действиями полиции и сам пуская в ход кулаки. Дико было смотреть на человека, у которого на левой стороне мундира университетский значек, а в правой руке казацкая нагайка, которою он очень умело распрaвлялся. Выхваченных из толпы били до потери сознания и отправляли в участок. Арестованных — 63 чел., из них 30 выпущены, а 33 подвергнуты аресту на три, два и один месяц. Избитые дворниками хотят начать судебное преследование, многие вызвались быть свидетелями; в числе последних указывают на

несколько офицеров, но насколько верен этот слух, не могу сказать. Могу подтвердить, что один офицер заступился за манифестанта, за что и был арестован.

«Искра», 1903, № 41.

Первомайская прокламация 1905 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ.

Солнце, которое взойдет с востока над землею 1-го Мая 1905 года, в день пролетарского праздника, увидит страшную картину смерти, разрушения и беспощадной борьбы.

Оно увидит манчжурскую равнину, — это великое неоплаканное кладбище многих сотен тысяч сынов русского и японского народа. Идя далее с востока на запад, оно увидит необъятную Сибирь, на севере которой томятся наши братья и сестры, лучшие дети нашего народа. Оно увидит сибирскую железную дорогу, — это узкое русло, по которому из России на Дальний Восток в течение многих месяцев движется поток молодых жизней, а навстречу — поток калек и увечных. Оно увидит далее всю нашу родину, истомленную и истерзанную, покрытую ранами и запекшейся кровью. Оно увидит загнанное, затравленное русское крестьянство, у которого иссяк источник терпения, которое мольбу заменило проклятьем. Оно увидит, как по нашей истощенной родине ползут отвратительные эпидемии и пожирают несчетные жертвы. Оно увидит, как кровожадные правительственные своры, более страшные, чем самые опустошительные эпидемии, носятся из конца в конец в сопровождении войска — и навстречу вспышкам народного негодования несут истребление. Оно увидит героическое население наших окраин, не выпускающее из рук оружия. Оно увидит мятежные улицы наших городов и камни их мостовых, омытые кровью и вопиющие к небу. Оно увидит российский пролетариат в последней решающей битве с самодержавным чудовищем.

И далее, на Западе, оно увидит пролетариат свободных стран, который соберется на бесчисленные сходки, чтобы снова в день 1-го Мая дать клятву бороться до конца, доколе на свете останется хоть один угнетенный. Всюду борьба — и всюду передовым борцом свободы выступает пролетариат. Он говорит на разных языках, он различается по внешнему виду. Но всюду, где пар и электричество проложили себе дорогу, он один и тот же. Он содержит общество своим напряженным трудом. Его дети худосочны, его старики голодны, его дочери продают себя на улицах. Он работает и борется. Пролетариат — это каторжник, который не хочет смириться. Он борется, как лев, за каждый глоток воздуха, за каждый луч света. 1-ое Мая — это суровый праздник его борьбы.

Всемирный пролетариат требует восьмичасового рабочего дня, и это требование он сделал лозунгом майского праздника.

Русские рабочие! Держитесь этого лозунга и впредь, как вы его держались до сих пор. Распространяйте его и вширь, и вглубь.

Впереди еще долгий период революции. Еще предстоят решительные схватки с самодержавием, еще предстоит народное восстание, а затем перестройка всего государственного строя. И теперь, и непосредственно после падения царизма, на вас, рабочие, будет лежать обязанность привлечь к сознательной политической жизни крестьян, сделать их оплотом революционных завоеваний. Вам, пролетарии, предстоит гигантская работа, которая потребует напряжения всех ваших физических и духовных сил, — и вам необходимо отвоевать у капитала свободное время, чтобы мыслить, следить за событиями революции и бороться. Не откладывать требование восьмичасового рабочего дня на неопределенное время, как советуют вам либеральные холопы капитала, — наоборот, — сейчас, во время жестокой борьбы с царизмом должны вы воспользоваться напряжением великих сил, чтобы завоевать восьмичасовой рабочий день.

Не упускайте этого требования, рабочие и работницы, пишите его на ваших знаменах, повторяйте его в ваших речах, возглашайте его на баррикадах. Пусть голос ваш, как колокол, звучит во все время революции: «восемь часов для труда, восемь — для сна, восемь — свободных!»

Долой милитаризм — бич народов! Вот другой майский клич международного пролетариата. Русский рабочий класс за последние полтора года увидел со страшной ясностью, что значит милитаризм.

Изо-дня в день вооружаются государства. Растут армии, меняется вооружение. Колоссальные броненосцы строятся годы и разрушаются в минуты. Возводятся крепости и, падая, хоронят под своими камнями своих защитников. Война с Японией, плод современного милитаризма, унесла у нашей родины свыше 2 миллиардов рублей и до 500.000 молодых жизней — убитыми, пропавшими без вести и ранеными. А что будет с теми сотнями тысяч, которые вернутся с манчжурского позорища на родину? Искалеченные физически и душевно, выбитые из колеи труда, наполовину безумные от всего виденного и слышанного, они уже не в состоянии будут вернуться к нормальной жизни. Взяв у нас здоровых тружеников, война вернет нам несчастных калек. Страшная русско-японская война огнем выжгла в душе русского рабочего международный пролетарский крик: «Долой милитаризм! Долой постоянные армии!»

Эксплоататоры вырывают из среды народа неокрепшую молодежь, наряжают ее в блестящий мундир, оглушают командой и барабанным боем и заставляют сынов народа направлять свои штыки против народа.

Долой постоянные армии! Весь народ должен быть вооружен. Не должно быть солдат, специалистов убийства; должны быть граждане, умеющие владеть оружием. Не должно быть казарм, в которых дрессируют солдат, — вооруженные граждане должны жить в своих домах и выбирать из своей среды офицеров. Вооруженный народ будет чувствовать себя полным хозяином на своей земле. Он не пойдет, как дрессированная армия, точно стадо баранов, на бойню, созданную министрами и дипломатами. Он сумеет себя защитить от своих действительных врагов.

Мы сейчас вооружаемся, чем можем, для борьбы с царизмом, для вооруженного восстания. Но и после нашей победы мы не сложим оружия. Наоборот, не давая врагу оправиться, мы потребуем от нового правительства немедленного вооружения всех граждан на государственный счет.

Товарищи - рабочие! Пользуйтесь днем 1-го Мая, чтобы нести в массы мысль об уничтожении постоянной армии и о вооружении народа.

Лозунги международного пролетариата — наши лозунги, а наша революция —вместе с тем революция международного пролетариата. Мы боремся с царизмом не только за свое освобождение и за освобождение русского народа, но и за освобождение рабочего класса всего мира.

Русское самодержавие — это международный жандарм. В течение долгого ряда лет оно стояло на страже, с шашкой наголо, и озиралось вокруг злобными глазами, готовое с остервенением наброситься на революцию в любой стране. Французская буржуазия пугливо прижималась к русскому абсолютизму, поддерживала его своими деньгами и ждала от него помощи в трудную минуту — не только против внешних врагов, но и против героического французского пролетариата. Германское правительство всегда пресмыкалось перед русским абсолютизмом и, чем могло, вредило русскому революционному движению. Всем хищникам в Германии выгодно иметь на востоке от себя могучую полицейскую силу, которую в минуту восстания германского пролетариата можно призвать на помощь. И оттого-то все, что страдает и стонет, все, что борется и надеется на лучшее будущее, все, что честно и смело, — все это во всем мире ненавидит священной ненавистью царское самодержавие.

Гордитесь, российские пролетарии! Вы выполняете теперь задачу всемирного значения. Каждый удар, который вы наносите царизму, разносится по всему миру и будит торжествующий отклик в пролетарских сердцах. Гибель русского царизма нанесет рану в самое сердце всемирной реакции и развяжет руки всемирному пролетариату. Рабочий класс Европы, прекрасно организованный, обладающий богатым опытом, скажет, наконец, свое великое решающее слово. Пролетариат возьмет в свои железные руки государственную власть, отбросив в сторону жадную стаю хищников бюрократии, земельного богатства и капитала. Пролетариат скажет: Д о в о л ь н о! В течение столетий государство служило жадному меньшинству для угнетения трудящихся масс. Абсолютизм, дворянство и духовенство, буржуазия разных оттенков — все приобщались к политической

власти и все смотрели на государство, как на пресс, который до-суха выжимает человеческие мышцы и кровь их превращает в сверкающее золото. В течение веков хозяйничало это жадное, сытое, нарядное меньшинство, — и что оно дало человечеству? Нищету, болезни, ненависть, проклятье, преступность и проституцию, эти гнойные детища нищеты. Прочь, жадная свора, ведущая род человеческий к вырождению! Власть возьмет в свои руки рабочий класс. Он впитал в себя все стоны и крики обездоленных, он — мститель за поруганное человечество? Довольно! Вы, земельные хищники, вы, хлебные ростовщики, завладевшие почвой и обменивающие хлеб насущный на человеческую жизнь — прочь! Отныне земля будет принадлежать всему обществу. Кормиться будет лишь тот, кто будет работать для общества. Вы, фабриканты и предприниматели, знающие один закон — наживу и одно средство — хищничество— прочь! ибо пролетариат передаст все фабрики, заводы и рудники в руки общества для общего труда и общего пользования. Вы, министры и дипломаты, продажная сволочь, прислуживающая капиталу, которому вы нужны, как приводные ремни эксплоатации — прочь! Вам больше не видать ваших тридцати сребреников, за которые вы продавали интересы народа. Услуги ваши больше не нужны — пролетариат сам возьмет в свои руки государственную машину и без вашей помощи приведет ее в движение.

Так скажет и так сделает пролетариат всего мира, когда русская революция развяжет ему руки. Приблизим же этот час, товарищи - рабочие! Пусть связь нашего дела с делом всего рабочего класса удесятерит наши силы и наш энтузиазм. Вперед на последний бой, — и крикнем из глубины нашей рабской родины пролетариям всех стран: «Братья, день 1-го Мая— праздник интернациональной солидарности рабочих! Помните в этот день о русской революции и приходите к ней на помощь и словом, и делом! Готовьтесь, братья, продолжать наше дело: пусть гибель царского правительства послужит для вас сигналом к решительной революционной атаке на буржуазию! Пусть победоносная революция в России явится началом социалистической революции во всем мире! Пусть пронесется, наконец, над этим старым миром крови и слез очищающая пролетарская

гроза! Пусть вздохнет, наконец, полной грудью свободное и счастливое человечество!»

Да здравствует Первое Мая — праздник борьбы!
Да здравствует восьмичасовой рабочий день!
Долой милитаризм, да здравствует вооруженный народ!
Долой самодержавие!
Да здравствует всемирная революция!
Да здравствует социализм!

Маевка в подполье.

Теперь, когда десятки и сотни тысяч народа из года в год свободно и радостно с красными знаменами шествуют по улицам городов, чтобы демонстрировать свою международную пролетарскую солидарность, трудно даже представить себе, что было время еще совсем недавно, когда всякое проявление симпатии к 1 Мая считалось сверхъестественно-дерзким и требовало настоящего героизма со стороны революционеров.

К «маевке» готовились с одинаковой настойчивостью обе стороны: полиция и революционеры.

Для полиции в последние годы царского режима было вопросом жизни или смерти разгромить нелегальную эс-дековскую (большевистскую) организацию, руководившую рабочим движением. Для большевиков, наоборот, маевка была мерилом, показателем роста рабочего движения, а следовательно все меры принимались к тому, чтобы всколыхнуть большие слои рабочего класса. Маевка по всей России была моментом наиболее напряженной борьбы обоих борющихся сторон — труда и капитала.

Под какими лозунгами шла эта борьба? Весьма интересно было бы изучить майские лозунги нашей партии, ибо на них можно было бы проследить наши межфракционные и межпартийные разногласия. Можно было бы пролить новый свет на ту славную и трудную борьбу, в которой оттачивалась революционно-марксистская тактика большевиков.

Большевистские майские лозунги были вовсе не отвлеченными требованиями: они концентрированно выражали собой все требования данного года. В эпоху после второго съезда

наши лозунги, в противовес экономистам, подчеркивали политические задачи рабочего класса. Около 5-го съезда с особенной отчетливостью выдвинулась необходимость вооруженного восстания. В эпоху реакции 1906 — 1908 гг. в наших майских листовках подчеркивалась важность сохранения нелегальных партий и неурезанность (в противовес ликвидаторам) революционных лозунгов.

Лет 20 тому назад наиболее распространенной формой первомайской агитации были листовки, чаще всего гектографированные, призывавшие к более открытой форме революционного протеста — собраниям (массовкам) и прекращениям работ. По форме первомайской демонстрации можно было безошибочно следить о степени развития рабочего движения в данном месте.

В какой обстановке происходили эти собрания (массовки)? Мне сейчас вспоминается одна такая первомайская массовка в Нижнем-Новгороде в 1905 г., потому что она связана с воспоминанием о Я. М. Свердлове.

Маевка была назначена за городом у опушки леса. Такое место было выбрано с нарочитой предусмотрительностью: по лесу должны были собираться участники, чтобы не попасться на глаза жандармерии; по лесу были расставлены «патрули», т.-е. доверенные товарищи, чтобы указывать путь собирающимся демонстрантам по соответствующему условному паролю. Помню, был прекрасный весенний день, деревья начали распускаться, но место было низкое, болотистое и вязкое. Хотя я был послан на демонстрацию оратором, но с условием: выступить лишь в крайнем случае, если не будет другого, ибо я уже был «меченный» в глазах полиции, сидел в Нижнем, и, разумеется, мое выступление привело бы меня к провалу. Собралось уже человек 150 — 200, оратор не являлся. Я уже приготовился было к выступлению, как вдруг, запыхавшись, прибежал Яков Михайлович, и полился его бас на всю опушку леса.

Яков Михайлович был очень недурной оратор: особенностью его речи была и оставалась простота и ясность. Для интеллигентского мерила он был слишком «прост», но рабочие именно эту простоту, прямоту и ясность ценили больше всего. Говорил он о международном значении этого дня, о специальных требованиях

рабочего класса в России и нарочито о требованиях в тогдашний момент, — о предстоящей вооруженной схватке пролетариата с царизмом.

После него говорили другие ораторы, говорил и я.

Массовка наша, как и большинство массовок в то время, не окончилась мирно: узнала полиция, и конный отряд жандармерии налетел на нас.

С самых юношеских лет, со студенческих демонстраций в Москве в 1893 — 1894 гг., не оставалось у меня более жутких и тяжелых переживаний, чем те, которые приходилось испытывать при нападениях казаков и жандармов на толпу. Знакомая картина готова была развернуться и на этот раз, и лишь спокойное самообладание Я. М. Свердлова (не оставлявшее его, к слову сказать, в самые критические моменты, до самой смерти), его спокойный призыв: «Товарищи, спокойствие, постепенно уходите в лес» — предохранили толпу от паники и давки; потихоньку мы все разошлись. Как курьез вспоминаю, что одна из товарищей (ныне здравствующая и работающая в партии) потеряла галошу, а нашедший этот трофей жандарм долго добивался узнать собственницу ее.

Вот в каких условиях происходили тогда первомайские демонстрации, которые рабоче-крестьянская власть сделала открытым и радостным праздником для всей страны.

«Петрогр. Правда» 1923, № 95.

Николай Семашко.

ПЕРВОЕ МАЯ В ГОДЫ РЕАКЦИИ
(1907 — 1911).

Первое Мая за полярным кругом.

Едва ли не первый раз в истории человечества, в 1907 г., за полярным кругом праздновалось Первое Мая. Мысль о таком праздновании появилась у нас задолго, и в течение недель мы разрабатывали программу и готовились. Празднование Первого Мая мы решили устроить официально и привлечь к нему все население села. Помешать нам сделать это, конечно, не мог полицейский пристав, имевший в своем распоряжении всего четырех урядников.

Местом празднования Первого Мая избрали чайную общества трезвости — большой двухэтажный дом, выходивший на площадь в лучшем месте села. Накануне Первого Мая двери здания были украшены красными флагами. Внутри готовился чай с бутербродами для всех жителей села, которые по нашему приглашению придут на праздник. Программа праздника была намечена следующая: 1) Речь о значении Первого Мая. 2) Хор под управлением доктора Фейта — революционные песни. 3) Речь о революционной борьбе и ее целях. 4) Хор — похоронный марш и марсельеза. Перерыв, в течение которого присутствующие получают чай и закуски. После перерыва хор исполнит революционные песни. По закрытии митинга-концерта — шествие по селу с красными флагами.

Было наделано много красных флажков, которые мы роздали сельским ребятишкам. На наш праздник собрались решительно все, кроме пяти полицейских. Всем присутствующим прикалывались при входе красные бантики. Пришел даже священник и также приколол себе бантик. Собравшиеся у входа

остяки никак не могли поверить, что мы приглашаем и их, и только после наших настойчивых разъяснений вошли в залу и приняли участие в праздновании. Речей они, конечно, не понимали, хотя мы сочли необходимым отметить их рабское положение и призвать их на борьбу за социализм. Чаем и угощением остались очень довольны.

Празднование наше наделало в селе много шума. Как мне потом передавали, о нем были разговоры в течение нескольких лет. Нас очень благодарили за то, что мы разъяснили жителям, что такое революционная борьба и за что она ведется. Никаких расследований празднования впоследствии не производилось. Вероятно, пристав просто побоялся сообщить об этом в Тобольск, чтобы не получить выговор за допущение революционных выступлений с нашей стороны. Обдорск был настолько отрезан от всего мира (ближайшая телеграфная станция находилась в селе Самаровском за тысячу верст), что там можно было делать все, что угодно, без особого риска получить откуда-нибудь отпор.

„На заре революции". Воспоминания. Госизд. 1922. *Д. Сверчков.*

Прокламация Центрального Комитета 1909 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! 20 лет тому назад Международный Рабочий Социалистический Конгресс в Париже объявил день Первого Мая международным социалистическим пролетарским праздником. С тех пор, из года в год, рабочие празднуют Первое Мая.

Везде, где проснулись уже к новой жизни пролетарские массы, в этот день старому миру предъявляются непреклонные пролетарские требования, подводятся итоги всего международного рабочего движения.

Они прекрасны, эти итоги! Веет от них мощью лавины, неуклонно катящейся вперед и вперед, непрерывно нарастающей в своем движении.

Там, где 20 лет тому назад под красным знаменем пролетариата стояли тысячи — теперь мы видим сотни тысяч. За это время пролетариат успел в некоторых странах завоевать всеобщее избирательное право, успел выдвинуть на передовые посты повседневной политической борьбы — парламенты — сплоченные группы своих вождей и представителей. На последних выборах в различные парламенты за социалистических кандидатов было подано более 5-ти миллионов голосов; социалистические депутаты считаются теперь десятками почти во всех парламентах. Двадцать лет тому назад только в самых крупных отраслях промышленности существовали рабочие профессиональные союзы. С тех пор экономические организации пролетариата возникли почти во всех отраслях производства и объединяют теперь не менее 5-ти миллионов рабочих. За эти-то годы почти во всех странах Европы пролетариат создал мощные кооперативы, которые сослужат европейским рабочим такую важную службу, особенно в моменты крупных стачек.

И за эти годы международный пролетариат наступал на своего врага, буржуазию, во всех областях жизни. В своей литературе, на своих съездах он поднимал и решал все вопросы мировой и национальной жизни, освещал светом социалистического сознания все, что есть темного в старом буржуазном обществе. За эти годы освободительная социалистическая проповедь вышла далеко за пределы фабрик, заводов, лавок, фирм и проникает все глубже в армию, и в университеты, и в школы.

И из года в год Первое Мая международный пролетариат подводит итоги своим делам—завоеваниям—и с новой силой, от имени все более широких масс, выставляет свои международные требования:

Требование восьмичасового рабочего дня.

Требование: Долой войну! Долой постоянную армию! Да здравствует всенародное вооружение!

И снова бросает темным и отсталым свой бодрый и светлый призыв:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В этом году международный пролетариат пошлет свой братский привет пролетариату Персии и Турции, пробуждающемуся на наших глазах к новой жизни. В этом же году он с особенной

силой поднимет свой голос для протеста против милитаризма — в этом году, когда буржуазные правительства Европы стоят друг против друга, вооруженные с ног до головы, готовые броситься друг на друга из-за дележа чужих земель.

Каждый год международный пролетариат на деле поддерживает свои требования: тысячи и тысячи фабрик, заводов пустеют в этот день; рабочие массы сходятся, собираются на площадях и улицах и торжественными шествиями подтверждают свою готовность всеми средствами бороться за великие социалистические идеалы — за равенство и братство людей и народов. В этот день могучая пролетарская пресса в миллионах экземпляров газет, журналов, брошюр громко и открыто говорит о том, что пролетариат всех стран стал на борьбу за полное освобождение и не сложит оружие, пока не совершит своей социалистической революции и не воздвигнет на развалинах старого мира царство социализма.

Поистине может гордиться своими победами международный пролетариат! Он может быть непоколебимо уверен в том, что нет уже на земле силы, способной остановить его победоносное шествие вперед...

Товарищи! В тяжелых, в небывало тяжелых условиях приходится российскому пролетариату встречать в этом году день Первое Мая. Было время — и не так давно, — когда под его могучим напором начал было отступать вековой враг народной России, когда, казалось, были завоеваны, наконец, те условия, при которых приходится бороться сейчас европейскому пролетариату. Но это время прошло, и цепи тяжкого рабства снова опутали с ног до головы российский пролетариат. Замолк шум великой борьбы, его сменило молчание покорности. Полтора года тому назад, в ноябре 1908 г., пролетариат Петербурга и других городов нашел в себе еще достаточно сил для открытого выступления и, по призыву Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, заявил забастовкой свой протест против подлой комедии суда над социал-демократической фракцией 2-ой Государственной Думы.

С тех пор в России не было больше крупных проявлений массовой борьбы. Товарищи! Только глупец и малодушный могут отчаяться в великом деле пролетариата вообще, россий-

ского пролетариата в частности. Мы знаем, что в истории пролетариата бывали моменты упадка, когда могучий порыв не давал видимых результатов, когда победа доставалась врагу. Царям и буржуазии Западной Европы иногда даже удавалось наносить тяжкие поражения пролетариату. И рабочим приходилось снова спускаться в подполье, восстановлять свои организации, — залечивать свои раны. Но никогда, товарищи, соединенным силам правительства и капитала не удавалось задушить на долгие годы рабочее движение. Проходило немного времени, и снова перед буржуазией вставал грозный враг, готовый к новой борьбе, к новым победам. Все современное общество, вся современная жизнь постоянно толкают пролетариат на борьбу. Потому что, когда пролетарский кулак перестает бить изо дня в день по толстой броне, защищающей капитал, всегда и везде происходит одно и то же: буржуазия хищно набрасывается на рабочих и спешит отнять у них их завоевания: не только для новых побед, но для того, чтобы удержать старые, пролетариат должен быть на готове дать отпор... Таков железный закон классовой борьбы: кто не наступает, тот тем самым отступает.

Каждый год бездействия — это не просто год бездействия — нет, это всегда, неизменно — год тяжелых потерь. Даже ничтожные улучшения добываются только упорной борьбой, но достаточно хотя бы временно опустить руки, чтобы потерять многое.

Товарищи! Позади нас почти два года бездействия. Взгляните, что осталось от недавних богатых завоеваний? И что дала пролетариату жизнь без борьбы? Прекратило ли свои преследования, свои насилия правительство, прекратил ли свое наступление капитал? — Нет, как раз наоборот! Все силы, враждебные пролетариату, воспользовались его бездействием, чтобы отнять у него завоевания 1904 — 1905 г.г.

Бешеными преследованиями обрушилось правительство на социал-демократическую рабочую партию, на рабочие союзы. Пролетариат был совершенно лишен права собраний, у него вырвали сильнейшее оружие борьбы — его прессу. Вместе с правительством свирепствовал капитал, снова удлиняя рабочий день, понижая расценки, вводя снова штрафы. Правительство вносит в Думу законопроект, который урезывает даже старые законы, а большинство господской Думы идет еще дальше прави-

тельства по этому пути. Чуть не каждый день возникают в стране новые хозяйские союзы, объединяющиеся во всероссийский союз капитала — совет съездов представителей торговли и промышленности. Одна из главнейших задач его—борьба с трудом.

В трогательном единении «работают» в господской Думе царское правительство, крупный капитал и крепостническое дворянство. Там не иначе, как с проклятием на устах, говорят о пролетариате представители этой святой троицы; там куются новые цепи для пролетарских масс! Мир невозможен в современном обществе!

Товарищи! Пролетарской партии не пристало обманывать себя и других, не пристало рядиться в пестрые наряды иллюзии. Надо прямо, открыто признать: дело пролетариата, дело борьбы за свободу, за социализм, это великое дело переживает теперь в России тяжелое время, и только сам пролетариат может вдохнуть в него прежнюю мощь. Только покончив со своим теперешним бездействием, только прочно укрепив свои партийные организации, свои союзы, сможет он снова начать борьбу за улучшение своей жизни. И к этому-то укреплению пролетарских организаций и к восстановлению их там, где они разрушены, призывает вас, товарищи, Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.!

Конец бездействию!

Тяжелые мрачные годы с полной ясностью показали, чего может ждать российский пролетариат от нашей черносотенной законности: ничего, кроме гнета, ничего, кроме ухудшения своего положения. Вне борьбы—упорной, массовой—нет спасения. И борьба снова должна закипеть. С разных концов России приходят уже вести о том, что начинают оживать рабочие массы, начинают снова интересоваться великими целями пролетарской борьбы. Да будут же эти вести первыми ласточками возрождения пролетарской организации. Зовем мы вас, товарищи, с доброй верой в великое пролетарское дело приняться за укрепление Р. С.-Д. Р. П., за восстановление боевых экономических организаций пролетариата.

Довольно молчали мы, довольно бездействовали, уступая нашим врагам пролетарские завоевания, купленные кровью наших братьев! Вспомните, товарищи, когда пролетариат поднялся всей своей массой, перед ним трепетали все сильные мира

сего. Только в массовом братском согласии, только в массовой борьбе — наши победы. Мы знаем, как тяжелы теперь условия работы, но мы знаем, что нет таких препятствий, с которыми не смог бы бороться пролетариат, раз он понял, что вне борьбы нет выхода! Мы не можем организоваться и выступать на защиту своих прав открыто, легально. Отсюда один вывод: мы должны создать крепкие тайные организации.

30 лет тому назад германское правительство ввело исключительный закон против социал-демократов и закрыло все открытые социалистические организации.

Чем ответил ему германский пролетариат?

Он использовал все легальные возможности, которые ему оставались. Но он покрыл страну целой сетью тайных организаций, создал знаменитую «красную почту», которая по всей стране распространяла социалистическую литературу, звавшую рабочих к организации, к борьбе. Сумеет, должен суметь приспособиться к российским условиям и российский пролетариат.

Товарищи! Везде, где возможно, бросайте работу Первого Мая; везде, где возможно, собирайтесь и обсуждайте тот вопрос, важнее которого нет теперь для российского пролетариата: вопрос о том, как укрепить наши партийные организации, как готовиться к новой борьбе. На первых порах вас может быть будет мало, но важен пример. И ваш бодрый призыв не заглохнет в молчании, братские груди подхватят его!

Да здравствует Первое Мая! Да здравствует великий праздник труда, борющегося за социализм, за освобождение всего человечества, за действительное равенство, за действительное братство!

Да здравствует международная, да здравствует Российская Социал-Демократия!

Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

Да здравствует новая борьба за наши старые требования — за Учредительное Собрание, за Демократическую Республику!

Да здравствует Социализм!

Центральный Комитет
Российской Социал-Демократической
Рабочей Партии.

Первое Мая.

(Воспоминание.)

Как-то быстро в сутолоке жизни, в пылу борьбы промелькнули последние пятнадцать лет, проведенные то в тюрьме, то в ссылке, то в бегах на нелегальном положении, то за разнообразной партийной работой, подчас самой рискованной. И как много прожито за такой сравнительно короткий промежуток времени!

Бывали времена особенно тяжелые, особенно мрачные, когда, казалось, все небо сплошь покрыто свинцовыми тучами, низко нависшими над печальной безгласной землей, где в ожидании страшной грозы и непогоды притаилось и замерло все живое; когда думалось, что не будет никакого проблеска; когда жестокая рука самодержавия душила всякую светлую свободную мысль, всякий благородный порыв, давила направо и налево, отмечая свой путь виселицами и расстрелами.

Только могучая вера в конечное торжество великих идей придавала силы для борьбы в такие бесконечные, полные, на первый взгляд, безнадежности дни; она, как заветный огонек, манила уставшего духом в заманчивую даль, обещая несказанные радости победы, грядущие счастливые схватки с врагом.

И приходили и эти радости, были победы, не обманувшие томительных ожиданий, напряженной борьбы. Бывали светлые, чудные мгновенья, ослепительно озарявшие путь. Яркое солнце новой жизни щедро рассыпало свои лучи, прогоняя мрак и холод, и казалось, что темные силы реакции не в состоянии больше преградить его дальнейшее шествие.

Под его живительными лучами вся земля ликовала и пела, и звуки радостных гимнов высоко неслись к небесам.

Всякая мысль о враге была далека, но враг был не побежден, а временно разбит и быстро оправлялся.

После такого праздника, когда обнаглевшая реакция, забравшая снова силу, справляла свой кровавый пир, становилось тяжело и мрачно; ряды расстраивались на время, показывались изменники и дезертиры.

Тяжело было жить, трудно дышать, и многие, растратив свои силы в неравной борьбе, не выдержав тяжкого креста, взваленного на их плечи, ослабшие духом, отходили, сбившись на торную тропу и погрузившись в тину обывательщины.

Русский пролетарий не мог праздновать Первое Мая так, как бы он желал. Приходилось приспособляться к скверным российским условиям, брать где натиском, где изворотливостью. Там, где была хоть какая-нибудь возможность выступить открыто, пролетариат это делал, выходя на улицы городов с красными знаменами борьбы, подвергая себя избиениям и расстрелам со стороны царских опричников. Выходя на демонстрацию в те мрачные дни, революционер шел буквально на жертву: он не мог рассчитывать вернуться, по меньшей мере, не избитым; счастливчиков, благополучно проведших демонстрации, было немного.

Но часто бывало так, что выйти на улицу нет никакой возможности; тогда товарищи собирались где-нибудь в роще или овраге, за городом, и, схоронившись от зорких глаз ищеек, праздновали великий пролетарский праздник, призывая к борьбе; слабо раздавался голос рабочего, но все же находил себе отклик в таких же угнетенных собратьях, в широких кругах рабочих.

Томился ли революционер в тюрьме, прозябал ли в ссылке, он свято хранил в своей памяти день Первого Мая и старался его чем-нибудь ознаменовать даже в невыносимых каторжных условиях. В этот день все жили одной мыслью, одним желанием горели сердца всех.

В этот день в тюрьмах, если условия не были совершенно невыносимыми, раздавались революционные песни, за решотки окон выкидывались красные платки-знамена, и суровая тюрьма принимала необычайный для нее вид: бегали по длинным темным коридорам, гремя ключами, от волчка к волчку надзиратели, ругаясь и крича; суетилось начальство, не скупясь на угрозы и кары; нередко появлялся военный патруль.

За праздником наступали серые будни, расплата за нарушение правил и инструкций. Щедрое начальство не скупилось на репрессии.

Тяжелые, грустные воспоминания! Да не повторится ничего подобного вновь!

В ссылке, где жизнь, в общем, была свободнее тюремной, и Первое Мая праздновалось иначе.

Мне лично пришлось два раза встретить Первое Мая в ссылке и несколько раз в тюрьме.

Первый раз это было в 1911 г., в селе Б., в глухом углу Восточной Сибири, где жизнь текла слишком однообразно и тускло, чтобы можно было чувствовать себя удовлетворительно.

Ссыльных было в селе человек 10, но сорганизованных, крепко державшихся революционных традиций, было человек 6; остальные, элемент случайный в ссылке, держались в стороне, занимаясь своими житейскими делами, вышивая и поигрывая в картишки от скуки.

Вот наступило долгожданное Первое Мая (по старому стилю). Был прекрасный весенний день.

Все на время было забыто. Как прекрасна жизнь! И хотелось сказать: мгновение, остановись!

Захватив с собой полевой чайник и кой-какую немудрую закуску, весело болтая, шумно смеясь, мы отправились на гору, откуда был чудный вид на окрестности. Здесь на самом склоне горы разместились мы. Поднимаясь в гору, рос темно-зеленый сосновый лес, такой таинственный и манящий, что жалко было расставаться с ним; там внизу, к реке, раскинулось широкое, начинающее зеленеть поле, а дальше виднелась красавица-река, прекрасная и могучая; она была еще скована льдом, как броней, но время брало свое: лед темнел и рыхлел, и река готовилась разбить его на мелкие куски.

— Нет, вот я встретил однажды Первое Мая, так встретил. Угостили меня казаки воистину по-царски, — первый заговорил Вася.

— Что же это вы? Принимали боевое крещение?—спросил я.

Помолчав немного, он продолжал:

— Мы решили выйти на улицу. Наша группа была хорошо организована, была учащаяся молодежь, типографские рабочие, литейщики, рабочие железнодорожных мастерских. Прошли мы всего несколько шагов; городовые и казаки окружили нас кольцом; первые приняли нас в шашки, вторые — в нагайки; околоточные открыли стрельбу. Были раненые: знаменосца убили, но знамя мы отстояли. Я счастливо избежал нагайки и ареста

и уже разными закоулками и кривляками, дабы не привести за собой шпиков, пробирался домой, как вдруг из-за угла показался казак.

— Стой! — гаркнул он.

— Первое, что пришло мне в голову — это бежать. Казак за мной. Запнувшись о что-то, я растянулся во весь свой рост. Прискакал еще казак. Делать нечего, пришлось сдаваться. Поднялся. Мне скомандовали:

— Марш бегом!

Побежал. А мои конвоиры, погоняя лошадей, начали с двух сторон подбадривать меня нагайками. И так бежал я больше версты до участка; не думал, что останусь живой, а в участке городовые прибавили мне. Посидел в тюрьме, оправился и пошел в ссылку. Вот чем кончилось мое первое публичное заявление о том, что я хочу быть свободным гражданином.

— Стражники! — шепнул Гриша.

Действительно, внизу, по краю оврага, по тропе, протоптанной коровами, промелькнули две черные фигуры — то пристав послал своих ищеек за нами. Впереди сухой, высокий Шумов, хитрая лиса, всегда подлаживавшийся к ссыльным и доносивший о каждом нашем шаге его благородию; он идет как бы нюхая воздух, не пахнет ли где добычей.

За ним шли другие.

Посидевши немного для приличия, гости, к великому нашему удовольствию, удалились во-свояси.

Только когда солнце коснулось своим краем вершины высокого хребта, мы пошли домой. Музыка и песни не прекращались всю дорогу. В самое село мы вошли со звуками Марсельезы. Всполошились стражники, забегали по кривым переулкам, ища злых преступников, но было поздно. С тихой радостью, со светлой мечтой разбрелись мы по своим каморкам и долго потом не могли успокоиться и заснуть, полные только-что пережитого.

Вот другая дорогая сердцу картина проносится в моем воображении.

Мы собрались из пяти сел на праздник Первого Мая; веселой гурьбой отправились к мельницам, на реку, где скалы сжали ее в своих объятьях, и она, прыгая, как дикий зверь, по камням, белая от пены, стремительно несется вперед.

А Алексей, мой однодеревенец, и Павел, из соседней деревни, шутя и смеясь, ушли незаметно вперед от товарищей. Алексей несет целую четвертину хорошего, сладкого, домашнего квасу, специально приготовленного для праздника заботливой Марусей: у меня на руке висит корзинка со всякой снедью,—тут и пирожки, и булочки, и прочие хорошие вещи.

Общими силами мы развели большой костер; поленья ярко вспыхивают, высоко взметается кверху пламя. Часть товарищей сорганизовала хор, раздались звуки Марсельезы; песня росла и ширилась, соперничала с шумом неугомонного порога, оглашала ущелья диких угрюмых гор, впервые встревоженных звуками борьбы, мести, призывами вперед.

Здесь, в мрачной тайге, полной иной жизни и борьбы, вольно неслась песня возмущения и восстания человеческого духа против всей неправды и лжи жизни, а там, где остались друзья, было все глухо и подавлено.

Но подземная работа шла неустанно, подготовлялся громадный взрыв, мировой пожар. И мы, воодушевленные песней, верили, что рассвет недалеко, что сгинет мрак, и новые торжественные звуки неслись по полям и лесам.

И вот сбылись мечты, оправдались надежды. Не прошло и года, как великая революция освободила нас. В красной столице встречаю я май. Многотысячная толпа, море красных знамен, звуков, восторга — небывалая картина! Весь мир с изумлением смотрит на нас. Сердце радостно бьется в груди. И... вспоминается мне ссылка, тайга, наш тесный кружок; Первое Мая светлым пятном выделяется на общем темном фоне. Тогда—и теперь. Какое счастье! Я увидел то, к чему стремился, за что боролся и страдал. Забыто мрачное прошлое. Не нужно его. Я счастлив от одной мысли, что в этом великом торжестве есть частица моего я, моих трудов, и радостный иду в тесных рядах товарищей.

Вот оно:

Первое Мая — праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны,
Празднуйте Первое Мая!

„Правда“ 1918, № 88.

Абаш.

Первомайская прокламация 1914 г.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ.

Майский праздник рабочих всех стран, майский смотр сил пролетариата установлен ровно 25 лет тому назад. За эти четверть века во всех концах мира сплачивались полки сознательных рабочих, закаляя свои силы в борьбе с капиталистами и капиталистическими правительствами, объединяясь в союзы разных видов и в социалистические партии. И теперь десятки миллионов социалистов всего мира представляют из себя армию, которая во главе всех трудящихся и эксплоатируемых вступит в недалеком будущем в решительный бой с буржуазией, чтобы свергнуть наемное рабство, чтобы передать в руки самих рабочих землю, фабрики и все орудия труда.

Чем больше усиливается дороговизна жизни, чем наглее становится власть союзов капиталистов, тем яснее видят массы, что нет выхода, кроме социализма. Чем больше растет страх буржуазии перед пролетариатом, тем судорожнее хватается она за бешеные вооружения, давящие народы тяжестью миллиардных военных бюджетов, тем шире разливается повсюду волна протеста и возмущения. Тем быстрее близится день, когда пролетарские массы современных армий поднимутся вместе с проле-

тариатом на фабриках и шахтах и завоюют себе свободу от нищеты, от эксплоатации, от угнетения.

Долой капитализм и да здравствует социализм!

Долой постоянную армию и военщину, да здравствует народная милиция и мир между народами!

Долой наемное рабство и да здравствует 8-часовой рабочий день, как первый шаг, облегчающий трудящимся борьбу за полное освобождение! Вот тот клич, который на сотнях языков во всех концах мира объединяет Первого Мая пролетариат разных стран.

А в России нам приходится еще вести борьбу за свободу рабочего движения, за политическую свободу, которою пользуются давно цивилизованные страны.

Мстя за революцию пятого года, крепостники-помещики в союзе с капиталистами обрушились с преследованиями на рабочий класс, закрывая ежедневно общества, вполне легальные, и арестуя массами их деятелей.

Черносотенные шайки, подстрекаемые приближенными царя и самим царем, топчут ногами законы и открыто готовят еврейские погромы. Крестьянство в деревнях отдано на разорение кулакам, действующим в союзе с полицейскими и стражниками, которые ведут себя совершенно как в завоеванной стране. Травля «инородцев» и особенно евреев дошла до того, что даже сама послушная великорусская буржуазия начинает роптать и возмущаться. Продажность Савицких, Коковцовых, Барков и прочей гражданской и военной знати — повальная, и царская шайка покрывает ее. Борцов за свободу истязают неслыханным образом по тюрьмам и на каторге.

Ленская бойня 1912 г. разбудила пролетариат, и он снова поднимается во главе народа в борьбе за свободу. Стачки и демонстрации расшевеливают и вовлекают в борьбу крестьянство и войско. Все выше поднимается революционное движение! Все шире расходятся пролетарские лозунги свободы: Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Долой крепост-

ников-помещиков, их земли должны без выкупа отойти к крестьянам! Да здравствует 8-часовой рабочий день!

Товарищи! Распространяйте призывные клячи социализма и борьбы за свободу шире и шире в день Первого Мая! Устраивайте, где только можно, однодневные забастовки в этот день или уличные демонстрации, по решению местных организаций и групп Р. С.-Д. Р. П.! Привлекайте новых борцов и организуйтесь для грядущих революционных битв за свержение царской монархии!

Да здравствует социализм!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Да здравствует вторая революция в России!

Центральный Комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей Партии.

Первомайский номер газеты „Путь Правды".

Не робкими отдельными статьями, применительно к цензурным требованиям, отметила в 1914 г. рабочая газета «Путь Правды» день пролетарского праздника, а во всю первую полосу бросался в глаза общий заголовок статей:

«ПЕРВОЕ МАЯ».

И все статьи этого номера газеты пропитаны сознанием силы и едва сдерживаемого боевого порыва.

В статье «Год борьбы» указывается, что пролетариат считает время от Мая до Мая. За этот последний год сделаны громадные успехи. В 1913 г. Первого Мая по России бастовало 420.000 рабочих; 9 Января 1914 г. — 140.000; в связи с массовыми отравлениями в марте — более 280.000; против изгнания депутатов из Государственной Думы в апреле — 100.000. «А затем, самые разнообразные политические мотивы вызывали мобилизацию сил рабочего класса. Приговор над балтийскими матросами, гонения на рабочую печать, судебные репрессии против стачеч-

ников, дело Бейлиса, введение страхования... все это служило поводом к стачечным и демонстративным выступлениям. Усиление активности рабочих масс, рост их сознательности, рост среди них влияния марксизма и марксистской организации (то-есть рост большевизма и влияния партии) — вот основные результаты работы марксистов за этот год. Благодаря движению рабочего класса, Россия оказалась сразу сдвинутой с мертвой точки... Буржуазные партии... с тревогой заговорили о «надвигающемся революционном кризисе»... Вступая в новый год пролетарского движения, рабочий класс должен открытыми глазами взглянуть на то, что ближайшее время несет ему тяжелые испытания, ставит перед ним громадные задачи. Борьба общественных сил будет развертываться в еще более острых формах»...

«В еще более острых формах» — это уже был очень прозрачный намек на близость вооруженного восстания.

Далее идут статьи: «25 лет», «Из истории Первого Мая в России» (с указанием на грандиозность движения в революционные 1905 и 1906 г.г.), «Первое Мая на каторге».

Далее, в том же номере «Пути Правды» имеется несколько статей и заметок о рабочей печати, вопрос о которой продолжал быть боевым вопросом пролетариата; и тут же, подчеркивая связь открытого рабочего движения с деятельностью подпольной, нелегальной партии, поднят и поставлен «на очередь дня» вопрос об «общем совещании организованных, сознательных рабочих-марксистов», то-есть о созвании всероссийского партийного съезда.

Стоит еще отметить в этом же номере газеты басню Демьяна Бедного «Май». «Батрак» Лука решил не работать Первого Мая. Хозяин его уговаривает, потом грозит:

— Эй, милый, не дури... Одумайся пока...
Добром прошу... Потом ужо не жди поблажки...
Попробуешь, скотина, каталажки!..
До стражника подать рукой!..»
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил. Побагровел. Глаза горят, как свечи.
— «Хозяин! — вымолвил: — запомни... этот май».
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: «Слышь? Лучше не замай!»

«Лучше не трогай, не замай нас», — таково действительно было в это время настроение петербургских рабочих. Но у поли-

ции не оказалось в достаточной мере понимания этого настроения: в июле она «тронула» рабочих, вздумавши устроить на Путиловском заводе маленькое повторение ленской бойни. И едва сдерживаемый, справедливый гнев пролетариата вырвался в «более острой форме», чем забастовка.

Перед Первым Мая полицией были приняты небывалые меры пресечения. Ежедневно получались известия об арестах и обысках по всей России: из Одессы, Киева, Самары, Саратова, Ростова, Ярославля, Калуги, Москвы, Тифлиса, Варшавы, Вильны, Риги и т. д. Захватывались листки партийных организаций, делались налеты на собрания рабочих. И тем не менее, по подсчету «Пути Правды», сделанному в ближайшие дни после Первого Мая, в первомайской забастовке приняло участие рабочих: в Петербурге 280.000, в Закавказье 86.000, в Риге 44.600, в Москве 40.250, в Ревеле 16.000, в Харькове 15.000, в Н. Новгороде и Сормове 9.200, в Николаеве 8.000, на Рыковских рудниках 3.000, в Самаре 2.500, в Кулебаках 1.000, в Смоленске 800, в Гришине 800, в Воронеже 500, в Новгороде 190 и Армавире 150, а всего — 504.190 человек. Сверх того были получены известия, без указания числа рабочих, о забастовках в Херсоне, Туле, Нахичевани - на - Дону, Иркутске, Костроме, Таганроге и на Воткинском заводе. Сведения эти, очевидно, были неполны. Относительно Петербурга было указано, что легче перечислить предприятия, где Первого Мая работали, чем предприятия, рабочие которых бастовали. Несмотря на дождливую погоду, в Петербурге этот день ознаменовался обычными демонстрациями.

М. Ольминский.

Из эпохи «Звезды» и «Правды».
вып. I. 1921 г.

ПЕРВОЕ МАЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ И ЗАРОЖДЕНИЯ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА. (1915 — 1916)

Первомайский праздник буржуазии.

В 1914 году мировой пролетариат справлял 25-летие международного праздника 1-го Мая. В 1915 году первомайский праздник рабочих превратился в первомайский праздник буржуазии. Это тяжело, это горько вымолвить, но это надо признать для того, чтобы в полном сознании серьезности положения искать из него выхода.

Перед нами лежит центральный орган германской социал-демократии, и в нем мы читаем небольшую официальную заметку:

«Первое мая».

«Уполномоченные центральные инстанции рекомендуют организациям в нынешнем году, в виду особых условий, отказаться от прекращения работы в день 1-го мая. В виду этого, газеты 1-го мая не выйдут. Майские взносы не будут взиматься. Где удастся найти залы для собраний, рекомендуется вечером устраивать собрания членов. Особого майского издания в этом году выпущено не будет».

Эта маленькая сухая заметка будущему историку наших дней скажет о положении социализма, положении Интернационала во время войны, гораздо больше, чем десятки «успокоительных» статей и брошюр Каутского.

Германские социал-шовинисты опять берут на себя малопочетную инициативу в деле измены интернациональному знамени рабочих. Но не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что они, увы! не останутся одни, что за ними последуют социал-шовинисты французы, англичане и т. д. И первомайский праздник

труда, праздник социалистических надежд, праздник борьбы против строя капиталистического рабства, нищеты, человеконенавистнического шовинизма, будет сорван в этом году.

Этим самым 1-е Мая в нынешнем году превращается в праздник буржуазии. Некогда простой буржуазный демократ Якоби говорил, что образование любого рабочего союза важнее и больше значит для человеческой культуры, чем битва при Садовой. Теперь миллионная партия германского пролетариата находит, что бойня между Мозелем и Маасом или «успешный ход кровопролития в Бескидах» важнее, чем празднование миллионами рабочих своего пролетарского, социалистического праздника.

Восемь месяцев длится война. Буржуазия в это время не отменила ни одного из своих праздников. Религиозные праздники, праздники предрассудков и темноты, чтутся самым ревностным образом. В связи с войной религиозная пропаганда чрезвычайно усилилась. Поднял голову воинствующий клерикализм. Щедрой рукой буржуазия и реакционеры несут религиозный опиум в ряды миллионов солдат и в ряды изнемогающего под бременем войны, впадающего в отчаяние «мирного» населения. А рабочие-социалисты должны в это время добровольно отказаться от своего первомайского праздника.

Степень отзывчивости рабочих на идею празднования 1-го Мая всегда служила барометром их социалистической сознательности, их интернационализма, их готовности к жертвам и к борьбе против капитализма. В нынешнем году, поскольку дело идет о верхах официальной социал-демократии, барометр этот стоит ниже нуля. Социалисты превратились в социал-шовинистов.

Печальная картина, которую мы наблюдаем 1-го Мая 1915 г., послужит лучшей иллюстрацией к ответу на вопрос: кому нужна эта война? Не подлежит никакому сомнению, что одной из объективных задач нынешней войны, с точки зрения буржуазии, является: нанести удар нарастающему, как лавина, рабочему движению, отбросить назад социалистическую организацию рабочего класса, ослабить «красную» опасность, которая всюду вплотную надвигалась на буржуазию «передовых» стран. И 1-е Мая 1915 года принесет для буржуазии утешительную весть о том, что в известной мере ей,—по крайней мере сейчас, по крайней мере на время,—удалось решить эту задачу.

Полны тревоги и почти физического страха были представители буржуазии, когда в 1890 г. они ждали первого рабочего праздника 1-го Мая. С другой стороны, столь же полны радости, полны бодрой уверенности в успехе были лучшие представители рабочего класса. Фр. Энгельс с замиранием сердца ждал этого первого смотра рабочих сил и писал в 1890 г. своему другу Зорге, что для английского пролетариата участие в празднике 1-го Мая означает полную умственную революцию. А теперь, через 25 лет, самая сильная социал-демократическая партия, во имя буржуазной идеи «гражданского мира», призывает рабочих отказаться от празднования 1-го Мая. Это—символ. Это—гораздо больший грех, чем расстрел Реймского собора. Это—кульминационный пункт поругания социалистического знамени со стороны социал-шовинистов. Чаша стыда будет испита до дна.

Это ли не праздник для буржуазии?

Один реакционный писатель недавно сравнил положение официальной международной социал-демократии в этой войне с положением... католической церкви. Последняя тоже является международной организацией. Но война разорвала ее интернациональные связи и заставила добрых католиков Франции стрелять в не менее добрых католиков Австрии и т. д., совершенно так же, как заставила немецких социалистов с ружьем в руках пойти истреблять французских социалистов, и наоборот. Эта параллель в устах реакционера не лишена ядовитой меткости. Но социал-шовинисты пытаются еще ниже деградировать рабочее движение. Католическое духовенство все же не предлагало отменить его празднества, и в дни Рождества 1914—1915 г.г. солдаты обеих сторон согласились устроить самочинное временное перемирие.

После 4-го августа 1914 года некоторые депутаты германского социал-демократического «центра», голосовавшие за военные кредиты, говорили, что когда они подымали руку, одобряя ассигновки, у них было «в сердце ад». Но какой же подлинный ад будет гореть в сердцах пролетариев, которым в день 1-го Мая на том или другом театре войны придется направлять оружие в своих братьев-рабочих другой страны? Можно ли представить себе нечто более мучительное, нечто более трагическое?

1-го Мая 1915 года буржуазия всех стран берет реванш над международным рабочим движением. Отказ официальной социал-демократии от празднования 1-го Мая стоит для буржуазии иного выигранного сражения. Это—победа буржуазного принципа, и потому—праздник буржуазии всех без различия стран. Но все-таки—хорошо посмеется тот, кто посмеется последним. Разве можно себе представить, чтобы рабочие-передовики еще долго стали терпеть иго социал-шовинизма и молча сносить все унижения, которые приуготовляют рабочему движению оппортунисты в союзе с буржуазией? Разве может быть, чтобы при чтении циркуляра об отмене 1-го Мая по рядам лучшей части рабочих не пронесся ропот негодования, не сжались кулаки, не вырвалось проклятие по адресу тех, кто привел II Интернационал к этому позору?

Ныне ваш праздник, господа буржуа! Но будет еще праздник и на нашей улице. В уроках войны миллионы и миллионы рабочих научатся ненавидеть весь ваш подлый строй насилия, продажности, рабства и крови; они поймут, что если уж отдавать свою жизнь, то надо отдавать ее за наше дело, за дело социализма, в гражданской войне против буржуазии и правительств; они поймут, что только в революционной социал-демократии они находят надежного выразителя своих интересов. И кто знает, с таким ли благодушным спокойствием господа буржуа встретят 1-е Мая хотя бы уже в ближайшем 1916 году?

Г. Зиновьев.

«Социал-Демократ» 1 мая 1915 г.

Первомайская прокламация 1916 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РОСС. СОЦ.-ДЕМОКР. РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Первое Мая.

Товарищи рабочие и работницы!

Приближается ежегодный праздник пролетариата—Первое Мая. Каждый год в этот день миллионы рабочих всех стран бросают работу и на тысячах митингов и манифестаций провоз-

глашают свои революционные требования и лозунги и демонстрируют единство интересов и международную солидарность пролетариата всего мира. Каждый год в этот день красные знамена революционного социализма гордо веют на улицах и площадях городов, наводя трепет на буржуазное общество и вселяя в сердца демократии твердую уверенность в близком завоевании новой жизни, в близком торжестве социалистического идеала. Через головы правящих классов и служащих их интересам правительств, стремящихся разъединить народ, чтобы господствовать над ними, сквозь рогатки искусственно созданных границ и прочие преграды, рабочий класс каждой страны с братским приветом протягивает в этот день руку пролетариату всех других стран, вновь подтверждая свою непреклонную волю—довести борьбу за новый мир до победного конца.

В этом году международный пролетариат встречает свой праздник в небывало тяжелых условиях. Кровавый кошмар войны, затеянной правящими классами в целях взаимного грабежа, не только не рассеивается, но принимает все более отвратительные формы, втягивает в свой круг все новые государства, поглощает все новые и новые миллионы жертв. Лучшие силы демократии бесславно гибнут на полях сражений в преступной братоубийственной бойне, своей драгоценной для человечества кровью обильно орошая ниву гнусной капиталистической наживы, отдавая свою жизнь на обогащение тех, от кого все зло и насилие в мире. Миллионы сирот и вдов, лишенные крова и пропитания, терпят все ужасы нищеты; человечество быстрыми шагами идет по пути обнищания, истощения и вырождения, и все это—жертва молоху капитализма. Такие ужасные жертвы еще никогда не приносились этому хищному богу!

Но не только материальное истребление и обнищание принесла с собой война. Она грозит уничтожением лучших ценностей человеческой культуры: ядовитые газы шовинизма, национальной ненависти и травли, казалось, обреченные на быструю смерть, снова проникли во все углы и отравили сознание человечества, не исключая даже лучшей части его—демократии. Во всех воюющих странах некоторые круги социалистической демократии провозгласили защиту отечества своим кровным делом и нарушили международную солидарность пролетариата, приняв

войну. Под ударами воинствующего национализма, взорванный изнутри социал-патриотами и ренегатами, распался Второй Интернационал...

Рабочий класс России уже второй год встречает 1-е Мая в условиях войны. И условия борьбы его становятся все тяжелее и тяжелее. Под предлогом «обороны страны», романовская монархия, при полном сочувствии всей буржуазии, все крепче сжимает тисками военного положения горло задыхающейся страны. Задавив рабочую печать, заглушив всякое свободное слово и честную мысль, правительство Николая II стремится прежде всего расправиться с самым ненавистным и страшным для него врагом—пролетариатом, и терроризует страну бесчисленными арестами, ссылками и прочими видами административной расправы. На заводах введено военное положение, которым правительство желает окончательно сковать революционную волю рабочего класса и лишить его всякой возможности сопротивляться безудержной эксплоатации капитала. Военно-полевые суды чинят суд и расправу, а в дальних областях Сибири томятся лучшие борцы пролетариата, лучшие сыны народа, силой оторванные от его жизни и борьбы.

Но год прошел не даром: за протекшие месяцы пролетариат России вел напряженную, стойкую борьбу против наступающего капитала, против царской власти и поддерживающих ее сил. Эта неравная борьба в атмосфере всеобщего одичания и разгула зверских национальных страстей была неслыханно трудна и потребовала множество жертв. Но из каждой стычки с царизмом пролетариат выходил еще более закаленным, и все новые и новые борцы становились на места ушедших. И недалек уже день, когда решительным ударом рабочий класс России вырвет власть из рук зарвавшегося царизма и положит предел преступной войне.

Второй Интернационал погиб под натиском дикого шовинизма. Но, как сказочная птица-феникс, из пепла его возродился Третий Интернационал. Под гром орудий и гнусные выкрики озверевших человеконенавистников, несмотря на измену в собственных рядах, лучшие силы пролетариата во всех странах снова высоко подняли знамя революционного международного социализма. И теперь всюду: и в Германии, и в Австрии, и во

Франции, и в Англии, идет героическая революционная борьба. Интернациональный пролетариат знает, что главный враг каждого народа находится в его собственной стране—его правительство и правящие классы; что именно против этого врага должны бороться народы и, выставляя ближайшим требованием немедленное прекращение войны, стремиться к восстановлению Интернационала. Только объединенный международный пролетариат, взяв власть в свои руки, может мощным усилием прекратить позорную бойню и спасти человечество и его культуру от дальнейшего уничтожения.

Рабочий класс России с самого начала войны стоял на позиции революционного интернационализма и непрерывной классовой борьбы, и лишь незначительные слои его поддались угару шовинизма, заявив себя сторонниками «защиты отечества». И теперь, в день Первого Мая, российский пролетариат снова протянет руку товарищам по ту сторону границ и подтвердит свою солидарность с ними в общей великой борьбе. Мощный клич: «Долой войну! Да здравствует братство народов! Да здравствует гражданская война!»—раздастся на всех митингах в день 1-го Мая, будет вынесен на улицу революционными демонстрациями, пронесется по всей стране, и, властно провозгласив свою волю, российский революционный пролетариат призовет все живые силы страны на последнюю решительную борьбу с романовской монархией за освобождение народа, за раскрепощение страны.

Товарищи работники и работницы! Петербургский комитет призывает вас в день 1-го Мая оставить работу, выйти на улицу и на митингах и демонстрациях вновь развернуть красные знамена революционной международной солидарности пролетариата и бросить клич: «Долой войну!». Пусть в этот день на всю страну, на весь мир прозвучат наши лозунги:

Долой романовскую монархию! Долой позорящую человечество кровавую бойню!

Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день!

Да здравствует международная солидарность пролетариата и третий Интернационал!

Апрель 1916 г.

Петербургский комитет Р. С.-Д. Р. Партии.

ПЕРВОЕ МАЯ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
(1917)

Первое Мая.

Третий год проходит с тех пор, как хищническая буржуазия воюющих стран втянула мир в кровавую бойню.

Третий год проходит с тех пор, как рабочие всех стран, вчера еще кровные братья, ныне переодетые в солдатские шинели, стоят друг против друга, как враги, калеча и убивая друг друга—на радость врагам пролетариата.

Массовое истребление живых сил народов, массовое разорение и нищета, развалины когда-то цветущих городов и деревень, массовый голод и одичание—все это для того, чтобы кучка коронованных и некоронованных хищников грабила чужие земли и загребала бешеные миллионы,—вот куда ведет война.

И мир стал задыхаться в тисках войны...

Душно стало народам Европы, и они уже подымают голову против воинствующей буржуазии.

Русская революция первая пробивает брешь в стене, отделяющей рабочих друг от друга. В момент всеобщего патриотического опьянения русские рабочие первые провозглашают забытый лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

При громе русской революции подымаются от спячки рабочие Запада. Забастовки и демонстрации в Германии, манифестации в Австрии и Болгарии, забастовки и митинги в нейтральных странах, все усиливающееся брожение в Англии и Франции, массовое братание на фронтах,—таковы первые ласточки нарастающей социалистической революции.

А сегодняшний наш праздник, праздник 1-го Мая,—разве это не праздник того, что в потоках крови куются новые узы братства народов?

Горит почва под ногами хищников капитала, ибо вновь взвивается над Европой красное знамя Интернационала.

Так пусть же сегодняшний день, день 1-го Мая, когда сотни тысяч рабочих Петрограда братски протягивают руку рабочим всего мира, послужит залогом зарождения нового революционного Интернационала.

Пусть лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», раздавшийся сегодня на площадях Петрограда, облетит мир и объединит рабочих всех стран в борьбе за социализм.

Через головы хищников капитала, через головы их грабительских правительств протянем руку рабочим всех стран, провозгласив:

Да здравствует 1-е Мая!

Да здравствует братство народов!

Да здравствует социалистическая революция!

«Правда» 1917 г., № 35, от 1 мая.

1 Мая 1917 г.

1-го Мая 1917 года записана славная страница в истории русского и международного рабочего движения.

С раннего утра со всех концов города к Марсовому полю, Исаакиевской и Дворцовой площадям начали стекаться массы рабочих, работниц, солдат и подростков с красными знаменами, с пением революционных песен и с музыкой.

Погода как нельзя более благоприятствовала пролетарскому празднику. Весеннее солнце освещало радостный день. На Мраморном, Зимнем и Мариинском дворцах красовалась огромная надпись: «Да здравствует Интернационал!»

Если бы европейские буржуа, немецкие, английские и французские, видели этот день, видели эту рабочую и солдатскую стихию, вышедшую из берегов, они бы поняли, что их войне приходит конец. Повсюду наши лозунги, наши требования встречали всеобщее сочувствие, и совершенно в беспомощном поло-

жении оказывались те, которые и в этот день международной солидарности пролетариата должны были бросать массам лицемерные призывы вести войну до конца.

Повсюду, куда ни кинь взор, море голов вперемежку с яркими красными пятнами, повсюду живое стремление покончить с этой войной, через головы буржуазных правительств и правящих классов.

Почти на всех знаменах надписи: «Да здравствует Интернационал!»

Особенно выделяются надписи на знаменах:

П о м е щ и к и в о к о п ы!

В о й н а д о п о б е д ы . . . н а д б у р ж у а з и е й!

О п у б л и к у й т е т а й н ы е д о г о в о р ы!

На одном знамени изображены русский и немецкий солдат, отделенные окопами. Русский солдат братски зовет немецкого: поспевай, товарищ, скорее...

На Исаакиевской площади какие-то неизвестные личности заявили, что они не допустят говорить с их трибуны противникам войны, но им не удалось помешать блестящему интернационалистскому выступлению товарища кронштадтского матроса. Сами солдаты, в том числе прибывшие с фронта и вынесшие на себе все ужасы войны, выступали с решительным протестом против политики Временного Правительства.

Интересную картину представлял митинг, случайно собравшийся в помещении П. К. Р. С.-Д. Р. П. Собравшимся был сообщен слух из газеты «Новая Жизнь» об образовании в Берлине Совета Рабочих Депутатов, объединяющего свыше 350.000 рабочих, о стачках и демонстрациях немецких оборонцев воспрепятствовать им в этом. Известие это было встречено собравшимися солдатами, матросами и рабочими с энтузиазмом. Но особенно глубокое впечатление произвело выступление двух товарищей—солдата и матроса—беспартийных, которые в сильных речах живо описали всю тяжесть войны для непосредственных участников ее и выразили чувства и мысли солдатской массы, умирающей в окопах, ее непреклонную волю к миру, рассказали о непрекращающемся братании русских, австрийских и немецких солдат, указали на то, что это братание перестало быть случайным явлением, происходит ежедневно и по нескольку раз в день,

что это братание между солдатами враждебных армий и есть истинный путь к миру между народами. Товарищ матрос из Кронштадта разоблачил клеветническую кампанию буржуазной печати против революционного Кронштадта и заявил, что революционный Кронштадт стоит и останется бдительно стоять на-страже завоеванной солдатами и рабочими свободы. Этот случайный митинг так же, как и ряд других, прошел с необычайным успехом.

После того, как Ц. К. и П. К. со знаменами пошли к зданию, в котором помещается бюро Ц. К. и П. К., за ними последовал целый ряд национальных, профессиональных и районных организаций.

Каждая организация останавливалась у дома перед балконом, где их приветствовали от имени Ц. К. и П. К. и развивали платформу этих учреждений.

Представители кронштадтских матросов и представители профессиональных союзов портных, шапочников и обмундировочных мастерских особо приветствовали товарища Ленина, как вождя и выразителя их воли.

1-го Мая 1917 года братание солдат и рабочих показало, что интересы тех и других едины, что они спаяны одним могучим стремлением закончить войну между капиталистами миром между народами. Это был наш день, и его не забудут рабочие и солдаты. Его международное значение сейчас мы еще не в состоянии оценить, но ясно одно, что это действительный шаг вперед к новому, революционному—Третьему Интернационалу. Со времени установления 1-го Мая международным пролетарским праздником, Европа не видала ничего подобного.

Г. Сафаров.

«Правда» 1917, № 36, от 3 мая.

В борьбе за братство народов.

Это было в 1917 году.

На позициях западного фронта, между озерами Вишневское и Нароч, стоял в окопах 220-й Скопинский пехотный стрелковый полк. Здесь месяцами без передышек кипели адские бои, пока полк, насчитывавший около 2.000 бойцов, принял к себе около

50.000 пополнения, т.-е. 25 раз совершенно был избиваем и восстановляем. Люди дошли в землянках и окопах до полного одичания, отвыкая даже от человеческой речи, сохраняя только обостренную способность воспринимать слова команды да звериный инстинкт боевого самосохранения.

И вдруг молниеносные слухи о революции в Петрограде. Слухи смутные, жуткие, волнующие, отравляемые офицерскими противодействиями, контр-революционными приказами начальства. Теряясь в догадках, мучась и волнуясь от неизвестности, полк послал, наконец, своего делегата-солдата в Петроград, чтобы привести на позиции «лектора», так как слово агитатор было еще запрещенным, чужим словом.

«Лектор» приехал накануне 1-го Мая. Трудно описать невероятный подъем, воодушевление, охватившие солдатские массы при разъяснениях о событиях в Петрограде, о свержении царизма, о начале революции. И первым решением измученной, полузверинои солдатской массы было решение организовать 1-го мая, в день празднования международного братства трудящихся, — братание с своим ожесточенным врагом.

Почин сношения с немцами взял на себя прапорщик Поскакухин, своими личными боевыми и организаторскими качествами вышедший из рядовых и имевший все четыре георгиевских отличия. Не взирая на ожесточеннейшее сопротивление командного состава, на отданное категорическое приказание расстреливать всякого, осмеливающегося выйти из окопов к неприятельской армии, Поскакухин вместе с телефонистом Филипповым в 4 часа утра 1-го мая встали на бруствер окопов, постояли так несколько мгновений, вытянувшись во весь рост на виду у обоих враждующих армий и, сойдя вниз, спокойно пошли к немцам.

По приказу командиров, наша артиллерия немедленно открыла огонь по своим храбрецам, но скопинцы, схватив винтовки, бросились к артиллеристам с требованием немедленно прекратить стрельбу. И это требование вчерашних забитых, бессловесных людей было так грозно, что стрельбу прекратили сами командиры.

Через три часа томительного ожидания Поскакухин вернулся в сопровождении лейтенанта 3-й ландверной прусской дивизии К. К. Бауэрмейстера, который долго уговаривал отказаться от

вредной затеи братания, предлагая привести, вместо своих солдат, группу офицеров, говорящих так же хорошо, как и он, по-русски. Но наши стояли на своем: «Хотим объяснить вашим солдатам, что это за мир без аннексий и контрибуций, которого мы теперь добиваемся».

Хитрый, вышколенный, вымуштрованный немчик-лейтенант тщетно пытался подметить, не скрывается ли за столь мирным предложением вывести немецких и наших солдат в междуокопное пространство для взаимной беседы какой-либо боевой хитрости. Но нет, наши так открыто, по-русски вываливали наружу все свои мирные намерения, так горячились, горланили, спорили, убеждали, объясняли, доказывали, радовались революции и т. д., что Бауэрмейстер, наконец, согласился вывести за окопы своих солдат ровно в 5 ч. вечера. На том и расстались.

В вечернем мягком свете заходящего солнца лежала разоренная, испепеленная боями равнина. Ни одной деревушки, ни одной избенки. Все сожжено, разбито, уничтожено на много верст кругом. Только на штабных картах сохранились названия сел и деревень, да около одного из окопов грудою кирпичей торчал кусок стены костела, разнесенного артиллерией.

Ровно в 5 часов наша маленькая группа, во главе с тем же Поскакухиным, вышла из окопов. И моментально по всей нашей линии укреплений выросла, как живая стена, человеческая масса. Со стороны немцев все было тихо, безлюдно, и только два германца стояли в «секрете», окутанном колючей проволокой, и неподвижно наблюдали за нами.

Мы шли между грудами железной паутины, опутавшей каждый бугорок, выступ и ложбину. Кругом поблескивали медные гильзы от патронов и стаканы шрапнелей. А сзади десятки тысяч глаз напряженно глядели в нашу сторону и в сторону притаившейся, неслышной и незаметной враждебной армии.

Выйдя на поляну, лежащую как раз посредине между боевыми линиями, наша группа остановилась и огляделась. Впереди, за проволочными заграждениями, стояли одинокие фигуры германских офицеров со стеками, биноклями и хлыстами в руках.

Ни одного немецкого солдата не было видно. Кругом на нашу поляну было наведено и с нашей, и с противоположной стороны до сотни пулеметов.

— Наши тоже наготове стоят у пулеметов и орудий, — сказал Поскакухин. — Чуть что... останется от нас одна каша.

Мы сели на траву в кружок и принялись ждать. Тотчас же из германских окопов, как поплавки, вынырнули солдатские головы и стали вытягиваться, жадно вглядываясь в нашу людскую кучу.

— Прочь! Вниз! По местам! — крикнули немецкие офицеры, и головы вновь юркнули в землю, и опять стало безлюдно и тихо.

Но через несколько мгновений головы вновь вынырнули и вновь стали подыматься все выше и выше. Словно невидимая магнитная сила тянула их от земли вверх, преодолевая власть палочного страха. Напрасно кричали офицеры; солдаты становились смелее и смелее.

А на нашей стороне было уже черным-черно от народа, вылезшего из окопов. Далеко-далеко, как светлая звездочка, сверкала группа людей в белых кителях, за версту от окопов наблюдавших за нами.

— Корпусный командир,— разглядел в бинокль Поскакухин. — Примчался полюбоваться.

А человеческое море с нашей стороны уже вышло из берегов-окопов, и солдатская масса залила все междуокопное пространство. С русской медвежьей развалочкой подвигались наши на немецкие окопы. Трещали, рвались о проволоку шаровары и шинели, разухабисто разливалась гармоника.

Вот послышались улюлюканье, хохот и крики. Это из кустов выгнали притаившегося зайца и принялись гонять ошалевшего зверька.

— Стой, ребята, наш скопинец лежит! — раздался возглас.

В кустах наткнулись на полуистлевший труп нашего солдата. Бои здесь были столь продолжительными и ожесточенными, что даже трупов убирать не было возможности. Раскинув руки над головой, лежал мертвец, обратив свое синее, оскаленное лицо, и словно заливался беззвучным смехом, глядя на лазурное

небо пустыми впадинами выклеванных глаз. Бесцеремонные земляки стали переворачивать, тормошить труп, и в воздухе глухо стукнула кость о кость.

— Гляди, ребята, сорок восемь рублей в кошельке! — продолжали исследование земляки, словно ни в чем не бывало, словно не находясь под настороженными дулами пулеметов, готовых все смешать с прахом.

— И все бумажками!

А германские офицеры из сил выбивались, стараясь загнать своих солдат в окопы. Но те лезли все настойчивее и настойчивее навстречу нашим, уже подошедшим вплотную к окопам противника, уже кое-где перелезшим проволоку к немцам, а в одном месте даже перебравшимся за окопы. Весь вид, все поведение немецких офицеров говорили о крайней растерянности и настороженности. Одной рукой немецкий офицер отмахивался от наших, напиравших с добродушной назойливостью, другой гнал своих прочь.

Но их делегации не было видно совсем. На все наши вопросы их офицеры пожимали плечами и растерянно улыбались. Прошел час-другой в ожидании. Дело выходило дрянь, и могло кончиться плохо.

Вдруг высоко-высоко вверху послышалось точно жужжание комара и почти тотчас же раздались глухие удары наших пушек. Это немецкий аэроплан летит вдоль боевых линий, высматривая, не делаем ли мы, вместо братания, каких-либо военных приготовлений. Вокруг аэроплана порхали белые клубочки шрапнельных разрывов и казалось, что они летели не в него, а, наоборот, сам аэроплан разбрасывал в голубом просторе белоснежные пушистые шарики.

— Тиюууу! тиюууу!—пели шрапнельные стаканы, падая с огромной высоты и с визгом врезаясь в землю.

Вдруг среди немцев произошло движение, и на поляну разом вышла группа солдат, во главе с Бауэрмейстером. В противоположность нашей рыхлой, доверчивой текучей солдатской массе, немцы держались плотно друг к другу, сомкнуто и настороженно. Видно было, что каждую минуту они готовы были ринуться в бой. Все до одного были со знаками боевых отличий.

Мы сошлись и подали друг другу руки. Немедленно наша солдатская масса залила, как потоком, и скрыла в себе, поглотила, затопила наши обе организованные группы.

— Ну, что же, когда кончим войну? Долго ли будем живодерничать друг над другом? — посыпалось с нашей стороны. — Мы теперь—без аннексий и контрибуций. Давайте по шапке вашему кайзеру, как мы своему, — и будем мириться. Народ с народом, а не царь с царем...

Бауэрмейстер сделал испуганно-трагическое лицо и даже попятился.

— Ради бога!.. Не трогайте священной особы нашего кайзера! Он всегда, всегда желал мира, но Франция, Англия...

И он принялся выкладывать перед нашими весь свой скудный солдатский запас политически-казарменных идей. Наши посменивались и за его спиной как-то уж успели разбить на одиночки его бравых кавалеров железного креста и, окружив их, беседовали при помощи звукоподражания, рук, ног и выразительной мимики. Все глядели исподлобья и озирались по-волчьи.

И только один солдат-гигант выделялся среди всех немцев. Могучий, огромный, с мозолистыми, как лапы медведя, руками, он, как пришел, сел на землю у ног нашей маленькой группы и не спускал восторженных влюбленных глаз с нас. С каким-то детским мягким приветом вглядывался он в лица наших солдат, делегатов. И все улыбался и прикладывал руку к шапочке.

— Это кто? — спросили мы у Бауэрмейстера после бесплодных попыток заговорить с гигантом, который один из всех немцев не знал ни слова по-русски.

— Это... — нахмурился Бауэрмейстер, отводя глаза в сторону,—это, знаете ли... не совсем нормальный... идиот. Он все равно ничего не может понять, — видимо врал смущенный лейтенант.

А «идиот»-гигант, очевидно, поняв, что говорят о нем, мельком взглянул на офицера, и точно тень пробежала по его лицу. Затем мягким осторожным движением он взял в обе руки руки близ стоящих двух товарищей, подержал их, ласково пожимая и заглядывая в глаза русским солдатам, затем пожал руки еще двоим, затем еще, еще. И все это молча, с невыразимо ласковым детским взглядом.

Кругом уже кипели страстные споры, агитация. Германские солдаты, уже не слушая начальства, тянулись к нам, и две армии точно сливались в одну человеческую толпу. Наши уже толкались в германских окопах и кое-где даже угощались чайком.

— Вы воюете с нами под начальством ненавистных нам французских офицеров-инструкторов, — горячился, кричал немец.

— Откуда это вы вздумали?

— А вот! Это что? Не француз?! — с торжеством обличителя показал немец на одного из наших солдат во французской каске, рывшегося в земле и отыскивавшего алюминиевые трубки для ложек.

— Гей, Афанасьев, подь-ка сюда! — позвали «француза» товарищи. Тот подошел.

— Ты, говорят, француз, — обратились к нему наши, усмехаясь.

Усмехнулся широкой мужицкой усмешкой и «француз», показав такую ширь улыбающегося калужского лица, что немец смущенно замолчал под общий хохот.

— Довольно! — резко крикнул, наконец, Бауэрмейстер. — На сегодня довольно.

Его солдаты быстро собрались в кучу.

Прощаясь как можно любезнее, козыряя направо и налево, Бауэрмейстер спешил увести своих солдат и неожиданно выдал еще раз свою тревогу.

— Только, — вдруг вытянулся он перед нами официально, — ночью пожалуйста не ходите к нам. Ночь — страшная, серьезная шутка.

— Ладно, — ухмылялись наши, — мы к вам утром... кофей пить... со шнапсом...

Немец еще раз криво, но почтительно улыбнулся и, выстроив свою кучку, двинулся к своим окопам, где кишмя-кишели наши солдаты.

Ночью по всей линии фронта заплясали бледные огоньки немецких ракет. Всю ночь немецкие начальники приказывали освещать боевые пространства, боясь нашей ночной атаки. Боялись атаки, не зная, что в некоторых местах в немецких окопах первой линии уже сидели наши солдаты в перемежку с гер-

манскими и вели бесконечные разговоры об общих страданиях, о близком мире.

В полночь на наших линиях загудели, заныли полевые телефоны, передавая телефонограмму из штаба 3-го корпуса.

По имеющимся в штабе точным сведениям, около 4-х часов утра немцы готовятся произвести атаку, обстреляв предварительно позиции химическими снарядами.

Как один, все солдаты дивизии бросились к ружьям и заняли боевые посты. Несмотря на пережитые, необычайные волнующие часы первомайского братания, все горели желанием дать жестокий урок врагу, так скверно, так зверски собиравшемуся ответить на братский смелый порыв.

Но прошел 4-й, 5-й, 6-й час, — ни атаки, ни газов не было. В 6 часов в расположении одного из соседних со скопинцами полков послышались крики в болоте. Наши бросились туда и вытащили из трясины четырех немцев-перебежчиков, направлявшихся к нам. Пятый перебежчик утонул. Это были первые результаты первомайского братания. Атаки так и не было.

А по всему фронту уже летели тревожные телеграммы: и в Питерский Совет, во временный комитет Государственной Думы, совет министров, Чхеидзе и др. сообщалось о необычайном, возмутительном происшествии на фронте 1-го мая. Заговорили о большевистских шпионах, германском золоте. Для ареста «лектора» был послан целый рой «патриотов», а военное высшее командование отдало приказ об уничтожении «изменников» на месте преступления.

Началась жестокая борьба, кровавая, за идею братства народов. Скопинский полк, как стая львов, до самой октябрьской революции отбивался от наседавших на него со всех сторон «ударников», казаков, меньшевистских агитаторов. Прапорщик Поскакухин после демократического суда и нескольких выстрелов из-за засады получил 12 лет каторги.

Но, когда загремел гром Октябрьской революции и по всему фронту был отдан приказ Совнаркома о немедленном заключении перемирия каждой частью, фронт дрогнул и заколебался. Слишком уж необычайное в мировой истории явление было это перемирие.

И здесь 220-й Скопинский полк, а с ним вся знаменитая 55-я дивизия смело признали первую волю первого в мире рабоче-крестьянского правительства. Без малейшего колебания, первыми вступили они в переговоры с немцами и организованным путем заключили перемирие, формально разработав и подписав его с представителями обеих враждебных армий.

Доставить этот договор и первое сообщение о перемирии выпала честь на долю все того же Поскакухина.

А. Сергеев.

«Правда» 1921, № 93, от 1 мая.

ПЕРВОЕ МАЯ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(1918 — 1923)

Воззвание В. Ц. И. К. 1918 г.

К ТРУДОВЫМ МАССАМ ВСЕХ СТРАН, ВСЕМ СОВЕТАМ, ВСЕМ, ВСЕМ И ЗА ГРАНИЦУ.

В день 1-го Мая, в день международного рабочего праздника Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов шлет свой братский привет всем товарищам-рабочим и беднейшим крестьянам всех стран, всем борцам за дело освобождения трудовых масс. Впервые после постановления о пролетарском празднике 1-го Мая на международном конгрессе в 1889 году в Париже пролетариат имеет пример непосредственного участия в празднике государственной власти. Вся политическая власть в России в руках пролетариата и беднейших слоев города и деревни, объединенных в Советы. И государственная власть — Советская власть — власть трудовых масс — 1-го Мая выйдет на свой праздник. Через годы тяжелой войны, через десятки сотни жертв прошел рабочий класс к власти. Пока он взял власть лишь в России. 1-го Мая международный пролетариат, из года в год, в одной стране за другой подсчитывал свои силы, производил смотр своим трудовым батальонам. Силы росли, крепла мощь рабочего класса. Из года в год рабочий класс во всех странах выдвигал в день 1-го Мая свои боевые лозунги. Из года в год рабочий класс в день 1-го Мая демонстрировал свою международную солидарность, призывал трудовые массы всех стран сплотиться в одну общую мощную армию для низвер-

жения капитала. Империалистам удалось затеянной ими в своих интересах войной внести расстройство в пролетарские ряды. Прошли месяцы, несколько лет войны, а взаимоистребление трудовых масс различных стран в интересах империалистов еще продолжается. Но расстроенные ряды трудовой рати снова приходят в порядок. Растет и крепнет сплоченность рабочих батальонов во всех странах. Россия первая дала пример власти трудовых классов. За ней последуют другие страны. Победа рабочего класса в России воодушевляет к последней решительной битве рабочих всех стран. В одном месте мира за другим готовятся рабочие к последнему бою. Пусть еще не вспыхнуло повсюду восстание угнетенных против угнетателей. Мы твердо знаем, что победа трудовых масс неизбежна. Пусть медленно надвигается международная коммунистическая революция — мы знаем, что она придет. Пусть пока только в России трудовые массы достигли победы. Мы знаем, что во всем мире нет силы, способной остановить победоносное шествие рабочих. Пусть наш пример зажжет энтузиазм, жажду борьбы, стремление к сокрушению врага в сердцах рабочих масс всех стран. В день 1-го Мая мы, граждане Советской социалистической республики, свое первое слово должны обратить к нашим братьям в других странах. Нас охватывают плотным кольцом империалисты-грабители всех стран. Наша борьба неимоверно тяжела, мы истекаем кровью. Наши братья-рабочие во всех странах должны притти к нам на помощь. Мы взвалили на свои молодые, еще не окрепшие плечи неимоверно тяжелую ношу. Они должны разделить ее с нами. В день 1-го Мая мы напоминаем о международной солидарности трудящихся. Мы напоминаем наш старый боевой клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Мы сделали своим государственным знаменем боевое знамя рабочих всех стран — красное знамя. Под нашим знаменем собираются пролетарии всех стран, под наше красное знамя зовем мы всех угнетенных. Под наше знамя все, кому дороги интересы рабочего класса! В день 1-го Мая рабочий класс всех стран год за годом провозглашает борьбу против милитаризма. Во всех странах на знаменах первомайских демонстраций стоял лозунг: «Долой милитаризм!». Мы вместе с рабочими всего мира объявили войну войне, но не к разрушению зовем мы трудовые массы

Российской Советской республики. Пока еще не сломлено господство буржуазии в других странах. Ненавистью полна она к нам, сбросившим с себя ярмо капитала. Со всех сторон угрожают нам хищники капитала. Все, кому дороги интересы трудящихся, все, в ком горит вера в торжество труда на земле, все, в ком горячо бьется сердце, — все под наши знамена! Мы должны создать свою мощную армию, Красную Армию трудовых масс. Наша тяжелая борьба, тысячи наших, погибших в борьбе, товарищей, миллионы еще стонущих под игом капитала в других странах — все зовет нас к упорной борьбе. Мы должны создать свою боевую сплоченную Красную Армию и мы создадим ее. Все в ряды, все под ружье! Мы сломили буржуазию, но мы еще не перестроили по своему всю жизнь. Все свои силы мы должны отдать созиданию, строительству новой жизни. Только организованной дружной работой закрепим мы свою победу. Победив капиталистов, мы должны победить и собственную неорганизованность. Мы уверены, что сознательные рабочие железной рукой установят трудовой порядок и революционную дисциплину. Все за работу по строительству новой жизни! Велики задачи, стоящие перед Советской властью. Мы должны выполнить их, и мы их выполним. Пусть трубным кличем прозвучат наши призывы в день 1-го Мая: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, вступайте в решительный бой! Защита Советской республики с оружием в руках — священный долг каждого рабочего и бедняка города и деревни! Все в Красную Армию! Да здравствует Советская власть!

Всеросс. Центральн. Исполн. Комитет Советов.

1918 г.

Первый октябрьский Май.

Доброй памяти великого зажигателя сердец — тов. Володарского.

I.

В окно заглянул голубой рассвет. Встаю, срываю с календаря листок — и перед глазами вырос огненный столбик, а повыше три буквы: м а й.

— Проспал, — мелькнуло в голове. Поспешно одеваюсь и с шестого этажа чуть не кубарем скатываюсь во двор. Над головой голубой платок неба говорил о хорошей погоде.

Иду вдоль пустынной улицы к Невскому.

Из-под каблуков бубнят выстрелы и перекликаются в эхо.

— Стало быть, рано,— думаю, — коли Питер спит.

Даже на Невском—и то пусто: ни трамваев, ни автомобилей, ни извозчиков. Никогда с одного конца на другой так отчетливо не увидишь Александровский сад и адмиралтейство, как сейчас. Его высокий шпиль врезался в розовую зарю и освещал шашечную мостовую.

На Невском гул каблуков раздается еще громче. Прохожу Литейный и слышу, как у ворот ворчит дворник:

— Ишь, подняла нелегкая какую рань. Ходит, будит, леший.

Встаю на Аничковском мосту. От восхода солнца по набережной Фонтанки—букеты огненных цветов в окнах. Около Графского переулка хвастаются зелеными почками подстриженные липы.

Из домов начали выползать одиночки, шли в разные стороны: кто шибко, кто тихо — не остановишь топот.

Иду на Марсово поле, к братским могилам, смотреть венки и перечитывать в сотый раз «вечная память». Каждый день тянет сюда. Вчера вечером был опять. Врезался в голову вчерашний разговор — не выкинешь.

Кто-то незнакомый стоял рядом, пристально вглядывался мне в лицо и спрашивал:

— Товарищ, у вас слезы. Не надо их.

А у самого пара скатилась со щек и упала на могилу.

— А у вас?

— Есть родные тут?

— Все родные . . .

— А . . . стало быть питерский?

— Много лет здесь . . . А вы?

— Из Америки недавно.

Долго молчали. Потом начал расспрашивать, где работаю, сколько рабочих, как настроены, приходят ли ораторы, какие, и наконец:

— Скоро приеду я к вам.

— Зачем?

— Так вы же говорите, что у вас плохие ораторы.

— А вы разве? . .

Оглянул его небольшую фигуру, худощавое лицо и подумал: «Ну, парень, плохой из тебя выйдет оратор перед тысячами — заглушат».

II.

Около Летнего сада в нескольких местах колыхалось в воздухе: «Да здравствует Первое Мая!». Под солнцем ярко золотились золотые буквы и кисти.

С песней «Смело, товарищи, в ногу . . .» подходили и окружали все гуще́ и гуще братские могилы.

Из Садовой улицы, как из глубокого жолоба, хлынули звуки оркестра и поток бесконечный поток рабочих.

Поле завертелось, заколыхалось, как в водовороте. Не научились еще стоять колоннами, разбивались и мешались в огромную кучу. Раскололась куча, в трещине зафыркал грузовик и встал в середке. На грузовике стояли в черном, в сером и в рыжем.

Один, в сером, выступил вперед и протянул руку:

— Слово предоставляется тов. Володарскому.

Смотрю и не верю глазам: вперед выступил тот, кто вчера говорил мне: «Товарищ, у вас слезы». В том же синем нараспашку и поношенном пальтишке, в той же самой фуражке и помятом черном галстухе. Над головами, как высокие приятные звуки свирели, зазвенел его голос.

Не было ни одного человека, хотя бы самого заднего, который бы не уловил летающих по полю, зажигающих слов. Все замерли. Десятки тысяч глаз впились в фигуру оратора. А большим глазам его, видимо, мало было тысяч: они сверлили даль и хотели нащупать там целые миллионы дорогих ему глаз. Протискавшись через толпу, к грузовику подошел тов. Зиновьев. И как бы очарованный этим необыкновенным голосом и речью, несколько минут стоял, боясь пошевелиться. Потом начал карабкаться на грузовик, сорвался и полетел вслед за своей шляпой. Никто не обратил внимания. Даже на грузовике, заслушавшись речью, никто не догадался подать руку.

— Товарищ . . .

Один, в серой шинели, обернулся, увидев тов. Зиновьева, протянул руку:

— А мы вас ждем, забирайтесь, давайте руку.

Тов. Зиновьев взглянул еще раз на оратора, подумал и ответил:

— Да, я несколько задержался, но здесь прочно пока и без меня. Пойду на другую площадь, где послабже, а попозже приедем сюда и сменим.

Расколол плечи слушающих и скрылся.

А оратор говорил и говорил. Откуда только берутся слова. Ни одной запинки, ни одного слова повторения, и это продолжалось в течение двух часов без перерыва.

И как смешны вчерашние мысли: «Ну парень, плохой из тебя выйдет оратор перед тысячами — заглушат».

А тут стояли и, казалось, не дышали.

Помню Керенского, который не столько говорил, сколько декламировал свои речи, и в течение получаса так надоедал, что ждешь, как бы скорее кончил. А тут слушаешь и боишься, как бы не оборвал и не ушел.

Не дали расцвести еще ярче красному цветку, зажигавшему своим словом многотысячные взоры масс.

Но теми, кто слышал его, он не забыт. В их голове и до сих пор звучит его серебряный голос. А по вечерам тихий ласкающий шопот: «Товарищ, у вас слезы. Не надо их» . . .

«Московск. Правда» 1923, № 95. *Молодцов-Вечерний.*

Первомайское воззвание Коминтерна 1919 г. пролетариату всего мира.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует Первое Мая!

Да здравствует Коммунизм!

К ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕГО МИРА.

Товарищи!

Ровно 30 лет тому назад провозглашен был праздник 1-го Мая. В 1889 году на международном социалистическом конгрессе, в Париже, в момент, когда родился 2-й Интернационал, рабочие

всех стран решили праздновать 1-е Мая, как день мобилизации пролетарских сил, день борьбы, день международного братства. 8-часовой рабочий день, уничтожение постоянных армий, «против войны», — таковы были лозунги первомайского праздника 30 лет тому назад.

С трепетом ожидала европейская буржуазия первомайского праздника в 1890 году. В Вене, в Париже и в целом ряде других европейских столиц буржуазия подготовляла целые полки, ожидая немедленного восстания рабочих.

С тех пор праздник Первого Мая становится символом пролетарской солидарности, братского единства рабочих всех наций. Все бо́льшие и бо́льшие массы рабочих и работниц принимали участие в праздновании 1-го Мая.

Но в официальную социал-демократию тем временем пробиралось все бо́льшее количество элементов, враждебных делу пролетариата. К концу своего существования 2-й Интернационал все больше обесцвечивал праздник 1-го Мая. Величайшему пролетарскому празднику придавали казенный характер. Из него вытравливали душу живу. Некоторые вожди 2-го Интернационала, продавшиеся буржуазии, прямо стали убеждать рабочих отказаться совершенно от первомайского праздника.

Когда грянула империалистическая бойня, это желание продажных вождей исполнилось. Когда пришло 1-е Мая 1915 г., социал-предатели, как германские, так и французские, предложили рабочему классу о т к а з а т ь с я от празднования 1-го Мая.

«Война до конца», «война до полной победы»—таковы были лозунги тогдашних дней. Избиение рабочих одних стран рабочими других стран должно было итти непрестанно. В интересах «защиты отечества», рабочие не должны были прекращать работ ни на один день, ни на один час, чтобы, упаси боже, не упало военное производство, т.-е. производство оружия, при помощи которого рабочие одних стран истребляли рабочих других стран. Официальная социал-демократия заключила «гражданский мир» со своей буржуазией. Ничто не должно было нарушать доброго согласия между рабочими и их хозяевами. 1-го Мая должно быть принесено в жертву этому «гражданскому миру».

И первомайский праздник пролетариата в 1915 году превратился в первомайский праздник буржуазии.

Сатанинским смехом, подлым злорадством и издевательством встретила буржуазия всех стран отказ официальных социал-демократов от празднования 1-го Мая. Для буржуазии всех стран этот отказ рабочих от их праздника имел принципиальное значение. Отказ рабочих от их международного первомайского праздника, праздника братства, праздника труда и интернациональной солидарности, этот отказ для буржуазии любой страны стоил иного выигранного сражения на полях битвы.

Четыре года прошло с тех пор. Четыре долгих мучительных года, в течение которых буржуазия безжалостно истребляла огнем и мечом цвет рабочего класса и разоряла все страны Европы. Теперь империалистическая бойня, затеянная буржуазией, кончается. Рабочие всех стран могут подсчитать количество своих жертв. 30 миллионов убитых и искалеченных людей, десятки разоренных стран, миллионы голодающих людей, миллиарды новых военных долгов. Таковы итоги империалистической бойни. Война кончилась, и буржуазия тех стран, в которых она стоит еще на ногах, требует от рабочего класса немногого: чтобы рабочие сами покрыли издержки производства по истреблению этих 30 миллионов рабочих и крестьян. Платите по займам, вносите новые налоги за то, что мы так успешно сократили народонаселение во всей Европе. Не больше и не меньше . . .

2-й Интернационал погиб. Он подписал себе смертный приговор 4-го августа 1914 года, когда германские и французские социал-патриоты с одинаковым бесстыдством голосовали за военные кредиты, т.-е. за поддержку империалистической бойни.

Но идея Интернационала жива. Никогда еще у рабочих всех стран не было такой жгучей потребности в интернациональном объединении, как теперь.

Как истрескавшаяся после долгой знойной засухи земля жаждет живительного дождя, так рабочие всех стран, измученные 4-летней войной, преданные и обманутые своими вождями, жаждут интернациональной связи друг с другом.

Грабители-империалисты в Париже пытаются создать свой черный «Интернационал», так называемую «Лигу наций». Сознательные рабочие всего мира превосходно знают, что так назы-

ваемая «Лига наций» есть на самом деле лига буржуа-разбойников для у г н е т е н и я н а ц и й, для дележа мира, для закабаления рабочих, для удушения пролетарской революции.

А социал-предатели, те люди, которые во имя «социализма» предали рабочий класс буржуазии и помещикам, в Берне, в свою очередь, попытались создать свой желтый «Интернационал».

Оживление трупа 2-го Интернационала не удалось. Революционные рабочие всех стран отказались принимать участие в гнусной комедии в Берне. Они не послали своих представителей на то собрание, которое назвало себя Интернационалом только на том единственном основании, что там собрались убийцы Карла Либкнехта и Розы Люксембург вместе с убийцами французских и английских рабочих. Шейдеман и Альбер Тома, Брантинг и Гендерсон, Гюйсманс и Аксельрод одинаково являются лакеями буржуазии. Бернский ж е л т ы й Интернационал является только филиальным отделением парижского ч е р н о г о Интернационала.

Желтый и черный «Интернационалы» будут, разумеется, убеждать и в нынешнем году рабочих всех стран отказаться от первомайского праздника или придать ему казенный поповский характер. В германской революционной «учредилке», в Веймаре, шейдемановская шайка, вместе с попами и черной буржуазией, постановила уже превратить первое мая 1919 года в «национально-патриотический», т.-е. б у р ж у а з н ы й праздник: требовать в этот день возвращения Германии ее колоний и т. п.

Но в 1919 году сложился К р а с н ы й Интернационал — Интернационал Коммунизма. Наш 3-й Интернационал есть международное товарищество пролетариев всех стран, поставивших себе задачей низвергнуть буржуазию и учредить международную советскую республику. Наш 3-й Коммунистический Интернационал берет в свои руки организацию международного празднования 1-го Мая.

Р а б о ч и е, р а б о т н и ц ы, м а т р о с ы, к р е с т ь я н е, в с е л ю д и т р у д а!

Коммунистический Интернационал призывает вас всех принять участие в великом первомайском пролетарском празднике.

П р о л е т а р и и! Оглянитесь назад! За вашей спиной остались горы бесчисленных трупов наших братьев, павших

в самую кровавую и злодейскую из войн. Взгляните вперед! Что сулят нам буржуазные рабовладельцы, если они останутся у власти? Они сулят нам только новую войну, новую кабалу, новые миллиардные налоги, голод и беспредельное рабство.

В какой обстановке встречаем мы первую маевку после окончания империалистической войны? Во всей Европе дымятся развалины, миллионы пролетарских детей чахнут от голода. Хлеба нет нигде, ибо четыре года люди, вместо того, чтобы возделывать поля, убивали друг друга по указке кучки рабовладельцев. Города обезлюжены. В некоторых странах перебито почти все взрослое мужское население. Европа залита кровью. Во имя чего? Теперь, когда угар шовинизма проходит, когда подводятся итоги войны, теперь каждый человек видит, во имя чего велась эта война. Четыре грабителя-министра «великих» империалистических держав в тиши кабинета, таясь от народов, делят мир, кромсают народы, меняют страны, как цыгане меняют лошадей. Во имя этого легли десятки миллионов рабочих и крестьян, во имя этого велась война, которую Иуды, называющие себя социал-демократами, возвеличивали, как «освободительную», «великую», «прогрессивную» войну.

Но на развалинах старого рождается новый мир. Чем больше буржуазия всех стран душила во время войны рабочее движение, тем с большей силой вырвалось теперь революционное пламя наружу. Рабочий класс берет реванш за ту мучительную операцию, которую проделала над ним буржуазия в союзе с предавшими его официальными «социал-демократами»:

Коммунизм вышел на улицу. Коммунистическая революция растет на наших глазах. Советская Республика в России, Советская Республика в Венгрии, Советская Республика в Баварии— вот итоги борьбы рабочего класса за последнее время.

Вся Германия содрагается от напряжения гражданской войны. В Германии не осталось ни одного города, в котором рабочий класс не поднимал бы восстания против власти буржуазии и социал-патриотов.

На Балканском полуострове клокочет классовая борьба, которая переходит в гражданскую войну. Не сегодня-завтра коммунизм одержит полную победу на всем Балканском полуострове.

В Турции произошла революция.

В Австрии и Чехии рабочие сплачиваются под славным знаменем коммунизма, и близится момент последнего решительного боя.

Во Франции начались громадные демонстрации рабочих. Оправдание убийцы Жореса открыло глаза самым отсталым французским рабочим.

В Италии кипит борьба, и коммунисты зовут к диктатуре пролетариата.

В Англии стачки приобрели характер эпидемии. То тут, то там создаются рабочие советы.

В Америке рабочий класс выходит на улицу и готовится к решительным схваткам.

В Японии волнения рабочих приобретают все более массовый характер.

Во всех Скандинавских странах классовая борьба начинает переходить в гражданскую войну.

В нейтральных странах, как Голландия, Швейцария, сотни тысяч рабочих недавно участвовали в политической стачке.

Руки пролетариев рвутся к мечам.

Не пройдет и года, как вся Европа будет советской: рабочие всех стран поняли, что наступил решительный момент.

Советы—сим победиши! Так говорят рабочие всех стран.

Рабочие с презрением проходят мимо казенной социал-демократии, проповедующей им «демократию вообще», т.-е., на самом деле, буржуазную «демократию». Рабочие видят, что во всех передовых буржуазных странах хваленая «демократия» является не чем иным, как произволом, неограниченной диктатурой шайки разбойников, банкиров и генералов. Рабочие видят, что в самых свободных буржуазных «демократиях» безнаказанно убивают славных вождей рабочего класса, как убили Либкнехта и Люксембург в германской «демократии». Рабочие видят, как буржуазия всех стран объединенными усилиями готовится задушить пролетарскую революцию в России, в Венгрии и в Баварии и рождающуюся пролетарскую революцию в Австрии и Германии. Рабочие всех стран видели, как русская буржуазия на протяжении одного года продавалась то

германскому монарху, то французским банкирам, то японской, то английской, то американской буржуазии. Рабочие знают, что только диктатура пролетариата способна спасти человечество из того кровавого ужаса, в который ввергла его буржуазия всех стран. Рабочие знают, что пролетарская революция приведет в победе социализма.

Средины нет. Или кровавая диктатура палачей-генералов, убивающих сотни тысяч рабочих и крестьян во имя интересов шайки банкиров, или диктатура рабочего класса, т.-е. громадного большинства трудящихся, разоружающего буржуазию, создающего свою красную армию и освобождающего весь мир от рабства.

Долой самодержавие царей и королей! Этот клич раздался в 1917 году в России и эхом прокатился по всей Европе. Полетели короны с голов Николая Романова, Вильгельма Гогенцоллерна, Карла Австрийского и других — большого и малого калибра палачей.

Долой самодержавие капитала! Этот клич раздался теперь, когда рабочие большинства стран начинают свою вторую революцию, когда они восстают по второму разу, когда они готовятся к последнему и решительному бою.

8-часовой рабочий день — таков был лозунг первомайского праздника в прошлом. Советские республики это требование уже осуществили. Рабочие тех стран, где советская власть уже победила, ставят на очередь вопрос об осуществлении 6-часового рабочего дня.

Против буржуазного милитаризма — это старое первомайское требование остается в силе и сейчас. И во имя этого мы создаем сейчас свою красную классовую, родную армию, армию труда, армию бедняков, армию социализма. Красная армия существует уже в России, в Венгрии, в Баварии, в Австрии. Красная армия скоро будет существовать во всем мире. Красная армия победит!

Долой империалистическую войну! — провозглашали рабочие всего мира в день 1-го Мая. Долой их ю ю войну, долой войну, которую империалисты «Согласия» хотят объявить советским республикам России и Венгрии — скажем мы теперь. Да здравствует гражданская война, един-

ственно справедливая война, в которой угнетенный класс ведет борьбу против своих угнетателей!

Долг чести рабочих всех стран требует немедленного выступления против тех буржуазных правительств, которые хотят задушить родившиеся и рождающиеся на наших глазах советские республики в Европе.

Долой французских империалистов, долой буржуазию «Согласия», долой разбойников, желающих послать свои войска в Россию, чтобы вернуть власть помещиков, восстановить монарха, реставрировать буржуазию!

Французские, английские, американские, итальянские, сербские, румынские, польские рабочие и солдаты! Оберните свои штыки против собственной буржуазии. Ваш враг в собственной стране. Поднимите восстание в тылу против своих буржуазных правительств. Пусть не смогут они и подумать о том, чтобы послать вас на роль палачей и душителей венгерской и русской революций.

Германские и австрийские рабочие и солдаты! Оберните свои штыки против вашей собственной буржуазии и прислуживающей ей «социал-демократии». Облегчите рождение коммунистического общества. Вы, только вы можете спасти вашу страну от тех мук голода и безработицы, на которые ее обрекли короли, буржуа и генералы в союзе с изменниками «социал-демократами».

Польские, литовские, эстонские, финляндские рабочие и солдаты! Ваша собственная буржуазия и империалисты Германии и «Согласия» натравливают вас против великой русской советской республики. Помните: Федеративная Советская Республика России объединяет всех трудящихся без различия национальностей. Вашими руками буржуазия хочет сковать цепи для вас самих. На борьбу! На улицу! В день Первого Мая поклянитесь завоевать власть и свободу в каждой из ваших собственных стран!

Турецкие рабочие, солдаты и крестьяне! Вы начали революцию. Доведите ее до конца! Не дайте вашей буржуазии обмануть вас. Стройте советы! Создавайте свою

красную армию! Протяните свою руку всем советским республикам Европы!

Начинается штурм. Пожар пролетарской революции полыхает по всей Европе с неудержимой силой. Близится момент, которого ждали наши предшественники и учителя, и который предвидели гениальные основатели научного социализма — Маркс и Энгельс. То, о чем мечтали лучшие люди человечества, становится действительностью. Наше красное знамя, окрашенное кровью сердец целых поколений великих борцов и мучеников рабочего класса, это знамя реет над всем миром. Пробил час наших угнетателей! Первое Мая 1919 г. должно стать днем натиска, днем пролетарской революции по всей Европе. То, чего с ужасом ожидала европейская буржуазия 30 лет тому назад, осуществляется теперь.

Наши лозунги:

Да здравствует диктатура пролетариата во всем мире!

Да здравствует международная Советская Республика!

Все на защиту Российской, Венгерской, Баварской Советских Республик!

Да здравствует Международная Красная Армия!

Да здравствует III Интернационал!

Да здравствует Коммунизм!

Да здравствует Коммунистическое Первое Мая!

Пусть на улицах всех европейских столиц Первого Мая 1919 г. покажутся многочисленные батальоны пролетарской гвардии. Пусть всюду, где живут и борются люди труда, они выйдут на улицу Первого Мая. Пусть в каждом городе, в каждом селе первомайский праздник будет отмечен демонстрацией. Пусть неумолчно звучит во всем мире: Долой капитал, да здравствует коммунизм!

Пусть рабочие всех стран не выпускают винтовки, которую насильно вложила в их руки буржуазия в 1914 г. Вооружение рабочих, разоружение буржуазии — таков лозунг дня.

Бои, которые были до сих пор в разных странах, были только форпостными стычками между трудом и капиталом. Грядет великая битва. Надвигается решающее сражение. Вся Европа

полна гула от голосов негодующих и рвущихся к борьбе пролетариев. Подземные толчки доносятся с различных точек нашей планеты. В грозе и буре, в крови и слезах, в голоде и бесконечных страданиях рождается новый мир, светлый мир коммунизма, всеобщего братства трудящихся.

В 1919 г. родился великий Коммунистический Интернационал. В 1920 г. родится великая Международная Советская Республика.

Да здравствует Первое Мая!

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала

Петроград — Москва.
20 апреля 1919 г.

1-е Мая под белой пятой.

(1-е Мая 1919 г. в оккупированном Архангельске.)

Помнится что-то серое, придушенное, бесформенное. Хмурые лица рабочих и общая подавленность.

Союзно-генеральский каблук давит плотно, и, несмотря на это, рабочие ждали Первое Мая, как свой праздник, и долго гадали, разрешат или нет его праздновать.

В типографии, помню, собирались и говорили между собой:

— Надо выступить.

— Но... кто организует выступление? Где оружие? — уныло слышалось в ответ.

— Ну, тогда не выходить на работу.

— Где уж. Вот если бы все... А то добрая половина станет на работу, а вас отправят в Мудюгу.

Обезглавленность и растерянность рабочих сказывались в их неуверенности. Все хорошо помнили годовщину февральской революции, когда за выступление был разгромлен совет профсоюзов и его главари сидели в тюрьме. А шпики еще таскали разных лиц на допросы и водили по улицам арестованных.

Настроение было тягуче-тяжелое. И чем ближе к Первому Мая, тем тяжелее и серее.

Некоторые надеялись, что власть выступит с каким-либо обращением и скажет, будет праздник или нет; власть угрюмо

молчала. И только управляющий отделом просвещения возвестил:

«В виду поступающих запросов, уведомляю учебные заведения, что 1-го мая предлагается вести занятия обычным порядком».

Вот и все. И подготовка «социалистической» власти к Первому Мая выражалась разве в том, что каждый день в «Вестнике» печатались колонки об административных взысканиях за сочувствие советской власти, за распространение слухов и т. д.

* * *

Первое Мая.

Тусклая погода. Серые тучи нависли над серым городом. Моросит дождь. Река готовится к ледоходу. Неприветливо и уныло.

По городу с видом напроказивших собак бродят на всякий случай выставленные усиленные наряды ополченцев (а в ополчении сгруппировались все черные и палаческие элементы) и зорко следят: не соберутся ли где хотя бы пять рабочих.

Кое-где уже ходит провокационный слух, что рабочие будут выступать.

Но нигде ничего не видно. Магазины открыты. В школах идут занятия. Правительственные учреждения и городская дума работают. Не работают только некоторые частные предприятия.

Нудно, томительно и тяжело проходит день. И хотя бы один громкий живой голос. И только где-то в глубине, в недрах таилось и давило чувство протеста.

Мертво.

Фельетонист одной газеты так отметил этот день в очередном фельетоне:

Небо в тучах, кисло хмурится.
Дождь назойливый без устали идет.
Уподобясь мокрой курице,
Обыватель прет смотреть на ледоход.
Город дремлет и таинственно
Что-то думает в убежище своем,
Ополченец лишь воинственно
Взад-вперед шагает браво со штыком.

Так Архангельск праздновал день праздника труда лета тысяча девятьсот девятнадцатого.

«Красная Газета» 1920, № 94. *Ал. Деднов.*

1-е трудовое Мая.

Товарищи, в день Первого Мая пролетариат всего мира поднимал в высь красные знамена в знак непримиримой борьбы против капиталистического рабства. Раньше в странах господства капитала Первое Мая было днем мирной демонстрации. В этом году оно будет призывом к восстанию рабочих, к свержению диктатуры капитала и установлению диктатуры пролетариата.

В России, где восставший рабочий класс победил капитализм и помещиков, день Первого Мая должен стать праздником победы. Победа досталась нам великими жертвами. Как закрепить и сделать незыблемой кровью купленную победу трудящихся над насильниками и палачами? — Усиленным строительством новой жизни.

Мы научились ненавидеть и проклинать рабочий труд на чужой карман. Теперь мы работаем на себя, на укрепление своего рабоче-крестьянского государства, на улучшение положения всех трудящихся.

В день Первого Мая праздничным трудом русский пролетариат скажет всему миру: мы победили царя, помещика, капиталиста и чиновника; мы победим проклятое наследие буржуазии и посеянную войной хозяйственную разруху.

Мы построим новый мир без гнета и насилия. Мир равенства, братства всех трудящихся и всех народов.

Да здравствует власть трудящихся!

Да здравствует мировая победа трудящихся!

Да здравствует труд!

Да здравствует Первое Мая!

1920 г.

Центральный комитет Р. К. П.
Всеросс. центр. исп. ком. с. р. и кр. депутатов.
Всероссийский центральный совет проф. союзов.

Работа первомайских субботников.

От первого субботника на Моск.-Каз. жел. дор. ко Всероссийскому субботнику-маевке.

Расстояние, указанное в заголовке, пройдено в один год. Расстояние громадное. Как ни слабы еще все наши субботники,

как ни велика обнаруживаемая всяким субботником бездна недостатков налаженности, организованности, дисциплинированности, а все же главное сделано. Тяжеловесная махина сдвинута с места, а в этом вся суть и есть. Мы нисколько не обманываем себя насчет того, как мало еще сделано и как бесконечно много предстоит еще сделать; но только злосчастные враги трудящихся, злостные сторонники буржуазии, в состоянии пренебрежительно относиться к первомайскому субботнику; только самые презренные и бесповоротно продавшиеся капитализму люди способны осуждать использование великого первомайского праздника для массовой попытки введения коммунистического труда.

После свержения царей, помещиков и капиталистов впервые только очищается поле для настоящей стройки социализма, для выработки новой общественной связи, новой дисциплины общего труда, нового всемирно-исторического уклада всего народного, а затем и международного хозяйства. Это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей той атмосферой грызни и недоверия — вражды, раздробленности, взаимоподсиживания, которая неминуемо вырождается и постоянно возрождается вновь мелким обособленным хозяйством, хозяйством собственников. при вольном обмене между ними.

Свобода торговли, свобода обмена была сотни лет для миллионов людей величайшим заветом экономической мудрости, была самой прочной привычкой сотен и сотен миллионов людей. Эта свобода так же лжива насквозь, так же служит прикрытием капиталистического обмана, насилия, эксплоатации, как другие свободы, провозглашенные и осуществленные буржуазией, вроде свободы труда (читай — свободы умирать с голоду) и т. п. Все эти свободы созданы были собственниками. С этой свободой эксплоатации труда капиталом мы разорвали и рвем бесповоротно и боремся беспощадно. Долой старые общественные связи, старые экономические отношения, старую свободу подчиненного капиталу труда, старые законы, старые привычки! Будем строить новое общество. Нас не пугали поражения в ходе великой революционной войны против царизма, против буржуазии, против всемирно могущественных империалистических держав. Нас

не пугают гигантские трудности и неизбежные в начале труднейшего дела ошибки, ибо дело переработки всех трудовых навыков и нравов — дело десятилетий. И мы даем друг другу торжественное и твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе, борьбе с силой привычки, что мы будем работать годы и десятилетия, не покладая рук.

Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание привычку, во ежедневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину в коммунистический труд. Мы сдвинули с места глыбу неслыханной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычки свободной торговли, в свободной купле и продаже рабочей и человеческой силы, как любого другого товара. Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые заскорузлые привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь. Мы видели, как бесконечно слабая Советская власть на наших глазах нашими усилиями окрепла и стала превращаться в бесконечно могучую всемирную силу. Будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда.

Н. Ленин.

«Коммун. Интернационал» № 10.

Путь к счастью.

Прекрасная идея—сделать весенний праздник рабочих праздником свободного труда!

В неволе капитализма безымянный труженик, творец всех сокровищ земли, не понимал,—не мог понять,—всемирное, культурное значение своей работы.

Это непонимание естественно, ибо подневольный труд, работа на других—каторжная работа, проклятие человека.

Но теперь, товарищи, все вы работаете на себя и для себя, не понять это—преступно.

Власть—в ваших руках, и все, что нужно сделать для ее укрепления, вы должны сами сделать. Все—в ваших руках, значит, за все плохое вокруг вас вы отвечаете, только вы. Жаловаться—не на кого, ждать помощи—неоткуда. Звериная вражда тунеядцев—все еще страшная сила.

Но еще более мощная сила—свободный, разумный труд социалиста.

Где-то, в темных уголках науки, пытаются починить паутину, прорванную вихрем революции. А мы должны знать и уметь чувствовать, что наша трудная, будничная с виду работа имеет глубочайшее значение для всего мира, что каждое разумное и честное усилие, направленное на борьбу с разрухой, теперь имеет небывало огромный смысл, величайшее значение. Победим ли мы уродливое небрежное отношение к труду, которое привито в плоть и кровь нам веками рабства? Сумеем ли преодолеть в самих себе сопротивление животного индивидуализма и эгоизма социалистическим сознанием необходимости мужественного, упорного труда?

Эти вопросы трепетно ставят нам рабочие Европы, Азии, Америки—рабочие всего мира.

За нашей жизнью жадно следят десятки миллионов глаз, и хотя бездеятельное, пассивное сочувствие недорого стоит, немного даст нам, но будем верить, что тот, кто сегодня только сочувствует, завтра начнет деятельно и пламенно подражать нам.

Товарищи! Все ценное и разумное, все, чем люди имеют право гордиться, создано знанием и трудом. Эта простая истина—великая истина; ее надо усвоить нам, как верующие усваивают молитву.

Труд и знание—все победят; наука и работа развяжут всю тяжкую путаницу жизни.

И если вы хотите, чтобы труд был легок и день труда—днем праздника, возбуждайте в себе веру в творческую силу знания и труда.

Весело и бодро—за работу, нет пути к счастью более верного, чем путь свободного труда!

М. Горький.

«Коммун. Интернационал» № 10.

Труд и война.

Первомайскому празднику со дня его учреждения пролетариат стремился придать характер всеобщей стачки и международной манифестации—прежде всего против милитаризма и войны. Наш первомайский праздник в этом году имеет, на первый взгляд, прямо противоположный характер. Мы празднуем первое мая напряженной работой, и наш главный лозунг: на фронт! против белой Польши!

Не всеобщая стачка, а всеобщий трудовой праздник. Не демонстрация против милитаризма, а усиление наших армий. Так выглядит в этом году Первое Мая в Советской России.

Что же это такое? Нарушение основной мысли пролетарского праздника, отступление от международной солидарности? Нисколько. Наоборот. Мы пришли не нарушить закон, а исполнить его. Если по внешности Первое Мая как бы опрокинуто у нас на голову, то это только потому, что русский пролетариат опрокинул буржуазию и сам стал у руля.

Первомайская стачка была установлена, как яркий протест против капиталистической эксплоатации и напоминание о грядущем строе социалистической солидарности и высокой человечности. Мы опрокинули капиталистическую эксплоатацию. Мы можем осуществить новый строй только напряженным трудом. Рабочие Европы бастуют в этот день против своей буржуазии во имя социализма. Нашим трудовым субботником мы вбиваем в землю сваи социалистического здания. За различием форм—единство мысли и стремления.

Пролетарии всего мира демонстрируют в этот день против милитаризма и войны, ибо во всех буржуазных странах милитаризм есть самое подлое орудие классового угнетения, а война есть государственно-организованный грабеж и массовое убийство ради барыша.

Армия социалистической России есть организация вооруженной самообороны трудящихся против международных насильников и громил. Наша война есть оборона наших завоеваний, защита более счастливого будущего наших детей и внуков.

Международный пролетариат протестует в день Первого Мая против каниталистической военщины потому, что она—злейший враг трудящихся. Русский пролетариат в день Первого Мая напрягает все свои силы на поддержку Красной Армии, потому что она—его орудие, его опора и защита. Над различием внешних форм,—которое вытекает из того, что т а м у власти буржуазия, з д е с ь у власти пролетариат,—все один и тот же дух революционной борьбы против классового рабства.

Раздувайте ярче горны, пролетарии России! Пусть гулче бьет ваш молот в день Первого Мая. Целься метко в этот день, красный солдат! Тверже работай штыком и знай: твой удар по наковальне, как и по телу врага, есть подлинное служение делу мирового пролетариата и высшее выражение идеи Первого Мая.

Л. Троцкий.

«Коммун. Интернационал» № 10.

Новое в нашем первомайском празднестве.

Превосходное, изумительное празднество! Этот день был особенно замечателен тем, что сама рабочая масса внесла в него чрезвычайно много нового. Рабочие Петрограда—я надеюсь, также и рабочие всей России,—налету схватили новую идею, формулированную нашей партией, и претворили ее в жизнь.

1-е Мая в этом году превращено было в истинный праздник труда.

Проповедывать пользу труда людям, которые весь век свой трудились, которые десятками лет не разгибали спины за работой на капиталистической каторге, не так легко. Нужно было время, чтобы совершился этот психологический переворот, чтобы рабочая масса—не одиночки, не отдельные группы передовиков, а гуща рабочей массы—поняла, что ныне мы трудимся на себя,

что ныне проповедь труда является не добродетельным морализированием в духе Смайльса, а революционной необходимостью.

Кто наблюдал первомайское празднество в Петрограде, тот скажет вместе с нами, что ныне переворот этот совершился. Происходит нечто подобное тому, что было у нас года два тому назад с Красной Армией. После десятков лет грубого царистского милитаризма, после четырех лет империалистской бойни, рядовой русский солдат не мог питать особой симпатии к военной дисциплине. Когда до Октябрьской революции охочие люди проповедывали русскому солдату дисциплину, он в лучшем случае воспринимал эту проповедь, как жужжание надоедливой мухи. Только после того, как низвергнута была власть буржуазии, как зародилась Красная Армия на новой основе, постепенно слово дисциплина перестало быть пустым словом для рядового солдата нашей новой молодой армии, и лучшая часть красноармейцев не только сама подчинилась добровольно суровой дисциплине, но и стала проводить ее в самые глубокие низы.

Живо вспоминается картина первомайского празднества в 1917—18 г.г. Воинские части имели совершенно различный внешний облик в 1917 и 1918 гг. В 1917 г. старая царская армия находилась в апогее развала. И это чувствовалось на каждом шагу. И когда на демонстрации дефилировали большие массы солдат тогдашней «свободной» армии Керенского, каждый наблюдательный человек видел перед собою армию, обреченную на слом. Уже в 1918 году картина изменилась. Красная Армия делала первые свои шаги. Но поступь у нее уже была иная. Чувствовалось, что люди сбросили с себя оковы, что по крайней мере передовая часть новой армии вполне сознает свою историческую миссию. В 1918 году у новой армии был уже совершенно другой облик, другой звук шагов, другая спайка. Появился какой-то новый задор, уверенность в себе.

То же произошло в 1920 году с рабочими массами. Звук топора теперь другой, звон лопаты иной, движения более уверенные. Рабочий преобразился. Рабочий понял, что надвигается пора, когда труд становится, и уже частью стал, не подневольной каторгой, а занятием, достойным свободного в истинном смысле этого слова человека.

Замечательны эти новые внешние черточки, которые масса внесла в первомайское празднество. Большинство заводов Петрограда, кроме обычных плакатов, несло плакаты с изображением из области своей производственной жизни. Вот Вестингауз, показывающий превосходно сделанные модели своих тормозов. Вот галетная фабрика, демонстрирующая свои изделия. Вот балтийцы и лесневцы на плакатах демонстрируют предметы своего производства. Вот табачные фабрики, демонстрирующие свои изделия, и многие другие. Этого не было ни в 1918, ни в 1919 годах. К этому не звали партийные организации. Это сами рабочие внесли свое новое в наш первомайский праздник. Создается своя трудовая гордость, создается новая психология, когда предметом гордости для каждого рабочего является то производство, в котором он трудится на благо всех.

А работы на Марсовом поле? Самое чудесное зрелище, которое нам довелось наблюдать за три года нашей революции. Много раз за эти годы Марсово поле представляло собою величественную картину. Бывшее Марсово поле, ныне площадь Жертв Революции, знавало грандиозные боевые демонстрации, похороны, в которых участвовали сотни тысяч человек. Марсово поле видало виды. Но самым прекрасным Марсово поле, несомненно, было в день 1-го мая 1920 года. Настоящее колышащееся море людей, человеческая нива, живой муравейник. Большинство явилось на работы за час раньше, чем это было назначено. И как навалились все на лопаты, с каким усердием рабочие и работницы выполняли свою задачу. За несколько часов Марсово поле преобразилось. Каждый считал за честь посадить хоть один кустик в ту землю, где похоронен прах лучших борцов рабочего класса.

Столь же великолепны были работы на площади Урицкого, где моряки, курсанты и рабочие старались друг друга превзойти в усердии к работе. Вся программа работы была выполнена с излишком.

Особенно необходимо отметить превосходную работу товарищей-железнодорожников. Многие из них по собственному почину работали до часу ночи, т.-е. удвоили часы субботника. Перед началом работ громадная аудитория (так называемая «Яма» за Невской заставой) была битком набита. Настроение среди

железнодорожников небывало повышенное. И все с гордостью передают, какая работа выполнена, и вычисляют, что сделано и что еще надо сделать на ближайшем субботнике.

С таким же усердием около 10.000 человек работали и в субботу и в первую половину дня в воскресенье на огородах Петрокоммуны.

По предварительным подсчетам у нас в Петрограде на субботнике работало около 165.000 человек. Остальные демонстрировали. Но какая великолепная демонстрация. Совершенно особое настроение, не бывавшее еще до сих пор. Это совершенно особая картина. Торжественные ряды демонстрантов смешиваются с возами, нагруженными песком, с телегами, которые подвозят строительный материал, и т. п. Взаимная товарищеская любовь и пролетарское единодушие чувствуются на каждом шагу. Все друг к другу как-то особо ласковы. С особой лаской треплют по шее даже рабочих лошадей, которые, врезываясь со своей поклажей в ряды демонстрантов, иногда на минуту расстраивают правильное шествие.

165.000 человек работают на субботнике, и все-таки как много людей на улицах, как многочисленны ряды демонстрантов. Откуда только в голодном, обезлюженном Петрограде так много рабочих и работниц?

Совершенно особое, что-то новое чувствовалось и в отношении демонстрантов к Советской власти и к нашей партии. Нечто особо интимное, близкое, любовное. На лицах десятков тысяч рабочих и работниц можно было читать: «Ну, теперь самое трудное позади, ну, теперь мы видим, что вы были правы; может быть, и случится еще не раз побранить вас за ту или другую ошибку, но все-таки вы — молодцы, вы указали путь рабочему классу, вы — наши, и мы — с вами».

Маевка 1920 года есть крупнейшее событие в истории рождающегося коммунистического труда. Сведения, полученные из Москвы, показывают, что и там картина была такая же, как в Петрограде. И сведения со всей России, мы уверены в этом, только дорисуют картину.

Но какую любовь испытываешь к петроградскому пролетарию, когда видишь его все в новой и новой обстановке! 1-го мая 1920 года петроградский пролетариат еще раз показал, как чутко

реагирует он на новые злобы дня. Не тысяча, не десять тысяч, а 500.000 человек в Петрограде усвоили основную идею коммунистической партии, заключающуюся в том, что все силы надо теперь отдать трудовому фронту. И не прошло еще трех месяцев с тех пор, как партия наша дала этот лозунг трудовой России, и, что касается Петрограда, мы можем с уверенностью сказать, что этот лозунг усвоен.

Как прекрасна была грандиозная толпа вечером 1-го мая перед зданием Фондовой Биржи. По крайней мере, 30.000 человек зрителей, и ни одного инцидента, ни малейшего беспорядка, никакого назойливого вмешательства охранителей порядка, почти никаких представителей милиции, и тем не менее—образцовый порядок. И превосходная была показана народу картина: «Освобождение Труда». Простая, элементарная, но великая идея облеклась в плоть и кровь. И каждый из нас, 30.000 зрителей, с полслова понимал, что хотят сказать ему этой величавой картиной, и сердца собравшейся могучей человеческой массы бились в унисон.

Да, мы дожили до того, что начинаем видеть уже результаты напряженной борьбы последних трех лет. Что-то новое в отношениях людей друг к другу, что-то новое в организации труда. Идея коммунизма сошла на землю. Идея коммунистического труда облекается плотью и кровью.

Г. Зиновьев.

«Коммун. Интернационал» № 10.

Прежде и теперь.

25 апреля 1910 г.

Командиру N-ского полка.

В виду сообщения петроградского градоначальника о ставшем известным вверенному ему управлению намерении противоправительственных организаций, каковыми являются партии социал-демократов и социалистов-революционеров, в особенности первая из них, воспользоваться днем 1 мая, как праздничным в Западной Европе для всех промышленных рабочих, и необходимости воспрепятствовать каким бы то ни было преступным

проявлениям и попыткам нарушить общественную тишину и порядок, предлагаю вашему превосходительству принять особые меры предосторожности как для охраны и наблюдения порученного вашему полку всегдашнего района, так и в отношении особого надзора за появлением накануне указанного дня и в самый день 1 мая каких бы то ни было посторонних лиц в казармах и на дворах вверенного вам полка.

В отношении охраны вашему превосходительству надлежит обратить особенное внимание на могущие быть организованными толпы рабочих прилегающего к расположению N-ского полка завода. NN, и при малейшем скоплении народа начальнику назначенной вами части надлежит принимать самые решительные меры для быстрого и окончательного рассеяния толпы, предлагая ей не останавливаться на улице вообще.

Начальник дивизии генерал-лейтенант N.

* * *

Прошло одиннадцать лет.

25 апреля 1921 г. Комиссару N-ского полка.

В виду приближающегося дня великого праздника трудящихся, 1 Мая, прошу вас принять все меры к разъяснению товарищам-красноармейцам значения этого всемирного торжества. Вами должны быть организованы в разных помещениях полка беседы, лекции и сообщения, которые могли бы основательно выяснить как историю, так и современное значение 1 Мая для пролетарских масс. В самый день 1 Мая должен быть организован общий полковой митинг, ораторы для которого будут присланы вам своевременно.

Комиссар бригады N.

«Красный Командир» 1921 г.

Солнечный поток.

В канун Первого Мая вечер черной птицей с бархатными крыльями спустился на-земь. Весенний дождь напоил мостовые, и, оплодотворенные дневным солнцем, они к вечеру расцвели десятками, сотнями зеленых побегов — молодыми рабочими в синих блузах, со взорами — смеющимися, движениями — угло-

ватыми, голосами — срывающимися и некрепкими. Запестрели маленькими пионерами с голыми коленками, посохами, шляпами и яркими ленточками; подростками из единой трудовой школы в старых фуражках реальных училищ и серых гимназических шинелях. У этих — задорные лица; они курят и выкидывают замысловатые фортеля перед подростками-девочками в белых кружевных передничках. Рабочие ребята держатся отдельно и называют паренышек в гимназических шинелях, с озабоченным видом бегающих по саду, «гнилушками».

Завтра на демонстрации хор с трамвайного парка собственные песни будет петь: не то, что эти «гнилушки».

* * *

До поздней ночи шумели и баловались ребята; звонко пели старые песни; придя в экстаз, качали «комитетчиков», подкидывая их до верхушек яблонь.

Деревья еще не покрылись листвой, но ветви уже проснулись, уже пьют весеннюю влагу и дрожат одной дрожью с этими синими ребятами — заводскими учениками, которые, немного помявшись, развеселились, разгулялись и кричат хором, думая, что поют:

Ай да ребята,
Ай да комсомольцы,
Браво, браво, молодцы!

* * *

В 7 час. утра мы уже на заводе.

Разбрасывая рубанком золотые стружки, Чижов готовит древко для знамени. Он — секретарь союзной ячейки, девятнадцатилетний, голубоглазый, с нежно-смуглым, слегка обветренным лицом. Он — заготовщик, но почему-то смахивает на юнгу. Старик сторож вертится тут же, улыбается и часто мигает слезящимися глазами. Чижов хвалится:

— Живописец запросил 30 лимонов за то, чтобы сделать надпись на знамени. А заведующий заводом даром сделал. Он сам — владимирский богомаз.

Развертываем красное полотнище: на нем золотом выведено: «Рабочая молодежь — резерв пролетарской революции». Наверху в аккуратно причесанном венце колосьев — серп и молот. Буква «з» перевернута в обратную сторону. Но от этого надпись

выглядит еще лучистей, милее, ближе; она сделана мозолистой рукой, уже бросившей писать «святые лики».

— Хороший у нас заведующий, — говорит Чижов. — А оратор какой!

Пока сходятся рабочие, мы выходим за заводские ворота к шлюзам, садимся на цементный барьер, болтая ногами над водой. В канале вода почти высохла, густая нефть жирными коричнево-черными кругами стекает по дну.

— А солнца-то сколько первомайского!.. — щурится Соловьев, глядя на небо. И вдруг, точно вспомнив что-то важное:

— А молодежь пойдет впереди. Ведь это—наш праздник. Больше всего — наш!

* * *

Движемся плотной колонной. Впереди колышется огромное красное знамя. За ним — девушки в розовых, голубых, белых платьях с красными лентами в белокурых косах. Они идут, взявшись под руки, плотно прижавшись друг к другу, весело напевая и ежеминутно поправляя соседке то поясок, то бантик, то непослушную прядь волос. Парнишки тоже разодеты по праздничному: клёш со складкой, пиджаки с разрезом, картуз с золотым шнурком. Они сбиваются с ноги и громко поют, стараясь перекричать старших.

Из соседних улиц и переулков все время вливаются новые отряды: вот идут рабочие с «Поставщика», вот из типографии б. Сытина, вот интернатские. У Райкома перестроились и двинулись в город. Мимо нас с шумом проносятся тяжелые грузовики, украшенные еловыми ветками и детьми. Дети кричат «ура», машут флажками...

Итти приходится очень медленно: стотысячные толпы запрудили улицы, стекаясь к Красной площади. Где-то впереди образовался затор. То перед нами, то сзади возникает песня, подхватывается тысячами звонких голосов, рвется ввысь, бьется о каменную мостовую, о стены домов, волной прокатывается по толпе, дробится и развивается в солнечном воздухе, превращаясь в звенящий ветер, в белоснежное облако, в грядущий шум.

Люди уже не идут мимо неподвижных домов; вся улица, мостовая, небо, тысячи девушек и юношей живут одним движе-

нием, слились в один солнечный поток. Это—не каменные своды, сложенные столетия назад, — это дома расступаются, сгибаются арками, чтобы дать проход рабочим толпам. Это не мы несем знамена — они — первомайские — плывут над нами и ведут нас за собой из заводов в города.

Сегодня вся Москва — комсомольская, вся — юная, красная, бодрая, восторженная... Заводы, профсоюзы, молодежь.. Свердловки в зеленых солдатских шинелях, похожие на свердловцев, и русокудрые свердловцы, похожие на свердловок.

Чижов подбегает, запыленный, радостный, сверкая глазами, и говорит: «А юношеских знамен-то сколько!» — и широко разводит рукой...

— Да, больше всех, юношеских знамен, а под ними идут молодые рабочие, все похожие на Чижова. Комсомольские знамена сменяют старые...

— Смена уже пришла.

* * *

Подходим к Красной площади. Солнце спустилось уже низко, но усталости не чувствуешь. Все песни уже спеты. Но хочется запеть что-то новое, такое, чего не пели раньше, что объясняло бы, почему сегодня все рабочие вышли на улицу, почему нынче Первое Мая—не как прошлогоднее. И кто-то запел «Карманьолу». Незнакомые слова, незнакомый мотив, но сразу почувствовали: «Это то, что нужно»...

Так к чорту всех буржуев —
Пусть гремит гром борьбы!
Эй живей, живей, живей
На фонари буржуев вздернем!
Эй, живей живей, живей.
Хватило б только фонарей...

* * *

Входим на Красную площадь, и вдруг кто-то справа крикнул:

— Поздравляю рабочую молодежь!

Оглянулись...

Троцкий.

Он стоит в толпе, высокий, улыбающийся, усталый и восторженный. Руки как-то сами поднялись, стало тепло и радостно,

захотелось что-то крикнуть ему, дотронуться до него! Но поток течет дальше, и только голос Троцкого звучит в ушах, его матовое лицо, серебро и черная ночь его волос, его стальная фигура, его улыбка маячат перед глазами...

Опять входим на мост и движемся к Замоскворечью. Сразу почувствовали, что устали, захотелось говорить, рассказать что-то важное. Мой сосед, подросток комсомолец, путаясь, шепчет:

— И какой он... родной... Как отец... Я раз не был дома больше года... Потом приехал и увидел отца... Он стал как-то ближе. Голос его в темноте узнаю... Улыбается так само, как раньше... Только седых волос больше стало. Подумал я: «Как мог без него быть целый год»...

— Ну, и что?

— Да ничего... Только Троцкий — так само...

Смутился и замолчал...

— Чижов, правда, хорошо? Ты бы мог быть без союза?

— Без союза — нет...

Мы отошли в сторону и сели отдохнуть у железных перил.

* * *

Вечер... Чижов рассказывал о себе.

— Отец мой — крестьянин. Разверстку у нас в деревне разложили неправильно, пришлось по 150 пудов картошки на двор и еще хлеба... Выбрали отца ехать в Москву — жаловаться. Отец больше всех бунтовал... А как приехал в Москву, побывал здесь у Калинина и по его пропуску у Ильича — сразу переменился. Стал говорить, чтобы разверстку несли полностью; если еще будут требовать, тоже надо давать... Умер он здесь в Москве. Перед смертью сказал мне и старшему брату. «Идите в коммунисты... стойте за Советскую власть — она наша». Закончил Чижов, обернувшись ко мне: — Как же могу я быть без союза?

Стемнело. От реки потянуло прохладой. Зажглись городские огни. Мы крепко пожали друг другу руки и, уходя снова в город, я понял:

— Наш союз вечен... Если бы он рассыпался, погиб — новый родился бы из этих молодых сталных рядов: они не могут без союза!

Оскар.

«Комсомольский Май» 1923 г.

Грандиозно и радостно.

(Из первомайских впечатлений)

Все это было весьма грандиозно. — Таково мнение всех.

— Грандиозно, прекрасно, необычайно, — так восторженно отзывались все и вся, делясь праздничными впечатлениями.

Давка, в буквальном смысле слова, давка.

Вам хорошо знакома давка в трамваях, давка в тесных помещениях, на многолюдных собраниях и митингах.

Точно такая же давка была Первого Мая на улицах, — на верстах улиц, на площадях.

От зданий штаба до Октябрьского вокзала запружен, задавлен был Октябрьский проспект. Запружены также Морская, Литейный, Троицкая, проспект Нахимсона. Из недр рабочих окраин, с островов и заречий стеклись сюда колонны, рея красными знаменами. Ждали сигнала, чтобы гигантским потоком хлынуть и в параде показать свою мощь. И сгрудились так, и давка такая была, что не пройти, словно не на улице это, а в узком выходе с многолюдного митинга.

* * *

Величав, грандиозен парад на площади Урицкого. Двумя речищами льются, извиваясь змеями, колонны к трибуне; из-под арки с Морской—железные, стройные, сверкая щетиной штыков— ряды красных войск. И с Невского—цветисто-пестрые, шумливо-подвижные колонны рабочих. У трибуны, сливаясь, разливаются в разные стороны, и первая — по ул. Желябова, вторая — по набережной, и снова встречаются у братских могил на площади Жертв.

Алеют тысячи знамен.

Беспрерывный гомон возгласов, крики, десятки оркестров, песни сливаются в общий, буйный, торжественный, радостный крик. Интернационал, марши, раскатистое «ура-а-а-а» и раздельные дружные крики комсомольцев:

— Да здра-вству-ет Пер-вое Ма-я. Ур-а-а!!!

И — ура... ура... ура, ура, ура!!!

Все слилось, все смешалось.

Весело, радостно. Веселы праздничные лица демонстрантов. Радостны их жесты приветствия. Радостно все так же, как радостен сияющий солнечный день.

Весельем дышат беспрестанные игры и шутки, песни и пляски в стоящих на Невском и чающих движения колоннах. Радостно дышат раздающиеся там и тут крики.

— Гоп... оп... оп... еще оп...

Это качают, как мячик, высоко бросая в воздух, товарищей.

Исключительно задорны комсомольцы и студенчество. Не успеет любопытный буржуй выглянуть в окошко, как в ответ ему летит злорадное, громкое тысячеголосное:

— Смо-три-те, как не-ле-по рас-плы-ла-ся ро-жа Нэп'а. Ха-ха-ха, — гогочут зиновьевцы.

С балкона Европейской гостиницы буржуй попробовал снять кодаком.

— Сни-май нас, а по-том мы сни-мем вас, — кричат ему универсанты.

Один студент оседлал другого и, катаясь по улице при дружном хохоте всех, машет аншлагом:

— Смерть фашизму!

Проходящие красноармейские части приветствуют так, что, когда очередь дошла до кавалеристов, их лошади стали шарахаться.

На этот раз больше, чем когда бы то ни было, и чуть ли не впервые демонстрировали студенты.

* * *

Много детей. Благодаря им особенно много шуму, веселья. Школьники проходят в колоннах и... вот у кого нам нужно бы поучиться кричать «ура»! Сотни малышей катались на грузовиках. И были то не грузовики, а какие-то корзинки с цветами.

Иные же просто шли вместе с колоннами и, восседая на руках и плечах отцов, матерей, задорно и весело махали флажками.

* * *

Величественно, стройно и строго проходили войска мимо братских могил. Широким фронтом, редким медленным шагом, склонив знамена и штыки. Под уныло-плавный похоронный марш.

Священно-величественно.

* * *

Город был мало декорирован. Не было и общих инсценировок. Но вместо этого много инсценировочности и декоративности выявили сами заводы.

Бездна колесниц ярко-красочных, цветистых. Впереди почти каждой колонны шли колесницы. Здесь было все: эмблемы революции, Интернационала, инсценировки труда, инсценировки социал-предательства и издевка над подыхающим капитализмом.

Производство мастерских отразили рабочие в своих демонстрациях. Прошло несколько кузниц с настоящими пылающими горнами. Радостно и стройно пели удары молотов по наковальням. Шествие рабочих «Большевика» открывал их красавец-трактор. Железнодорожники шли с паровозом; химики — с бутылями кислоты; «электросиловцы» — с динамо-машиной; Путиловская верфь с пароходом и т. д. и т. д.

Свободный труд праздновал свою победу.

* * *

«Выкуривай фашизм!» — таков главный лозунг плакатов.

Исключительным почетом пользуется Пуанкаре. Свое внимание к нему рабочий Питера выражал во всех видах.

То Пуанкаре, браво махая мечом, командует над окруженными солдатами рурскими углекопами; то он законопачен в гроб; то спрятался в бочку; то убогая и жалкая фигура его болтается на веревке; то смешною раскорякою посажен на кол и под колом написано:

«Судьба мирового фашизма».

То он вместе со всею Антантою посажен в гигантскую галошу «Треугольника» и вместе со всеми под жалобные стоны шарманки на мотив «Разл-у-у-ка, ты разлу-у-у-ка, чужая сто-о-ро-на» дружным хором поет:

Попали мы в галошу
И сели навсегда,
Галоша, ты, галоша . . .

* * *

Бездна народа не только в колоннах, бездна гуляющих по улицам также. Словно никто в этот день не мог усидеть дома, и какая-то сила каждого гнала на улицу.

Быть на улице Первого Мая стало традиционным правилом, стало бытом, потребностью нашей.

Словом, как следует досталось в этот день мостовым. И не скоро они отдохнут после этого. С раннего утра и до 8 часов вечера разливались во всех направлениях шумливые и мощные колонны.

Колонны разошлись. Знамена свернуты и поставлены в клубах. Но улицы полны народом. На Невском до поздней ночи не только панели, а все мостовые покрыты сплошь публикой.

На Покровской площади открытая сцена. Готовится инсценировка. До начала еще далеко. Но густою, плотно сдавленной толпой покрыта вся площадь. Люди на крышах и на деревьях.

— Первое Мая — это наш быт — новый быт.

Все — на улицы. И улицы требуют веселья, шума, много шума, смеха и зрелищ.

Первое Мая наш праздник — день радости.

* * *

Грандиозно, величественно, радостно, весело.

Но не грандиозностью своей приметна эта маевка. И в 20, 19 и 18 г.г. празднества были тоже грандиозны. Но именно в этом году мы все, да и не только мы, заметили, поняли, почувствовали сердцем, почувствовали грандиозность праздника, почувствовали как нашу плоть и кровь. Вот чем должен быть отмечен «1 Мая 1923 г.».

В великих борениях на десятках фронтов; среди чуть ли не повседневных побед, поражений; в тине нужды, голода, холода, когда демонстрации шли одна за другой и были также обычные, как будни — напряженные нервы наши тогда могла мало тронуть маевка.

И вот на фоне тихого спокойного повседневного труда, в болоте наших монотонных будней праздник встает перед нами во весь свой гигантский рост, как нечто величественное, необычное, грандиозное. Он встряхивает нас, поднимает, наполняет восторгом, и мы поражаемся его величавым размахом.

... Другие масштабы.

В. Чадаев.

«Правда» 1923 г., № 96.

Первое Мая у «нас» и у «них».

У нас улицы городов были заняты господствующим трудом. В «демократиях» — кровавые побоища и аресты. Два мира, два строя.

Всякий имеющий глаза, чтобы видеть, должен констатировать факт: Первого Мая на всей территории Союза трудовая масса была на улице. Рабочий класс, крестьянство, студенты, учителя, под руководством нашей партии, праздновали праздник трудящихся. Сотни автомобилей с пролетарскими детишками носились по улицам. Смех и радость — даже там, где был дождь — звучали повсюду. И вместе с тем все было наполнено великим чувством солидарности трудящихся, тем новым душевным строем, который все больше и больше завоевывает себе господство в нашей стране.

С каждым годом наш первомайский праздник увлекает все более широкие слои народа. Миллионы идут под красными знаменами. Миллионы поют великий гимн освобожденного труда, ставший гимном советского государства. Громадные массы народа с воодушевлением идут на свой праздник, завоеванный кровью в долгой, упорной, мучительно-тяжелой борьбе.

А в благословенных странах капитала? В «демократиях», милых сердцу меньшевиков? В странах свободы и цивилизации, где «торжествует право и справедливость»?

Сухой перечень событий дает нам яркую картину.

Демократическая Польша, где царствует фактически маршал Пилсудский, «социалист» и прочее: в Варшаве 120 раненых, 140 арестованных, погром; «польская социалистическая партия» действует против рабочих совместно с полицией; печать отмечает, что не было такого кровавого праздника с 1905 г. «Демократия» оказалась достойной лавров Николая Романова.

Латвия. Кровавое побоище на улицах Риги. Фашисты побили и изуродовали даже социал-демократических министров, очевидно, в награду за усердную службу капиталу.

Чехо-Словакия. Уволены бастующие железнодорожники.

Ф р а н ц и я. Все городовые были мобилизованы против рабочих; 15 рабочих ранено.

И т а л и я. Кровавые побоища в Милане, Триесте, Ливорно. Убитые и раненые. Поджоги фашистами рабочих бирж, разгромы рабочих типографий и прочее; з а п р е щ е н и е со стороны правительства праздновать пролетарский праздник.

Вот «картинки с натуры». Стоит только сравнить то, что было у нас, и то, что разыгралось на улицах крупных городов Европы, чтобы видеть, где настоящее право рабочего класса и где — бесстыдный обман, предательство, издевка.

Но и на Западе через борьбу идет рабочий класс к п о б е д о н о с н о м у «Первому Мая». Придет и там конец такому состоянию, когда буржуазия может безнаказанно лить рабочую кровь и обагрять ею булыжники мостовых.

К этому идет дело.

В Б е р л и н е на улице было больше полумиллиона пролетариата.

Фашистский сброд не осмелился напасть на рабочих. Демонстрация шла под лозунгом единого фронта, но все видели доминирующее в л и я н и е к о м м у н и с т о в. Вот в чем угроза для Стиннесов и Носке. Вот где шаг вперед по направлению к победоносной пролетарской весне.

Знамя Первого Мая веет теперь во всех уголках земного шара. В первый раз П е к и н, древняя столица китайских императоров, услышал великие слова пролетарского объединения. П е р с и д с к и е рабочие праздновали этот праздник. И пусть себе лондонский «Морнинг Пост» воображает, что можно сводить все дело к «шайке иностранцев, являющихся агентами большевистского правительства». Этим дуракам в цилиндре совсем невдомек, что опасность поважнее: пришли в движение миллионы. Их нельзя сжить со света. А они идут к той же цели, что и русский пролетариат. Они з а в о ю ю т свой праздник, и господа Керзоны будут тогда прогуливаться по улицам Лондона в виде глупых чучел, набитых соломой. Они достойны этого исторического памятника. Они его заслужили так же, как заслужил право и на свое господство р а б о ч и й к л а с с.

«Моск. Правда» 1923, №, 97 от 4-го мая.

Список примерных тем по истории празднования Первого Мая и основная первомайская библиография.

1. Первомайские мотивы в до-революционной и после-революционной литературе.

2. Мотивы борьбы в первомайской поэзии.

3. Мотивы строительства в после-революционной первомайской поэзии.

4. Демонстрация в художественных произведениях и в воспоминаниях.

5. «Сон под Первое Мая» и «Первомайский сон» как картины будущего.

6. Первомайские прокламации. Их содержание и характер.

7. Первомайские лозунги в связи с развитием партийных организаций.

8. Что отмечают авторы воспоминаний о Первом Мае.

9. Празднование Первого Мая в кружках.

10. Как формулируется значение Первого Мая в первых речах рабочих.

11. Москва в подполье.

12. Празднование Первого Мая в до-революционной России.

13. Первомайская демонстрация, как протест против окружающих условий.

14. Новые лозунги в первомайской прокламации 1905 г.

15. Первое Мая в тюрьме и ссылке.

16. Ленские события и подъем празднования Первого Мая в 1913 — 1914 г.г.

17. Первое Мая и милитаризм.

18. Кризис первомайского празднования в эпоху войны.

19. Первое Мая в эпоху Октябрьской революции.

20. Первомайский субботник — праздник в труде.

21. Первое Мая в эпоху Второго и Третьего Интернационала.

22. Первое Мая и соврем. рабочее движение на Западе.

23. Первое Мая, желтый Интернационал и фашизм.

24. Интернациональный характер Первого Мая.

24. Первое Мая, как праздник классовой борьбы.

Не приводя полной первомайской библиографии,—тем более, что таковая указана в книжках *О. Э. Вольценбурга* и *Вал. Фейдер* «Что читать о первомайском празднике?» Петерб., 1922 (готовится новое издание) и «Первое Мая в рабочих клубах». Изд. «К р а с н. Н о в ь». М., 1923 г. (в обеих книжках приведен перечень книг, брошюр и статей с обзором их содержания), — отметим только наиболее крупные издания, особенно те, которые могут послужить дополнением к приведенным в хрестоматии материалам: *К. Шелавин*, Первое Мая в России. Изд. «П р и б о й». Петр., 1923 г. — *А. Раевский*, История Первого Мая в России. Госизд., 1923 г. (в обоих общий очерк празднования Первого Мая). — *В. П. Акимов-Махновец*, Первое Мая в России — «Б ы л о е» 1906 г., №№ 10 — 12 (Общий очерк до 1906 г.). — *Л. Василевский (Плохоцкий)*, К празднованию Первого Мая в русской Польше—«Б ы л о е» 1907 г., № 1 (Дополнение к очерку Акимова-Махновца). — Первое Мая. Сборник статей и материалов. Составил *М. Равич-Черкасский*. Госизд. Украины, 1923 г. (перепечатаны статьи Акимова-Махновца, Валка и др.). — *С. Валк*, Материалы по истории празднования Первого Мая—«К р а с н а я Л е т о п и с ь» 1922 г., № 4. (Первое Мая начала 1890-х г.г.). — *В. Святловский*, К истории Первого Мая (1890 — 1893 г.г.)—«Б ы л о е», кн. 16 (1921 г.). — *Его же*, На заре Российской социал-демократии—«Б ы л о е» кн. 19 (1922 г.) (Первые маевки в Петербурге). — *В. Карелина*, На заре рабочего движения в Петербурге—«К р а с н а я Л е т о п и с ь» 1922 г., № 4 (Начало 1890-х г.г.). — От группы Благоева к Союзу борьбы. Сборник. Донск. Отд. Госизд., 1922 г. (Воспоминания участников маевок 1890-х г.г.). — *Н. Рязанов*, Обуховское дело. Материалы для истории празднования Первого Мая в России. Петр., 1918 г. — *Виктор*, Первое Мая в Москве. Сборн. «Н а з а р е р а б о ч е г о д в и ж е н и я в М о с к в е». М., 1919 г. (1909 — 1915 г.г.). — Сборник «И з э п о х и «З в е з д ы» и «П р а в д ы». Вып. I. М., 1921 г. (1911 — 1914 г.г.). — *Ив. Меницкий*, Первое Мая в военные годы в Москве. Сборник «П у т ь к О к т я б р ю». Вып. I. Москва, 1913 г. — Памятники агитационной литературы Р. С.-Д. Р. П., т. VI. Период войны. Госизд., 1923 г. (Прокламации 1914 г.). — «К о м м у н и с т и ч е с к и й И н т е р н а ц и о н а л» № 10. — *С. Валк* и *А. Шилов*, Каталог первомайских прокламаций. Ленинград. 1924 г.

Цена 1 р. 25 к.